

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть I (2)

Москва 1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (2)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Г.А.Зюграф, Е.И.Кычанов,
Ю.А.Петросян (председатель), Э.Н.Темкин**

**© Ленинградское отделение
Института востоковедения АН СССР**

1981

М.А.Болдырева

СТИХОТВОРЕНИЕ ГУНАВАНА МОХАМАДА "АСМАРАДАНА"

Гунаван Мохамад – известный эссеист и литературный критик Индонезии. Его стихи стали появляться в индонезийских журналах с 1961 г. Он является автором сборника стихов "Париксит" (имя мифического царя – предка яванцев), вышедшего в 1971 г. Здесь мы рассмотрим одно стихотворение Гунавана Мохамата "Асмарадана".

"Асмарадана" – это яванская стихотворно-песенная форма любовного содержания.¹ Формально "асмарадана" характеризуется фиксированным количеством стихотворных строк (обычно от семи до восьми) и слогов в каждой строке (обычно восемь). Гунаван Мохамад в своем стихотворении "Асмарадана" не следует формальным характеристикам этой разновидности яванской поэзии, – его "Асмарадана" написана в форме стихотворения в прозе, лишь сюжет традиционен, это сюжет одной из многочисленных "асмарадан".

Здесь речь идет о Дармавулане, который оставил свою Андясмару, когда пошел в поход на непобедимого Менакинга, чтобы защитить свою королеву.

Текст стихотворения:

Он слышал шум крыльев летучих мышей и падение последних капель дождя, потому что ветер касался кемунинга.² Он слышал, как забеспокоились лошади и закричала повозка, когда небо снова прояснилось, обнажив далекое созвездие Бисамакти.³ Но ни один из двоих ничего не говорил.

Затем он сказал о предстоящем расставании, о смерти. Он видел карту мира, предстоящее путешествие, войну, но сказал не обо всем.

Он знал, что эта женщина не будет плакать. Поэтому, когда на следующее утро останутся следы на траве, удаляющиеся от дома

на север, она не станет отмечать то, что прошло и то, что должно прийти, потому что не осмелится более сделать это.

Андясмара, моя любимая, живи, как раньше.

Луна заколебалась в ветре, вечная во времени.

Сквозь тьму и свет ты забудешь мое лицо, я забуду твое.

Нам представляется интересным рассмотреть это стихотворение с точки зрения его формальных приемов, — чтобы выяснить, как передан в нем сюжет традиционной яванской стихотворно-песенной формы "асмарадана", выделить ряд поэтических приемов, характерных, очевидно, для художественно-образительных средств Гунавана Мохамеда в целом и в некоторых случаях одновременно являющихся отражением яванской фольклорной традиции.

Это стихотворение в прозе делится на четыре отрывка, представляющих разные интонационно-смысловые единства.

О происходящих событиях — предстоящем расставании героев мы узнаем многосказательно, из первого отрывка: в восприятии героя дается ряд отдельных, выхваченных его слухом моментов окружающего, предшествующих расставанию. Это моменты, детали окружающей природы и быта, выражающие тревогу перед разлукой или непосредственно связанные с предстоящим отъездом. Но о самом расставании еще ничего не говорится.

Во втором отрывке говорится о самом расставании — как это представляет, как об этом говорит герой.

В третьем отрывке говорится о том, как героиня воспримет его отъезд (ее восприятие дается в будущем времени), это известно опять-таки из его знания об этом, из того, как он это себе представляет.

Четвертый отрывок представляет обращение героя к Андясмаре в виде прямой речи, перемежающейся отступлением, похожим на внутренний монолог.

При рассмотрении четырех частей (отрывков) этого стихотворения в качестве характерных поэтических приемов можно отметить следующие: при общей очень лаконичной манере изложения сюжета "асмарадана" применяется прием использования отдельных штрихов-образов, изображающих характерные моменты, детали окружающего — природы, быта.

Прием создания параллельных ситуаций — созвучие происходящим событиям и настроению людей окружающей природы — характерен для форм традиционной яванской поэзии и, в частности, для поэзии "тембанг". Лаконизм, свойственный этим формам традиционной

фольклорной поэзии, сочетается с ярко выраженной образностью, — это сочетание достигается символичностью образов.

Каждый штрих в изображении природы, созвучный происходящему в мире людей — в стихотворении Гунавана Мохамеда можно воспринимать как символический образ традиционной формы поэзии "тембанг": "... шум крыльев летучих мышей и падение последних капель дождя..." символизирует беспокойство перед разлукой (параллельная ситуация в природе); "Он услышал, как забеспокоились лошади и закричала повозка..." выражает то же беспокойство посредством изображения параллельной бытовой ситуации. Открывшееся на небе далекое созвездие Бимасакти символизирует, очевидно, дальнюю дорогу, предстоящий поход (параллель в космосе). Об его уходе скажут "следы на траве, удаляющиеся от дома на север". В ответ на его обращение к Андясмаре с призывом забыть его "луна заколебалась в ветре, вечная во времени" — эта строка может символизировать невозможность забвения из-за необратимости вечного времени (слова "луна заколебалась" выражают реакцию луны, в словах "вечная во времени" заключается объяснение этой реакции) — параллель в космосе.

Лаконизм в сочетании с изображением, основывающимся на образной символике, придает поэтической манере скорее "показывающий", чем "рассказывающий" характер, приближает ее к языку кино, делает чередование отдельных картин, образов стихотворения похожим на смену кинокадров.

Еще один своеобразный поэтический прием стихотворения, выявляющийся при рассмотрении его четырех частей, это — прием рассказа о драме путем косвенной, а не прямой информации. Информацию о происходящем мы получаем из восприятия героя (в первом отрывке), из его знания, его слов (во втором отрывке), из его представления о происходящем, о героине. Активным центром повествования является герой. Движение сюжета и развитие (в представлении читателя) образа осуществляется от него к ней. Она — пассивное лицо, ее образ складывается у читателя только из его знания о ней ("Он знал, что эта женщина не будет плакать..."), из его слов, обращенных к ней (в последнем отрывке).

Интересно, что имя героя не названо. Рассказ о драме дается, исходя из предположительного знания читателем сюжета этой "асма-радани". Вернее, автора не интересует сюжет как таковой с упоминанием всех имен.

Прием недосказанности, предоставления читателю достраивать,

дорисовывать в своем воображении картину происходящего здесь и того, что должно произойти, характерен для этого стихотворения. (Тот же прием недосказанности, а также ~~не~~называния имен всех действующих лиц встречается и в других стихотворениях Гунавана Мохамеда, представляющих интерпретацию традиционных сюжетов, например, в "Сказке перед сном", написанной на тему яванской легенды).

Недоговоренность, сопутствующая лаконизму языка как принципу поэтического выражения, а также связанная с невозможностью уложить многое в традиционную схему, отличает целый ряд традиционно-фольклорных форм, в том числе и формы "тембанг".

Те же лаконизм, недоговоренность как поэтический прием применяются в изображении отношений героев. Молчание, недосказанность, невыражение эмоций – наиболее красноречивый и многозначительный способ общения героев друг с другом. В первом отрывке читаем: "Но ни один из двоих ничего не говорил". Во втором отрывке: "... он сказал о предстоящем расставании, о смерти, но сказал не обо всем". В третьем отрывке: "Он знал, что эта женщина не будет плакать", – и в итоге они должны забыть друг друга: "Сквозь тьму и свет ты забудешь мое лицо, я забуду твое", – в четвертом отрывке.

В предельной сдержанности проявляется сила эмоций героев, так же, как их мужество, – этим приемом, несомненно, усиливается драматизм ситуации.

Контрастным к тону "мужественного лаконизма" всей предшествующей части стихотворения является неожиданно-лирическое обращение героя к любимой в трех трагически звучащих строках последнего отрывка. Эффект достигается также осознанием заведомой невозможности того, о чем просит герой возлюбленную: жить так же, как раньше, до их разлуки, она не сможет, и он, конечно, понимает это, – тем отчаянней звучит его просьба. Невозможность этого, так же как невозможность вернуть время, как мы отмечали выше, следует из второй строки этого отрывка: "Луна заколебалась в ветре, вечная во времени" (это дается в восприятии героя, как его внутренний монолог, в то время, как он произносит вслух или, быть может, тоже мысленно обращенные к ней слова). Последние слова – о том, что они забудут друг друга, – хотя это касается только ее, потому что он идет на смерть, – звучат трагически в том случае, если забыть невозможно, и в том случае, если она действительно его забудет. Так тоже можно истолковать исход

этой драмы, отталкиваясь опять-таки из отступления о луне и времени: вечное движение времени залечит раны, заставит забыть. (При таком истолковании концовки стихотворения интонация последних строк более печальная, чем трагическая).

Рассмотрение стихотворения Гунавана Мохамата "Асмарадана" позволяет судить о несомненном своеобразии индивидуальных поэтических приемов этого поэта, часть которых созвучна яванской фольклорной традиции (лаконизм при высокой степени образности, символика образов, прием недосказанности).

Поскольку "асмарадана" – это стихотворная форма, предназначенная для исполнения как песня, очень важны музыкальные свойства языка. Стихотворение в прозе Гунавана Мохамата отличается музыкальностью, достигаемая лаконизмом в сочетании с песенностью интонационного строя (что характерно и для лучших образцов традиционно-фольклорных форм, отмеченных нами выше).

Гунаван Мохамат является поэтом, который, не следуя внешним формальным характеристикам традиционно-фольклорной формы, в крайне индивидуальной манере поэтического выражения способен передать дух такой формы, ее высокую поэтичность.

¹ Это разновидность одной из наиболее известных форм традиционной яванской поэзии "тембанг мачапат" или "тембанг чилик" ("маленькая песня"), а еще более точно – "тембанг паларан" ("любовная песня").

² Кемунинг – дерево с золотистой древесиной и душистыми цветами.

³ Млечный Путь.

А.Д.Бурман

ФОРМУЛЫ ОПИСАНИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В БИРМАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

(на материале пьес У Чин У и У Поун Ня)

В статье рассматриваются женские образы двух одноименных пьес "Махо" (в название вынесено имя главного героя), созданных в середине XIX века знаменитыми бирманскими драматургами У Чин У и У Поун Ня. В круг женских персонажей входят принцесса Пан-

чаласанди (пьеса У Чин У) и девушки из народа Удумбара и Амара (пьеса У Поун Ня). Этим девушкам предназначено высокое положение в обществе (по ходу действия одна из них становится королевой, другая – супругой наследного принца), поэтому в пьесе они с самого начала трактуются как титулованные особы и описываются в тех же стандартных выражениях, что и принцесса Панчаласанди.

Здесь мы ограничимся рассмотрением формул описания женской красоты, по которым можно судить о некоторых этических и эстетических категориях, характерных для средневековой бирманской драмы. Будут проанализированы повторяющиеся, устойчивые выражения, сгруппированные по общим признакам.

В характеристиках женских образов главное внимание уделяется описанию внешности героинь. Формулы описания женской красоты можно разделить на пять групп, соответствующих восприятию какого-либо объекта пятью органами чувств – зрением, обонянием, осязанием, слухом и вкусом.

Вид, цвет: "желанная для глаза" [I,30,15], [I,44,8]; "та, которую можно полюбить с первого взгляда" [I,42,19]; "немагляная в своем очаровании" [I,44,10]; "прекрасная собой" [I,42,18], [I,32,4], [II,8,6], [II,11,7], [II,17,3], [II,37,16].

К этой группе мы относим и цветообозначение, которое играет значительную роль в формулах описания женской красоты. В основную гамму цветов входят белый, золотой, голубой, синезеленый. Красный и черный цвета полностью исключаются. Чаще всего встречаются голубой и синезеленый оттенки: "голубая" [I,50,7], [II,6,2], [II,4,27]; "грудь, как голубне лотосы" [II,7,5]; "зеленоголубая" [I,32,12], [I,50,2]. Скорее всего, здесь имеется в виду цвет кожи, т.к. в Бирме зеленовато-голубой оттенок кожи считался признаком царственного происхождения. По традиционным представлениям бирманцев синезеленый цвет соотносится с югом [I,8]. Возможно, употребление этого цветового сочетания указывает на женщину как на главную королеву (или достойную этого титула), т.к. южный дворец является резиденцией главной королевы, и она обычно именуется как госпожа южного дворца.

Женщина определяется и как "белоснежная" [I,50,7]. Скорее всего, это указывает на светлый оттенок кожи, либо на королевский титул, т.к. согласно упомянутой классификации, белый цвет ассоциируется с луной и королевой [I,8]. Возможно, также, толкование белого цвета как знака чистоты.

Цвет кожи может определяться и как золотой: "кожа золотого

цвета" [П,11,8], [П,6,2], [П,17,9]; "золотое тело" [П,5,21], [П,5,20], [П,7,5]. Это цветообозначение характерно для буддийской символики. Очевидно, с золотым цветом кожи связано и излучение света, сияние – традиционное клише для описания красивой внешности в бирманской литературе: "ослепляющая своим блеском" [I,20,14]; "та, чье тело излучает сияние, разгоняющее ночной мрак" [I,32,12], [П,5,27]; "сверкающая золотым огнем" [П,6,5]; "сияющая, сверкающая, излучающая свет" [П,6,6].

Аромат: "благоуханная, источающая густой аромат цветов Гамоун"^I [П,5,15]; "благоухающая свежим и сладким ароматом жасмина" [П,5,21]; "распространяющая нежнейший аромат" [П,6,8]; "лилия, источающая благоухание" [П,6,25].

Форма, ощущение: "тонкая и стройная" [I,32,11]; "сложением подобная богине" [I,30,14]; "изящно сложенная" [I,42,18], [I,50,7]; "с прелестными линиями тонкого и нежного золотого тела" [П,5,21]; "изящными изгибами золотого тела напоминающая богиню" [П,5,20]; "грациозно изгибающаяся, с нежной и гладкой кожей" [П,4,27].

Звук: "с голосом, нежным как у львицы" [П,6,4]; "с голосом, прекрасным как перл" [П,26,24].

Вкус: "сладкая, как тыква с сахаром" [П,12,30]; "изысканный плод изумрудной смоковницы" [I,33,10]; "полураспустившийся бутон, полный нектара" [П,26,28].

Проанализировав эти формулы, мы приходим к выводу, что описание женской внешности соответствует буддийской классификации пяти чувственных удовольствий (пал. рапса камагуна, бирм. ка^Iма^Iгоун^Iнга^I), которые вызываются приятным внешним обликом, ароматом, звуком, вкусом, ощущением какого-либо объекта, улаждая пять органов чувств [5,394].

Для бирманской литературной традиции характерно сравнение женщины с драгоценностями, цветами и растениями, изысканными предметами. Женщина, которая сама олицетворяет одну из семи драгоценностей всемирного монарха-чакравартина², соотносится с драгоценными украшениями: "драгоценность вождя" [П,24,19]; "госпожа драгоценностей" [П,19,6].

Красота женщины сравнивается и с пятью драгоценностями "навары"³ – символом власти чакравартина: "прекраснейшая из девяти драгоценностей "навары" [П,18,4] и с отдельными камнями "подобная бесценному изумруду" [I,32,12]; "изумруд в золотой

оправе" /П,19,6/; "убранная драгоценными изумрудами" /П,5,29/ "ожерелье из жемчугов и изумрудов" /I,45,19/; "жемчужная подвеска" /I,47,3/; "драгоценная жемчужина" /П,20,6/.⁴

Перечисляются регалии королевы, в которые входят диадема серьги, ожерелье, золотое платье⁵: "достойная носить золотую диадему с изумрудами" /I,34,17/; "в сверкающих и переливающихся ожерельях" /П,6,4/; "золотое ожерелье своего старшего брата" /I,47,2/; "имеющая двенадцать сотен золотых платьев" /П,74/.

Традиционно уподобление прекрасной женщины цветам – чаще всего, избранному цветку бирманцев – жасмину: "свежий жасмин, обрызганный каплями росы" /П,6,12/; "преlestный жасмин дворца Северной Панчали" /П,6,20/.

Используются сравнения с лотосом и лилией,⁶ ветвями и деревьями: "чистейший лотос" /П,6,28/; "сверкающие груди на золотом теле подобны голубым лотосам" /П,7,5/; "королевская лилия" /П,6,13/; "белоснежная водяная лилия, издающая нежный аромат" /П,6,25/; "та, чье тело подобно пышной цветочной грозди" /П,6,27/; "нежное молодое деревце" /I,47,18/. В этой связи особенно интересны упоминания о смоковнице – дереве Тапхан. Выбор дерева Тапхан (пал. Удумбара) отнюдь не случаен. Удумбара считалась знаком королевской власти еще в древней Индии. Из древесины Удумбары изготавливался королевский трон, чапа из дерева Удумбары подносилась государю во время абишеки – обряда коронации. Вместе с кшатрийским ритуалом коронации бирманцы заимствовали и этот символ королевской власти. Простая девушка из народа (пьеса У Поун Ня) возводится в сан королевы и получает имя "Удумбарадеви" – "богиня Удумбары", т.к. король впервые увидел ее сидящей на дереве Тапхан (что, в свою очередь, является указанием на то, что она заслуживает королевского титула). Отсюда и метафора: "изысканный плод изумрудного дерева Тапхан" /I,33,10/. Полисемантичность этого символа видна в выражениях "главная в южном дворце, принадлежащем дереву Тапхан" /П,17,12/ и "вокруг желанного господина обвивающаяся подобно нежной лиане, прильнувшей к дереву Тапхан" /П,6,11/, где король уподобляется дереву Тапхан, являющемуся в данном контексте аналогом мирового дерева.

Авторы пьес сравнивают красоту женщины с изящными и изысканными предметами – с зеркалом: "зеркало Замбудипы" /П,18,7/; "зеркало дворца" /П,6,8/; с раковиной: "главная среди золотых

раковины пажного двorca" [II, 5, 22]; "раковина монарха" [II, 17, 11];
"золотая раковина под белоснежным зонтом" [II, 19, 7-8];

с музыкальным инструментом: "та, чья фигура подобна корпусу лютни" [II, 6, 27];

с лампой: "та, чья совершенная красота подобна ясному свету лампы" [I, 51, 19].

В настоящее время мы еще не располагаем достаточными материалами, чтобы полностью раскрыть семантику этих сопоставлений. Однако известно, что в махаянской ветви буддизма раковина, лютня, лампа, цветок, зеркало и танцевальная поза являются дарами богинь Будде [5, 366].

Если к символическим обозначениям принцессы как зеркала, раковины, лютни и лампы добавить разобранные выше сравнения с цветами, а также указания на танцующую позу ("изящно изгибающаяся" [II, 5, 20]; "грациозно изгибающаяся" [II, 4, 27]), то можно предположить, что в текстах пьес женщина рассматривается как подношение Будде.

Однако, если учесть, что в Юго-Восточной Азии почести, воздаваемые Будде, часто переносились на реальную личность правителя, то сравнение женщины с предметами жертвоприношения Будде скорее всего указывает на нее, как на подношение королю. В исторической действительности Бирмы вручение государю девушки — дочери или сестры местного вождя — означало установление вассалитета, что трактовалось как упорядочение микрокосма (т.е. отсутствие войн, смут, бунтов). Например, шанские князья, посылая своих дочерей в королевский гарем, тем самым выражали преданность бирманскому королю и принимали его покровительство [3, 21].

Указания на брачный союз девушки с правителем передаются либо прямым ("принцесса, предназначенная, чтобы соединиться с повелителем посреди алмазного ложа" [II, 7, 2], либо опосредованным способом. Таково, например, обозначение женщины как корабля: "подобная золотой ладье, грациозно движущейся по глади вод" [I, 31, 7]; "подобная золотой ладье с факелами" [I, 44, 8]; "золотая ладья" [II, 35, 15]. Оно связано с общими для древних аграрных культур представлениями о браке как переходе через воду, где любые предметы, соединяющие два берега реки (мост, корабль), являются знаком любовного соединения мужчины и женщины [2, 243]. В выражении: "вокруг желанного господина обвивающаяся, подобно нежной лиане, прильнувшей к дереву Тапхан"

[Д,6,11] символически выступает единение двух начал: мужского - стабильного и устойчивого, и женского - гибкого и изменчивого.

Разобранные нами характеристики женщины, сравнения ее с цветами, драгоценностями, предметами жертвоприношений предствляют собой своеобразную иерархию этических и эстетических ценностей, опосредованно отражающую нормы общественного вкуса в средневековой Бирме.

Авторы пьес создавали образ идеальной героини в соответствии с требованиями литературного канона, по-своему интерпретирующего эти нормы. Особенно подчеркивается в женщине гармоническое сочетание духовной и физической красоты, единство внутреннего и внешнего облика. Об этом свидетельствуют такие выражения как "совершенная телом и духом" [I,32,13]; "одаренная телесной красотой и умом" [Д,5,19], [Д,5,16]. Идеальная женщина выступает здесь как средоточие высоких нравственных качеств, ума и физической привлекательности.

¹ Цветы Гамоун - ароматная *Koesphera*.

² Согласно бирманской традиции, в семь драгоценностей чакравартина входят: супруга, министр, военачальник, конь, слон, драгоценности, волшебное оружие.

³ "Навара" - одна из королевских регалий, состоящая из набора девяти драгоценных камней. В них входят: алмаз, жемчуг, гранат, сапфир, кошачий глаз, топаз, изумруд, рубин, коралл.

⁴ Возможно, предпочтение, оказываемое жемчугу и изумруд перед другими камнями, связано с их цветами - белым и зелеными, которые преобладают в цветообозначении женской внешности.

⁵ Кюмерская традиция относит к личным регалиям королевы диадему, серьги, золотое платье и золотой паланкин [4,48].

⁶ Водяную лилию бирманцы рассматривали как символ, олицетворяющий женское начало. Один из тронов мандалайского двора, на котором принимала королева, назывался трон водяной лилии [3,20].

I. У Поун Ня. Махопьяза (пьеса "Махо"), Мандалай, 1963.

II. У Чин У. Махопьяза (пьеса "Махо"), Рангун, 1920.

Использованная литература

1. Наккха бэйда визза ская мау (Руководство по астрологии), Рангун, 1957.

2. Никитина М.И. Представление об "облике" "старшего" и "младшего" в хянга "Песня Чхоена" (IX в.) и обрядах "хождения по мостам", — Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы и доклады VIII научной конференции. Л., 1978.

3. Foucar E.C.U. They reigned in Mandalay, London, 1946.

4. Sahai Sachchidanand. Les institutions politiques et L'Organisation administrative du Cambodge ancien (VI-VIII siècles), Paris, 1970.

5. Waddel L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism, Cambridge, 1934.

З.Н.Ворожейкина

КАСЫДЫ О ГОЛОДЕ

Персидская касыда, которая занимала высшую ступень в иерархии высоких литературных жанров, обнаруживает к концу XII в. тенденции к изменению классического стереотипа, к расширению тематических рамок и диапазона художественно-выразительных средств. В предмонгольском Исфахане, в творчестве поэтов, стоявших у истоков "иранского" стиля, мы наблюдаем появление придворных касыд с социальным содержанием. Две из них — касыды о голоде — заслуживают специального внимания.

Первая касыда написана в семидесятых-восемидесятых годах XII в. известным поэтом Джабал ад-Дином Исфахани (ум. в 588/II92 г.). Это — касыда-послание, адресованная некому Шихаб ад-Дину, находящемуся, как можно понять, в другом городе. Отведя четырнадцать вступительных бейтов восхвалению и последние десять традиционному благопожеланию, поэт подробно рассказывает в касыде (на протяжении сорока двух бейтов) о голоде в Исфахане.

Начиная повествование словами:

Ты знаешь ли, как без тебя здесь, в Исфахане?

Послушай мой рассказ в стихах, щемящий душу...

А юные колочки гложут, глотают жадно как хурму.
Не видно скатертей, разостланных для яств, лишь
скатерть неба,
Не видно ни одной дарующей руки, лишь пестерни чинары.
Кто защитит? Одна надежда — мудрость бога.
Кто вступится? Одно лишь упование — на Творца!...

Вторая касида о голоде написана, по-видимому, в начале
III в., другим исфаханским поэтом Камал ад-Дином Исмаилом (572/
170-635/1237).² Прочитируем несколько строк из нее:

О, господин! В сей год засушливый, голодный на
доброту и щедрость,

Замешан милости твоей водою хлеб у голодных.

На языке у благородных ни слова без восхваленья
щедрости твоей,

Как нет ни слова — без помянанья хлеба — на языке
голодных.

О, этот год, когда чернеют и мужа благородного лицо

И лик луны и солнца от стонов и рыдания голодных!

Дрожит сам солнца диск. Ты спросишь — отчего?

То звезд зубцы впились в него, как зубы обезумевших
голодных.

И стоит появиться паре хлебцев в каких-нибудь

слабеющих руках,

Как тотчас — зубн, зубн, зубн — увидишь у столпившихся
голодных.

О, господин мой, коль не протянешь ты руки своей
кормящей,

Сметет вконец сей каменный поток нужды живые души у
голодных.

На скатерть милосердия своего поставь ты хлеб любви
к народу,

И он потянется, без края и конца, к твоим дверям
чредою караван голо-
дных...

Боюсь сказать в стихах я ненароком совсем не то, что
надо:

Ведь потерявших разум не отличишь по виду от голодных.

Следующие два бейта хотелось бы выделить особо:

Тем господам, у коих ныне амбаров чрева сыты,
Поостережся было б в самый раз того, что есть на
языке голодных,
Ибо не так огонь опасен для хлопковой ваты,
Как для господ богатых опасен может быть поэт,
в строках стихов своих голодных.

Приведенные литературные тексты расширяют наши представления как о характере придворной поэзии, так и о роли поэта, частности придворного стихотворца, в средневековом обществе. "Голодные" касиды исфаханских авторов свидетельствуют, что придворный поэт выступал перед правителем и как поставщик некой полезной социальной информации, привлекая внимание власть предержащих к тем или иным сторонам жизни страны, города и подданных.

Гражданская направленность, столь ярко выраженная в первом стихотворении, еще более усилена и заострена во втором. Касиду Камала Исмаила, построенная на редифе г у р и с н е - г о л о д н ы й, повторенном двадцать пять раз, - написана с практической целью - подвигнуть правителя на оказание помощи голодающему населению Исфахана. Стихотворение подсказывает важный вывод. Широко развитая практика стихотворных посланий, в которых придворный поэт излагал свои личные просьбы литературному покровителю,³ могла принимать и такую форму, как прошение меценату от имени горожан или об удовлетворении их насущных нужд. Используя свое право допуска ко двору и право говорить, поэт принимал на себя и такую общественно-важную функцию, как посредничество между народом и правителем.

¹ Диван-и камил-и устад-и Джамал ад-Дин Мухаммад-и Абдарразак Исфахани ба таских ва хавани Хасан Вахид Дастгарди. Тегеран, 1320/1941, с.195-196.

² Диван-и Халлак ал-Маани Абу-л-Фазл Камал ад-Дин Исмаил Исфахани. Ба мукаддаме ва хавани ва тааликат ба ихтимам-и Хусайн Бахр аул-Улуми. Тегеран, 1348/1970, с.501-503.

³ См., З.Н.Ворожейкина, Послание к меценату. - ШПИКНВ, IX годичная научная сессия. ЛО ИВ АН СССР. М., 1973, с.90-93.

СТИХОТВОРНЫЕ ФОРМЫ "ПАД" И "РАМАЙНИ" В ТВОРЧЕСТВЕ КАБИРА

В известном собрании стихотворений, принадлежащем традиции дадупантхи, — "Кабир-Грантхавали" (далее, "К-Гр") религиозного реформатора 15 в. Кабира представлены три жанра поэтического творчества этого поэта-бхакта: 1) сакхи, 2) пад, 3) рамайни. Так как сведения относительно сакхи были даны более или менее подробно в предыдущих работах автора, в данной статье мы охарактеризуем такую разновидность поэтической формы, как пад.

Заметная непоследовательность использования Кабиром традиционных метрических приемов создает немалые трудности в исследовании упомянутой формы. Вот почему эта область остается до сих пор мало изученной как в советской, так и в зарубежной кабирологии, включая индийскую. В данной статье автор пытается дать общий обзор пад Кабира и охарактеризовать некоторые особенности их метрики.

Пад представляет собой стихотворную форму, которую в переводах на европейские языки обычно именуют гимном, хотя понимать это нужно в несколько расширенном смысле. Пад, иначе шабда или сабад (букв. "слово", "звук"), означает божественное слово или сакральный звук. В этом смысле слову шабда в религиозной терминологии сект вишнуитского толка эквивалентны такие слова как: "нам" (Nām), "Хари нам" (Hari nām), "Рам нам" (Rām nām), "Хари рас" (Hari ras), "аджапа" (Ajāra). Это — форма духовной практики, содержащая созерцание божества и обращение к нему с сакральным словом. Подобные стихи, наполненные мистическим или романтическим чувством, носят в собраниях "К-Гр" и "Адитрантх" (священная книга сикхов, составленная в 1604 г., куда вошли и некоторые произведения Кабира) название "пад" (букв. "строка"), а в "Кабир-Бижак" (восточная традиция) они же именуются "шабда". Однако слово "шабда" не всегда связано с обращением к всевышнему. В некоторых случаях оно употребляется нетерминологично, в общем значении "слово", приравниваясь нередко к обычному "упадеш" (Upades) "совет", под которым подразумеваются наставления получаемые обычно от гуру, наставника в вере, например:

Re, tai joga juguti jānyā nahī tai gura kā sabada mānuyā nahī |

"О! Ты не познал подвижничества йога, ты не слушал советов

гуру"...

/"К-Гр", п.29/¹

Произведения в форме пад имеют свою давнюю традицию. Примеры их, как отмечает П.Чатурведи,² мы имеем в литературе буддха-сиддхов в виде так называемых "чарьягити" или "чарьяпад", служащих сводом религиозных предписаний. Он указывает также, что ранее существовали стихи, носившие название "важрагити", которых сохранилось очень мало. По своей метрической форме важрагити и чарьяпад были сходны со стихами, создававшимися на апабхрانشа: число "матра" (единиц длительности, ср. греч. "мера") в строке составляло в первых $I3+I2$, а во вторых $8+7$ /или $8+8+I2$ (иногда IO). Если первые строились как двустипии, то вторые могли быть и трехстипиями. Исполнялись они как песни, в музыкальном сопровождении. Такая форма поэтического творчества приобрела популярность с распространением идеологии бхакти. Она известна и в Южной Индии, в частности в творчестве религиозного реформатора Ачарьи Рамануджи, и в Северной – у Джайдева, автора "Титаговинды" и др.

С некоторыми видоизменениями сохранился этот жанр и в творчестве Кабира и его последователей. С предшествующей традицией пады Кабира соединяют два элемента. Во-первых, в любой паде, малой или большой, имеется вступительный стих, отделяемый от основной части пады паузой ("тек"). Вступительный стих обычно метрически обособлен и не связан рифмой с последующими строками гимна. В нем излагается основная мысль стихотворения, развиваемая в самой паде. Однако в некоторых случаях такая конструкция гимна не соблюдается – вступительный стих либо вовсе отсутствует ("К-Гр", п.106), либо дается в усеченной форме без паузы "тек" ("К-Гр", п.53, 281). Подобные случаи наблюдаются и в "Адигрантх". Во-вторых, в "К-Гр" и "Адигрантх" пады классифицируются по мелодиям, что свидетельствует о том, что они изначально предназначались для песенного исполнения. Не случайно они носят названия "бхаджан" или "киртан" – "набожная песня", например: Kartā dīse kīrtan, ūcha kari tūḍī "распеваает киртаны, высоко подняв свой клюв" ("К-Гр", р.5, с.10).

Если в двустипии поэт высказывает неоспоримые истины, советы, наставления в афористической форме, то в падах передаются собственные чувства, переживания, глубокие раздумья истин-

ного бхакта, требующие мастерского исполнения. Такие гимны представляют собою настоящее музыкальное произведение. Во времена Кабира пады обычно называли песнями, "гита" /gīta/, что подтверждается следующим примером: Pad gāī man harkhyā, sakhī kahyā anand ! "от пения пад радуется душа, от чтения сакхи (приобретаешь) покой" ("К-Гр", с.4). Это позволяет отнести гимны Кабира к песенно-поэтическому, или музыкально-поэтическому жанру. В собрании "К-Гр" гимны-пад, предназначенные для исполнения, сгруппированы по рагам – строгим мелодическим схемам. Раги могут быть связаны с различиями в содержании произведений. Многие народные и племенные песнопения стали основами различных "раг", так, песня погонщиков из Синда легла в основу "раг бхаирави", крестьянские песни урожая из Кашмира породили "раг билавал", мелодия заклинателей змей вдохновила создателей южноиндийской "раги пуннага варали" и т.д.³ Древние мусульманские трактаты предписывали для достижения максимального эмоционального удовлетворения исполнять различные "раг" в разное время суток, например, "бхуп" – утром, "саранг" – днем и т.д. Выделялись также определенные мелодии для различных сезонов года, например, "Басант" для весны и "малахар" для сезона дождей. Существует широко распространенное мнение, что мелодии "раг" воплощают мужественность и выражают мужские качества – смелости, гнева. Им противопоставляются мелодии "рагини", выражающие женские качества – любви, веселости, печали.

В "К-Гр" гимны объединены по рагам в 16 групп: I) раг гаури (пад I–I52) – время исполнения от 4 до 7 часов вечера; 2) раг (рагини) рамакали (пад I53–20I); 3) раг (рагини) асавари (пад 202–26I) – время исполнения с 10 часов утра до I дня; 4) раг (рагини) сорагхи (пад 262–299) – время исполнения с 10 часов вечера до I дня; 5) раг кедарау (пад 300–3I9) – песня жертвоприношения, время исполнения с 7 до 10 часов вечера; 6) раг мару (пад 320–322) – исполняется обычно во время войны; 7) раг тоди (пад 323–344) – время исполнения с 10 часов утра до I ночи; 8) раг бхайрун (пад 325–36I); 9) раг билавал (пад 362–373) – песня урожая, время исполнения с 7 часов вечера до 7 часов утра; 9) раг лалит (пад 374–376) – "красивая", время исполнения с I до 4 дня; II) раг басант (пад 377–389) – "весенняя", время исполнения с I до 4 дня; I2) раг (рагини) малигаури (пад 390–392); I3) раг кальян (пад 393) – время исполнения с 7 часов вечера до 7 часов утра; I4) раг саранг (пад 394–395) – исполняется в любое время дня; I5) раг малар

(пад 396-397) - соотносится с сезоном дождей; I6) раг (рагини дханапхи (пад 398-403). Следует отметить, что перечисленные группы в сборнике не одинаковой величины - самая большая из них "раг гаури" содержит 152 гимна, самая малая "раг кальян" - I гимн.

Гимны-пад различаются между собой по количеству строк и по своему метрическому размеру. Максимальное количество строк в падах, если исключить вступительное двуступие ("тек") составляет двадцать ("раг соратхи", пад 296), минимальное - две ("раг асавари", пад 215).

Из широкого разнообразия метрических форм, свойственных средневековой индийской просодии (список характернейших из них дает С.Х.Келлог⁴), Кабиром использовались преимущественно три доха, чаупай, лалит гит. Все эти размеры - метрические. Доха состоит из двух рифмующихся строк. Каждая строка содержит 24 матра и делится цезурой на неравные полуступия (чараны) в I3 и II матра. Расположение кратких (I матра) и долгих (2 матра) слогов в каждой чарана свободное с одним ограничением: матра должны сочетаться в группы 6+4+3 (I), т.е. с границами названных групп должны совпадать слогоразделы (другими словами, долгий слог не должен располагаться так, чтобы объединить в себе 6-ю и 7-ю или 10-ю и II-ю матра); кроме того, предпочтительно чтобы II матра нечетных чарана были кратким слогом. Каждая доха, или двуступие в паде по своей конструкции составляет одну самостоятельную строфу. Целая цепочка двуступий, связанных единым тематическим содержанием и образует сложную строфу пад. В целом метрическая схема дохи выглядит так: 6+4+3/6+4+I, /6+4+3/6+4+I.⁵

Излюбленным размером, используемым Кабиром в гимнах, является чаупай. Этим размером широко пользовался и Тулси Дас в своей известной поэме "Рамаяна". Чаупай - это метрическая строфа, состоящая из четырех стоп (пай), каждая из которых содержит шестнадцать матра. Рифмуются эти стопы попарно: первая со второй, третья с четвертой, что открывает возможность самостоятельного существования каждой пары, которую для удобства можно считать отдельной стихотворной строкой с внутренней рифмой. Каждая такая строка с внутренней рифмой называется "ардхали", т.е. "половинка чаупай". Гимн обычно состоит из нескольких чаупай (до 9 строф, т.е. 18 строк). Довольно часты случаи, когда гимн замыкается неполным чаупай ("ардхали"), и,

таким образом, в нем оказывается нечетное число строк. Большой частью такие неполные чаупан состоят из трех и пяти строк. Нами зафиксирован один случай чаупан из семи строк (пад 282) и одна девятистрочная чаупан (пад 326). Метрическую схему чаупан можно выразить так: $6+4+4+2/6+4+4+2//6+4+4+2/6+4+4+2$.

Довольно часто в своем творчестве Кабир использует метрическую форму лалит гит, или "харипад". Это — двустопник, в котором каждая строка содержит 28 матра, объединяемые в две стопы — 16 и 12 матра. Первый стих обычно рифмуется со вторым, причем последние два слога должны быть долгими. Схематически эта форма выглядит следующим образом: $/6+4+4+2/6+4+2$.

Однако у Кабира мы наблюдаем частые отступления от строгих правил индийской просодии. Они проявляются в несоблюдении метрического объема стопы (чарана), как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения полагающегося числа матра, а также в пренебрежении ограничением расположения долгих и кратких слогов. Подобные отклонения встречаются во всех метрических формах, использованных Кабиром в данном собрании. Стихи, строго отвечающие метрическим правилам, представлены здесь в явном меньшинстве. Так в падах, построенных из чаупан, подобные отклонения встречаются сплошь и рядом. Мы заметили только шесть безукоризненно правильных пад такого типа (25, III, 128, 182, 274, 347) и еще 46, где отклонения от нормы единичны и не превышают одной-двух матра в строке; их мы тоже условно относим к числу правильных. Зафиксированы сто сорок шесть пад с чаупан "нерегулярной" метрики, т.е. таких, в которых наблюдаются сбои более чем на три матра. В той же степени нарушения сказываются и в падах, опирающихся на метрическую форму лалит. Мы можем отметить четыре случая идеально правильных пад (129, 133, 187, 231), шестьдесят семь со сбоями до трех единиц и девяносто "нерегулярной" метрики. Что касается пад с размером доха, то правильные здесь вовсе отсутствуют, да и число "нерегулярных" невелико (пад 4, 5, 13, 18, 28, 30, 75, 119, 121). В первой части собрания "К-Гр", где представлены "сакхи", структурно представляющие собой доху, не наблюдается столь систематических отклонений от традиционного стихосложения. Это позволяет сделать вывод, что свободное варьирование метрическим размером в гимнах-пад, вероятно, связано с музыкальным исполнением их, влекущим за собой изменение мелодии и настроения.

В случаях особенно заметного нарушения правил просодии порой нелегко установить метрический размер, использованный в том или ином гимне. Таких гимнов с неопределенным или трудноопределяемым метром в сборнике насчитывается около семидесяти. Подробному их исследованию будет посвящена наша следующая статья.

¹ Syāmsundar Dās Kabīr Grathāvalī, Vāranāsī, sām. 2021.

² Caturvedī. P.Kabīr sāhitya kī parakh. Ilāhābād, sām. 2021, p.188-189.

³ ж.: Индия, № 4 (53), 1977, с.15.

⁴ S.H.Kellog, A Grammar of the Hindi language, London, 19

⁵ В схемах одной вертикальной чертой обозначается цезура между стопами, двумя чертами – конец стихотворной строки.

О.Дж.Джалилов

СОБИРАНИЕ КУРДСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(фольклорная экспедиция ЛО ИВ АН СССР 1978 г.)

Собрание курдского фольклора имеет чрезвычайно большое значение. Несомненно, что сейчас эта задача первостепенной важности. Она нужна и актуальна как для науки, так и для пропаганды культурного наследия народа, который, по словам Н.Я. Марра, внес определенный вклад в дело развития культуры народов Передней Азии.

Экспедиция по теме "Курдские народные исторические песни" началась 22 июля и завершилась 11 октября, то есть работа в поле длилась немногим более двух с половиной месяцев. За это время пришлось проехать более тысячи километров, побывать в тридцати селах и населенных пунктах Армении и Грузии. Вопрос о расселении курдов по этим двум республикам достаточно хорошо известен и для исследователя курдского фольклора основным объектом собирательской работы по-прежнему остаются курды Армянской ССР.

Опорным пунктом был выбран Октемберянский район, и работа началась с сел Бамбакашата, Айкавана, Тандзута, Нор-Амасии,

повхоза им. Ханджяна. Постепенно маршрут поездок распространился на соседние районы и населенные пункты, где проживают курды.

В Араратской долине нет ни одного села, где бы проживали одни курды. Они живут здесь вместе с основным населением — армянами. Численность населения курдов-езидов в Октемберянском районе не превышает десяти тысяч человек. Они занимаются, в основном, земледелием, виноградарством, выращивают бахчевые и фруктовые культуры. Сходная картина и в Эчмиадзинском районе, где численность курдского населения также достаточно высока.

Случается, что собиратель целыми днями ищет сказителя. У людей, работавших в поле при изнурительной жаре, не всегда вечерами может появиться желание поговорить, побеседовать, попеть... И это только одна из многочисленных трудностей.

В Октемберянском и Эчмиадзинском районах был записан ряд песен, в том числе песни об Озмани Гызо, Бышаре Чато, А'ме Гозе, Тагар-хане и, конечно, о предводителе курдов-езидов 1812 г. шейхе Мирзо, о Джангир-аге, Андраник-паше и др. После встречи с информатором Овсепяном Ованесом из Вединского района появились новые записи.

В Калининском районе Армянской ССР живут курды, но мало что известно о состоянии устного поэтического творчества этого края. Интерес к нему велик еще и потому, что географически он расположен неподалеку от бывшего Борчалинского уезда, откуда родом Иване и Закаре Долгорукие — курды по происхождению, внесшие большой вклад в дело становления могущества Грузии в конце XII—начала XIII веков.

В этом районе проживает 115 семей курдов-езидов и 15 семей курдов-мусульман. Общая численность курдов — 1280 человек. Средний возраст — 35–45 лет.

Калинино — животноводческий район Армении, поэтому курды работают в основном на животноводческих фермах. Основное население — русские молокане. Поэтому курды, проживающие здесь, говорят не только на курдском, но и на русском и армянском языках.

Как всюду, работа началась с поиска сказителей. Группа опрошенных указала на единственного человека, знающего "старые истории" — Сулояна Асада. Он — один из старожилов района, ему 80 лет, он прекрасно владеет курдским. Жизнерадостный и энергичный, Сулоян Асад спел несколько песен о Мети-аге, Джан-

гир-аге, Матлуб-аге и др. На этом записи в Калининском районе закончились, поскольку местные жители не сумели подсказать имен других сказителей. Ответы опрошенных, их биографические данные показали, что нет связи между нынешним поколением курдов Калининского района и курдами, когда-то жившими неподалеку от Борчалинского уезда.

Основная часть курдов Грузии проживает в Тбилиси, около 40-45 тысяч человек. В связи с огромным жилищным строительством многие курдские семьи переехали в новые благоустроенные дома в новых массивах (например, жилищный массив ТЭВЗ, Глданский массив и др.).

Собирателю фольклора теперь приходится с трудом подыскивать знающих старцев, которые могли бы порадовать новыми интересными песнями или повествованиями. Из уст информантов, проживающих в Тбилиси и Телави, записаны те же песни, что распространены у курдов Армении. Это и естественно. В конечном счете, курды Грузии — это в основном жители курдских районов Армении (Талинский и Апаранский районы), переселившиеся до и после первой мировой войны. Из записанных песен можно отметить также, как "Делан", "Дела-ло", "Муса-баге хойти", "Эме Гозе" др.

После десятидневного пребывания в Грузии путь лежал в Ереван, курды которого в основном курды-езиды. Из числа информантов хотелось бы выделить братьев Мамое Сыло и Вазире Сыло. Первый родился в 1940 г., а второй в 1951 г. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, они с любовью хранят в памяти исторические песни, наполненные красочными сравнениями и образами.

Следует отметить одно немаловажное явление, заслуживающее самого пристального внимания. Как в разговорную речь, так и в курдские песни постепенно проникают армянские слова, а то и целые предложения. Во время одной свадьбы в Эчмиадзинском районе молодежь, одетая по-европейски, образовала круг хоровода. Только по разноцветным головным платкам можно было узнать что в хороводе танцуют курдянки, а сама песня исполнялась наполовину на армянском, наполовину на курдском языках. Нет уверенности, что это явление не скажется и в дальнейшем на устном поэтическом творчестве курдов. Кроме того, был зафиксирован и другой факт — исполнение исторических песен курдами на армянском языке, сочиненных ими самими. Так, из уст двадца

титрехлетнего Амое Биро из села Джарарат Эчмиадзинского района, наряду с курдскими песнями, записаны две песни на армянском языке.

Необходимо оговориться, что в песнях, которые поются на армянском языке, говорится либо о национальном герое курдов — езилов Джангир-аге, либо о национальном герое армянского народа Андраник-паше, с кем плечом к плечу Джангир-ага со своими всадниками воевал против турецких полчищ. Эта песня поется во время курдских свадеб, когда за праздничные столы садятся вместе курды и армяне разных поколений. Нет сомнения, что подобные песни воспевают героическое прошлое двух братских народов и подчеркивают дружбу курдов и армян, дух интернационализма, издавна царивший между ними.

Во время экспедиционной поездки было замечено еще одно явление. Песни, передающиеся по радио, будь то песни курдов СССР, Ирака, Турции (ими располагает курдская редакция радио), сравнительно быстро проникают в репертуар певцов и быстро становятся их достоянием. Новое заметно вытесняет старое.

Во время экспедиции записано около 4–5 авторских листов исторических песен, повествующих в основном об освободительном движении курдов, о междоусобицах и их тяжелых последствиях. Эти песни зачастую повторяют уже известные нам тексты и являются их далекими или близкими вариантами, представляющими собой важный материал в работе исследователя. Кроме магнитофонных записей, были сделаны также фотоснимки на черно-белой пленке и на слайдах.

Состояние вопроса показывает, что собирательскую работу в курдских районах Закавказья надо продолжать усиленными темпами.

Е.А.Западова

"ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА" НА БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В середине 40-х годов XX столетия в Бирме появились первые переводы произведений советских авторов. Так, бирманцы познакомились на родном языке с А.Горьким, Н.Островским, А.Серафимовичем, В.Василевской, А.Макаренко, П.Павленко, П.Цыrkой, писателями республик Советского Востока.

Значительную роль в популяризации творчества Михаила Александровича Шолохова в Бирме сыграло присуждение ему Нобелевской премии (1965 г.). Первыми приступили к работе над переводами произведений Шолохова известные прозаики Джо Аун и Тэккадо Нанда Мей. Перевод первого тома "Поднятой целины", осуществленный Джо Ауном, появился в 1965 г.

Переводчик так открывает предисловие: "Поднятая целина" — русский роман. Он входит в число произведений мировой классической литературы" [2, с.57]. Джо Аун описывает творчество М.Шолохова как продолжение традиций великой русской литературы, лучшими представителями которой, по его мнению, являются Толстой, Чехов, Тургенев и Горький.

Он излагает биографию советского писателя вплоть до 1940 г., рассказывает об истории создания "Поднятой целины", о ее героях, о трудностях переводческой работы. Джо Аун подчеркивает, в частности, что употребление русских имен не похоже на употребление бирманских. Для того, чтобы новый читатель не запутался в именах, после предисловия помещен список главных персонажей по порядку бирманского алфавита. К примеру, "Семен Давыдов — путиловский рабочий, коммунист, приехавший для помощи в коллективизации. Демьян — казак-крестьянин, прозванный Молчуном за то, что мало говорит. Варя — крестьянка, любящая Давыдова (безответно)...". Внесено изменение только в имя дедушки Шукаря, которое звучит как "Ще шука". Слово "ще" означает "непоследовательный, неумелый по характеру человек". И бирманскому читателю сразу ясно, что за человек этот дед.

"Поднятая целина" на бирманском языке во многом сохраняет своеобразие подлинника. Это, действительно, перевод, а не переложение (то, что сами бирманцы называли бы "хм

Почти нет элементов приспособления частностей к бирманской действительности, того, скажем, что можно наблюдать в более ранних по времени переводах произведений А.Горького. Джо Аун стремится в своем переводе к максимальной точности, чувствует бережное отношение к слову оригинала и глубокое понимание художественных особенностей.

Однако небольшие отклонения от шолоховского текста все же есть: пересказ, разъяснения, сокращения чаще всего труднопереводимых на бирманский язык пословиц, прибауток, песен. Например "ить рыба глупая, лезет в вентера" или "как в сказе — лебеди крылами бьет и норовит лететь, а рак его за гузно взял и тяне

обратно, а щука энта начертилась, в воду лезет" и др.

Есть несколько пропусков, связанных с бытовыми реалиями, одеждой. К примеру, "выцветший шиник буденовки покачивался над папахами и треухами, над разноцветьем бабьих шалек и платков" [1, с.67]. Или: "...снял башлык и белого курпия папаху" [1, с.77].

Основные сокращения относятся к описанию природы. Это связано и с национальной традицией и, видимо, с тем, что слишком много новых понятий пришлось бы ввести при описании красот Дона для жителя Бирмы. Значительно сокращены рассказы деда Щукаря о покупке кобылы, о гибели козла, о том, как он поймал курицу. Естественно, что своеобразие речи деда Щукаря теряется, хотя переводчик очень заботится об индивидуализации его речи (правда, можно с уверенностью сказать, что передать на любом языке речь Щукаря - задача труднейшая).

Можно заметить пропуск некоторых сравнений, несовпадающих с национальными представлениями. Так, в описании Половцева нет определения "волчьего": "...из-под крутого, волчьего склада лысеющего лба он бегло оглядел..." [1, с.7-8]. А в описании Якова Лукича исчезла "лисья повадка": "Считался Яков Лукич в хуторе человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности" [1, с.18].

В целом сокращения могут привести к искажению характера персонажей. В частности, это случилось с образом Майданникова. Шолохов пишет: "Нелегко давался Кондрату колхоз! Со слезами и кровью рвал Кондрат пуповину, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли" [1, с.72]. В переводе: "Велика была его привязанность к своему быку, своей телеге, своей земле" [2, с.76]. И только. А вот Андрей Разметнов говорит, что больше не пойдет раскулачивать: "...На фронте - другое дело! Там любому шашкой, чем хочешь... И катитесь вы под раззатаку... Не пойду!" [1, с.61]. В переводе звучат несвойственные Разметнову слова: "На фронте - другое дело! Я не хочу быть жестоким ни к кому. Не хочу убивать. Довольно. Не буду" [2, с.66].

В переводе "Поднятой целины" только два примечания, хотя, думается, они часто необходимы новому читателю. В первом томе есть объяснения слов "двадцатипятидесятник" и "кулак", во втором - примечания отсутствуют. Когда Макар учит английский язык - юмор сцены исчезает. Ведь слова "революция", "пролетариат" даются по-бирмански, без пояснений - "писсиме", "тохланйей"

— и без русских эквивалентов вместе с английскими неясно, в чем же тут собственно шпенне на конце.

Иногда авторское отношение к герою, характерное для прозы Бирмы, проявляется и в переводе: "Лаппинов издавна считался человеком, имеющим деньжата" [1, с.76]. Переводчик же проявляет свое отношение к персонажу: "Лаппинов был человеком, не стыдящимся иметь много вещей" [2, с.80]. А в конце романа, наоборот, нет авторского определения "дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову" в отрывке: "Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшпелала им поспевавшая шпенница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!" [1, с.375]. Эта шолоховская фраза разделена на несколько предложений. Перевод так же поэтичен, как и оригинал, только поспевающие колосья шпенницы шепчут друг другу о смерти друзей, а камешки речки, текущей с верховьев Гремячего буерака, тихо звеня, рассказывают о Давыдове и Нагульнове друг другу.

В переводе много находок, точно найденных бирманских эквивалентов. Словам Островнова о коллективизации: "Стало быть от этой песни везде слезы плачут?" переводчик придает национальный колорит, употребив вместо обычного слова "тихий" — "песня", слово "мьяу мин у тан". Мьяу мин у тан обычно исполняется только на похоронах, это особая печальная мелодия, и каждому бирманцу ясно, что при звуках ее хочется плакать.

Джо Аун работал над книгой советского писателя с большой любовью, стараясь донести до нового читателя все своеобразие шолоховского видения мира. Между выпусками первого и второго томов прошло три года и можно заметить, как крепло мастерство переводчика, находящегося в постоянном творческом поиске.

За перевод "Поднятой целины" Джо Аун был удостоен Высшей литературной премии и в этом — высокая оценка работы талантливого переводчика и свидетельство симпатии к советской литературе. Верность творчеству Михаила Александровича Шолохова Джо Аун подтверждает работой над "Тихим Доном". Он трудится над переводом, как и над переводом "Поднятой целины", вместе с группой литераторов, объединяющихся вокруг журнала "Моу Вей"; один из членов группы владеет русским языком. Работа пока не закончена.

Другой известный прозаик Тэкадо Нанда Мей в 1969 г. начал работу над переводом "Тихого Дона". В одной из статей он так пояснил мотивы, побудившие его взяться за перевод именно этого романа: "Познакомить бирманских читателей с автором "Тихого До-

на", удостоенного не только самой Высшей литературной премии Советской России, но и Высшей литературной премии мира - Нобелевской премии - именно с этим желанием я приступал к переводу книги" /З, с.168/. Свою статью о творчестве Шолохова Нанда Мей начинает следующими словами: "Факел эпохи... или "Тихий Дон"... "Тихий Дон" или факел эпохи". И продолжает: "Хоть в "Тихом Доне" более шестидесяти героев, но настоящий герой этого произведения - весь советский народ" /З, с.1687.

Трудно судить по журнальным отрывкам о качестве работы Нанда Мей в целом, об идейно правильном истолковании русского текста, но нельзя не порадоваться, что "Тихим Доном" заинтересовались несколько писателей (так же было с переводами повести "Мать" "Войны и мира" и другими произведениями писателей нашей страны).

Бирманский читатель знаком и с "Донскими рассказами", в частности, с "Бахчевником"-в переводе "Сторож овощей" и др. /47. Можно отметить высокое качество работы прозаика Маун Та Ноу, неоднократно обращавшегося в 70-е годы к рассказам Шолохова, близость его переводов к оригиналам.

Многие бирманцы знакомы с произведениями советского писателя благодаря кинематографу. На экранах страны шел фильм "Судьба человека", вызвавший широкий отклик зрителей.

Пока трудно говорить о влиянии Шолохова на творческую индивидуальность таких талантливых литераторов, как Джо Аун, Тэккадо Нанда Мей или Маун Та Ноу. В последние годы они, в основном, занимаются переводами. Но их привязанность к шолоховскому творчеству, неустанная работа над словом, высокий профессионализм говорят сами за себя.

Переводы произведений советской литературы в целом и М.А. Шолохова в частности, способствуя сближению народов двух стран, помогают развитию прогрессивной литературы и мысли Бирмы.

Библиография

1. М.А.Шолохов, Собрание сочинений в 8 томах. Т.6. М., 1962.
2. М.Шолохов, Поднятая целина (То яйн мьей). Пер. Джо Ауна. Т.1, Рангун, 1965; т.2, Рангун, 1968.
3. М.Шолохов, Тихий Дон (Та тейн тейн Дон). Пер. Тэккадо Нанда Мей. - Ж. "Пхониньоупья", 1970, август.
4. Ж. "Моу Вей", 1971, март.

НАЦУМЭ СОСЭКИ О ПРОФЕССОРЕ КЭБЕРЕ

У Нацумэ Сосэки, крупнейшего японского писателя начала века, есть небольшой очерк "Учитель Кэбер" (Кэбэру сэнсэй, 1911 г.). Написанный в свое время для токийской газеты "Асахи симбун", он включается не только в полные, но и во все избранные собрания сочинений Сосэки. Представляется интересным, во-первых, установить личность Кэбера, неизвестного нашему читателю, во-вторых, посмотреть, какими средствами достигает Сосэки того, что неведомая доселе фигура из прошлого предстает перед нами как живая.

"Пойдите на Литературное отделение¹ и спросите, кто из профессоров здесь самая выдающаяся личность. Десяносто студентов из ста назовут вам фон Кэбера и лишь потом вспомнят многих преподавателей-японцев..."² — пишет Сосэки. Кто же такой Кэбер?

Судьба этого человека сложилась так, что он вообрал в себя по меньшей мере три национальных культуры. Рафаэль фон Кэбер (1848—1923) родился в России, в Нижнем Новгороде; учился в Московской консерватории у самого Чайковского и у Н.Рубинштейна. На своей "исторической родине", в Германии получил философское образование, впитал идеи неоидализма, на высшей шкале ценностей которого значились "истина, добро, красота". Япония стала для него как бы третьим отечеством. Он приехал в Токио по приглашению Имперского университета в 1893 г. и более двадцати лет (до 1914 г.) преподавал философию, немецкую литературу, классические языки в этом ведущем учебном заведении страны.

В японской столице Кэбер основал также музыкальную школу и сам давал уроки фортепьянной игры. Печатался в журналах ("Ситэ" и др.), издавались его труды по философии Гартмана, Шопенгауэра, Ницше. Вышел трехтомник "Мелочи Кэбера" (Кэбэру сёхин сю).³

Изучение европейской философии было поставлено благодаря Кэберу на фундаментальную основу. Канта и Гегеля он приучал читать в немецких оригиналах, античных философов — на древнегреческом, на латыни. Выучку, приобретенную на студенческой скамье у Кэбера, с благодарностью вспоминал Нисида Китаро, крупнейший японский философ XX века. Учениками профессора Кэбера являлись такие известные впоследствии литераторы и ученые, как

Такаяма Тёгю, Уэда Ёин, Анэдзаки Тёфу, Хатано Сэйити, Абэ Дзиро, Абэ Ёсинари, Вацудзи Тэцуро и другие.

Огромное уважение к наставнику, благородная атмосфера, которую он создавал, отражены в воспоминаниях писателя и философа Абэ Дзиро. "Своим предметом — философией учитель владел прекрасно. Новые концепции не конструировал, но комментировал существующие очень свободно. Воспитание свободной личности учитель считал главной целью. Для нас воплощением всех лучших качеств представлялся его собственный облик".⁴

Нацумэ Сосэки довелось слушать лекции Кэбера в бытность его аспирантом Имперского университета. Впоследствии, когда Сосэки возглавил кафедру английской литературы, они стали коллегами и друзьями. Очерк запечатлел одну из их встреч в те времена, когда Кэберу было уже за шестьдесят.

Писатель пришел к нему в гости. В модернизированном районе у железнодорожной линии Кобусэн лишь дом учителя выглядел "стародавней ветхостью". Наблюдательный глаз Сосэки отметил, что на обеденном столе вместо белой скатерти, "которую европейцы считают столь неперменной", лежал кусок пестрой материи, оставшейся от починки матраца-футона. Многочисленные книги на европейских и восточных языках "не сверкали золотыми тиснениями". Рядом с непритязательной тужуркой учителя его собственный крахмальный воротник выглядел претенциозно.

Передавая содержание беседы, Сосэки пишет: "Спросил учителя, не скучает ли он в одиночестве, — он ответил, что ничуть не скучает. Спросил, не возникает ли желание вернуться на Запад, — он ответил, что не столь уж Запад хорош, что единственное, чего ему здесь, в Японии недостает, это концертов, театров... Вот уже восемнадцать лет учитель спокойно живет в нашей стране... Он похож на живую греческую скульптуру, которая оказалась посреди дымного города; в любой толчее он сохраняет спокойствие. Его ботинки не царапают гвоздями мостовую, обувью, подобно древним корейцам, в мягкие кожаные сандалии, он бесшумно ступает рядом с трамваем".⁵

Лирический портрет Кэбера приобретает законченность благодаря необычайно выразительному и полному ассоциаций сравнению. Сосэки рассказывает, что тот долгое время держал у себя ручного ворона. Птица свободно летала по дому, по саду. Однажды, проведя холодную ночь на дереве, она погибла. Между одиноким профессором и этой старой птицей Сосэки почувствовал "неуловимое родство".

Сосэки как-то видел, что Кэбер снимал с библиотечной полки сочинения Эдгара По, и подумал: "Учитель говорил, что если когда-нибудь расстанется с Японией, то не вернется уже никогда. При этом мне вспомнились слова, которые он часто произносил: по шогге, nevermore". Следуя лаконичным поэтическим правилам лучших отечественных образцов, Сосэки не расшифровывает этого намека. Но судя по всему контексту, приведенные им английские слова – это цитата из "Ворона" – лирического шедевра американского поэта-романтика Э.По. Герой стихотворения тоскует об умершей возлюбленной, и рефреном, создающим эффект обнаженности чувства, звучит "Никогда!".⁶ В подтексте слышится и отголосок знаменитого хайку М.Басё, которого Сосэки досконально знал и любил.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.⁷

Печальный настрой этих ассоциаций относится, по-видимому, не столько к облику Кэбера, сколько к душевному складу самого Сосэки, преобладающей тональностью всего творчества которого была меланхолия. Сосэки сам пережил в Англии острый приступ ностальгии и мог предполагать ее скрытой в душе Кэбера, одиноко стареющего на чужбине.

Деликатным, отрешенным от грубой действительности и светской суеты запечатлен образованнейший интеллигент, выходец из России, оставивший свой след в истории японской культуры.

¹ Имеется в виду Литературное отделение Имперского университета в Токио. Философия, а также история традиционно изучается в Японии на Литературном факультете. Отдельных исторических или философских факультетов не существует и поныне.

² Нацумэ Сосэки. Учитель Кэбер, – "Гэндай нихон бунгаку дзэнсю", т.19, Токио, Кайдзосё, 1927 г., с.277–279.

³ См. Краткий литературный словарь Иванами (Иванами сёдзэн-тэн. Нихон бунгаку. Киндай), Токио, Иванами сётэн, 1965, с.57.

⁴ Цит. по сб. "Фундаментальное знание истории мысли в Японии нового времени" (Киндай нихон сисоси киси тисики), сост. Нисикава Бунсо, Кано Масанао, Хираока Тосио. Токио, Юхикаку, 1971, с.239.

⁵ Нацумэ Сосэки. Учитель Кабер, с.279.

⁶ "...Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда".
Ворон каркнул: "Никогда!".

...

"И затянет рану сердца, словно мертвая вода?"
Ворон каркнул: "Никогда!".

...

"Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?"
Ворон каркнул: "Никогда!".

См. Эдгар По. Лирика, Ленинград, Художественная лит-ра,
1976, с.84-88, перевод М.Донского.

⁷ Перевод В.Н.Марковой.

М.Е.Кравцова

"ПЕСНЯ О БЕСКОНЕЧНОМ" ШЭНЬ ЮЭ (44I-5I3)

1. У весенних полей покрылись побегами зазеленевшие ивы,
2. На морозных ступенях намело сугробы блестящего снега.
3. Цветеньем-зеленью полнились былые дни,
4. Метелями-вьюгами завершились мечты о грядущем.
5. Завершились мечты... год подходит к концу...
6. Бывало не раз незаметным начало в природе.
7. Начало в природе невозможно, нельзя не заметить...
8. Быстротечен расцвет, что в погоне за убывающим месяцем.
9. Месяц вновь округлится, станет полной луной,
10. Быстротечен расцвет, навсегда он потонет-исчезнет.
11. Внешность - изменится летним лотосом,
12. Сила - одряхлеет осенним инеем.
13. По пути и по бездорожью - придешь к одному и тому же,
14. И мудрый, и глупый - оба с жизнью расстанутся.
15. Печалью охвачен, разве скажешь: ну и пусть!
16. Небесное Дао ни для кого не сделает исключения.
17. Заслуги и слава, знаю, отмечены будут,
18. Бамбук и шелк отыщут разломанными-изорванными.
19. За пределами жизни трудно что-нибудь отыскать...
20. Вот сижу, записать хочу мои бесконечные вздохи.

1. 春	際	第	綠	柳	II. 色	隨	夏	蓮	變
2. 寒	堤	緒	皓	雪	12. 能	興	秋	霜	盡
3. 依	マ	往	皓	盈	13. 通	與	無	異	期
4. 罪	マ	來	紀	結	14. 賢	迫	有	同	絕
5. 思	マ	纏	思	帶	15. 銜	思	豈	天	忘
6. 魯	結	掩	歲	節	16. 天	使	無	甄	別
7. 初	是	言	初	掩	17. 功	道	識	所	職
8. 津	節	言	不	缺	18. 竹	名	尋	摧	裂
9. 弦	策	返	弦	合	19. 生	弟	荷	難	尋
10. 清	策	更	圓	減	20. 坐	外	長	歎	故

"Песня о бесконечном" - "Чан гэ син"¹ - тема-мелодия двух древних песен-юэфу, повествующих о быстротечности человеческой жизни [10, цз.30, 231]. Существует немало авторских подражаний, написанных на эту тему [10, цз.30, 231-232], к ним относятся и два стихотворения Шэнь Юэ "Раз за разом лодки во рву меняют владельца..." и "У весенних полей покрылись побегами зазеленевшие квы..."².

Здесь для анализа выбрано второе стихотворение, позволяющее, на наш взгляд, проследить преломление данной темы у Шэнь Юэ и связь ее с композицией.

Основой любого художественного произведения является его поэтический язык. "Составляя поэтический словарь того или иного стихотворения, мы получаем - пусть грубые и приблизительные, контуры того, что составляет мир, с точки зрения этого поэта" [5, 86]. В распоряжении китайского поэта был не просто язык, а язык иероглифический, "приучавший к образному восприятию мира, ...к сосредоточенности на одном, ибо в одном знаке уже заключалась полнота содержания" [3, 5]. Поэтому прежде, чем перейти непосредственно к композиции стихотворения Шэнь Юэ, необходимо сказать несколько слов и о его лексике, тем более, что при кажущейся простоте, она, на самом деле, сложна и многозначна.

В первой строке "си" означает "низина" (элемент природы) и в то же время - "только что распаханное поле" (результат деятельности человека). "Ин" - "полный, изобилие" (третья строка) и "цзе" - "завязь, плод" (четвертая строка) также относятся и к природе, и к человеку - "былым дням" и "думам о грядущем". "Чу цзе" (шестая-седьмая строки), переведенное как "начало в природе", действительно, может быть понято по значению "цзе" - "сезон", как начальный сезон - весна. Но у Шэнь Юэ "цзе" чаще встречается

в другом смысле - "моральные устои", например: "ши цзе" (士節) - "устои чиновника" в "Юйчанском напеве" [8, 2, 289]; "чжэнь цзе" (貞節) - "верность, преданность" в "Скорбю о Ли Гуй-чжи" [8, 2, 1017]. Таким образом, все выражение приобретает более глубокое содержание - "изначальные устои", относящиеся не только к природе, но и к человеку. "Жун" - "расцвет" (восьмая и десятая строки) - это и расцвет природы (о чем свидетельствует само написание иероглифа с ключом "дерево"), и расцвет, слава человеческой деятельности. "Фу" - словарное значение "плывущий" - прилагается к явлениям природы (облака) и к растениям со слабыми, не укрепленными в земле корнями (ряска на воде); но этот же иероглиф характеризует и непрочность, быстротечность человеческой жизни, как, например, в восьмистишии того же Шэнь Юэ "На мотив Дунъю" [8, 2, 993]:

天 德 深 且 曠	Небесная добродетель глубока и бес-
	крайна,
人 世 賤 而 浮	Человеческая судьба ничтожна и бы-
	стротечна.

"Сэ" (одиннадцатая строка), понимается в данном тексте как "внешность" (человека), а на самом деле означает "цвет". И, наконец, даже говоря о такой "чисто человеческой принадлежности" как записи людских деяний (восемнадцатая строка), поэт использует традиционное выражение "бамбук и шелк", объединяя тем самым растение (бамбук) и создание человеческих рук (шелк). Даже при таком беглом анализе лексики стихотворения видно, что поэт добивается на уровне одного знака слияния природы и человека. И это не случайно, ибо для Шэнь Юэ, как и для большинства китайских авторов, человек являлся органичной частью природы и не мыслился вне ее.

Итак, одна из основных тем стихотворения (на уровне знака "цзы") - тема неразрывного единства человека и природы. Посмотрим, подтверждается ли этот вывод и на уровне всей композиции стиха.

Стихотворение начинается с описания двух противоположных времен года: весны и зимы, выраженной через иероглиф "хань" - "холодный, морозный". Образность первой-второй строк подхватывается следующим двустилием - видоизмененной цитатой из песни "Шицзина" "Собираем папоротник" [9, 223]:³

昔 我 往 矣	Помню время, когда уходили в поход,
楊 柳 依 依	Был на ивах зеленый-зеленый наряд.

今 我 來 思,
雨 雪 霏 霏

Ныне мы возвращаемся к дому назад,
Только снежные хлопья летят и летят.

[6, 209]

Таким образом, в первых четырех строках поэт рисует смену времен года, вечный круговорот, происходящий в природе: 春 (весна) - 寒 (мороз) - 依依 (образ зелени) - 霏霏 (образ метели, выги). Но эти изменения происходят не только в природе, но и в жизни человека, у которого тоже есть весна - юность и осень - старость. Цитируя "Шицзин", Шэнь Юэ придает дополнительный оттенок этому сопоставлению, делая значимым иероглиф "сы" - "думы", который в тексте песни играет роль восклицательной частицы (см. комментарии к песне 9, 223). Тем самым физическому старению человека соответствует и изменение его взглядов на жизнь, его отношения к себе и окружающему. Не менее существенно, что и "былые дни", и "думы о грядущем" фактически оказываются в прошлом. На это указывает пятая строка, где завершение дум прямо соотносится с концом года - концом жизни. То есть, в отличие от бесконечного круговорота в природе, человеческая жизнь конечна. И в этом основная трагедия человеческой судьбы.

Мысль о неизбежном конце жизни на фоне бессмертия природы подчеркивается и композиционным построением этой части стихотворения. Первые четыре строки удивительно гармоничны по своей композиции (параллелизм, развитие темы и образности); в следующих же двустопиных наблюдается определенная "дисгармония": используя эпаностроф, поэт усиливает связь между смежными строками соседних двустопий (4-5, 6-7 и 8-9 строки), тем самым нарушая принятое объединение строк (5-6, 7-8, 9-10 строки). Причем, если в 4-5 и 8-9 строках поэт повторяет два знака, то седьмая строка почти полностью повторяет шестую - случай редкий для творчества Шэнь Юэ.⁴

Этим еще больше подчеркивается противопоставление двух оставшихся знаков: "ши" (是) - "есть" и "бу" (不) - "не есть". Подобный прием дает основание предположить повышенную смысловую нагрузку этих двух строк, рассматривать их как "итог" сказанного выше. А "чу цзе", действительно, означает "изначальные устои" - бесконечность природы и конечность человеческого бытия, о которых и говорится в первых четырех строках.

Понимание неизбежности конца приводит поэта к мысли о тщетности человеческих деяний, и эта мысль вновь раскрывается через сопоставление с вечно-изменяющейся природой (месяц вновь станет

полной луной, тогда как расцвет навсегда погибнет).

Одиннадцатая и двенадцатая строки повторяют в несколько измененном виде идею и образность первого четверостишия. Эти две строки, видимо, тоже модифицированная цитата из стихотворения поэта - современника Шэнь Юэ - Се Тяо (464-501?):

春	露	惠	我	澤	Весенней росой наполнен мой пруд,
秋	霜	綰	我	色	Осенним инеем украшен мой облик.
					ЛЮ, цз.35, 2607

Однако фактически дважды повторив одну и ту же мысль (изменения в человеке вслед за изменениями в природе), дважды используя при этом скрытые цитаты, Шэнь Юэ именно здесь проявляет и свою поэтическую индивидуальность. И делает он это за счет нарушения традиционной пары "весна-осень", вводя в первом случае вместо "осени" иероглиф "хань" - "морозный", а во втором случае заменяя весну "летом" - словом, встречающимся в его стихах редко.⁵

Возвращая читателя к первому четверостишию, одиннадцатая и двенадцатая строки одновременно являются и введением ко второй части стихотворения. Эта двойная композиционная нагрузка сопровождается отклонением в грамматической цезуре (после первого, а не после второго знака) и некоторым нарушением тонового построения: I-10 строки начинаются с ровного тона - "пин", эти две строки - с косого тона "цзе". Кстати, на тоновом же уровне осуществляется и связь между одиннадцатой-двенадцатой строками и следующим двустихием: тринадцатая строка тоже начинается с косого тона.

При делении стихотворения на две части (I-10 и II-20 строки) можно заметить и еще одну композиционную особенность этого произведения: симметричность его построения. Каждая часть делится на смысловые отрывки, связанные с друг с другом развитием данной темы и частично образностью:

- I-4 строки - II-14 строки (изменения в природе и в человеке, неизбежность смерти)
- 6-7 строки - I5-I6 строки ("итог" сказанному выше)
- 8-10 строки - I7-I9 строки (бренность мирских устремлений человека)

Каждому смысловому отрывку соответствует и определенный художественный прием. Так, например, шестая и седьмая строки, как уже говорилось выше, выделены с помощью развернутого эпанострофа: в пятнадцатой и шестнадцатой строках роль композиционного "сиг-

нала" играет отказ от параллелизма (II-I4 и I7-I8 строки параллельны) и введение прямой речи.

Повторяя сказанное, Шэнь Юэ каждый раз по-новому развивает свою мысль. В тринадцатой-четырнадцатой строках, как и в третьей-четвертой, речь идет о неизбежности смерти. Но решается эта тема несколько иначе. Особый интерес представляет выражение "дао по" - "путь и бездорожье", переведенное как "по пути и по бездорожью". Путь - дао несомненно связан с Дао Небесным в шестнадцатой строке, причем эта связь подкрепляется и повтором отрицания - "у". Что касается "ци" (其), то значение этого слова разобрано В.М.Алексеевым: "значение "ци" есть среднее между ждать и уповать на непременность чего-либо" [1, 134]. Таким образом, поэт говорит не только о смерти, но и вновь возвращается к теме тщетности человеческих усилий: мудрый следует Дао, глупый не следует Дао, идет по бездорожью, но и тот, и другой придут к одному концу - смерти.

Крайне важны для понимания основной мысли стихотворения и следующие две строки, где говорится о печали - "хэн" (恨). Ключом к этим строкам служит текст из оды Цзян Яна "Ода о печали" [7, цз.16, 169]:

天道寧論

Небесное Дао - разве можно о нем судить!

於是僕本恨人

Потому неизбежна печаль человека.

И, наконец, в последней строке стихотворения поэт вновь через иероглиф "чан" возвращается к названию песни "Чан э син".

Итак, стихотворение Шэнь Юэ - это произведение о бесконечных изменениях в природе и о брэнности человеческой судьбы, о бесконечной тоске человека, постигнувшего неизбежность смерти на фоне бессмертия природы. Мысль о гармонии природы и дисгармонии человеческого бытия обуславливает и композиционные особенности стихотворения: одновременное соблюдение гармонии (рифма, параллелизм, симметричность смысловых отрывков) и ее нарушение с помощью различных приемов (эпаностроф, смещение цезуры, введение прямой речи).

¹ Существуют и другие переводы названия, например "Протяжная песня" [4, 246]. На наш взгляд, более оправдан перевод "чан" как "бесконечный", например, "Песня о бесконечной тоске" Бо Цзай-и в пер. Б.А.Васильева [2, 115].

² Обе песни в такой же последовательности приводятся в

"Юэфу ши цзи" [10, цз.30, 231] и в антологии Дин Фу-бао [8, 2, 988].

³ В русском переводе "В походе на гуннов" - см. [6, 208-210].

⁴ Подобный прием встретился у Шэнь Юэ еще один раз - в первых двух строках восьмистишия "О, скорбы!" [8, 2, 993].

⁵ "Лето" встретилось в стихотворениях Шэнь Юэ всего 4 раза, тогда как "весна" и "осень" соответственно 31 и 23 раза.

Список использованной литературы

1. В.М.Алексеев, Поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. Пг., 1916.
2. Восток, М.-Л., 1935.
3. Т.П.Григорьева, Японская художественная традиция, М., 1979.
4. И.С.Лисевич, Древнекитайская поэзия и народная песня, М., 1969.
5. Ю.Лотман, Анализ поэтического текста, Л., 1972.
6. Шицзин, М., 1957.
7. 文選 ("Вэнь сюань") - "Литературный сборник" - из серии "Сыбу бэйяо", т.258-259.
8. 全汉三国晋南北朝诗 ("Цюань Хань Саньго Цзинь Наньбэйчао ши") - "Полное собрание стихотворений периодов Хань, Саньго, Цзинь и Наньбэйчао". Пекин, 1959, т.1-2.
9. 詩經 ("Шицзин") - из серии "Сыбу бэйяо", т.13.
10. 樂府詩集 ("Юэфу шицзи") - "Собрание юэфу" - из серии "Сыбу бэйяо", т.264-265.

Ж.С.Мусаэлян

ПОЭМА ФАКИ ТЕЙРАНА "СТИХИ, ОБРАЩЕННЫЕ К РЕКЕ"

В коллекции курдских рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, собранных видным ученым XIX в. А.Д.Жабой, хранятся три списка поэмы Факи Тейрана (XIV в. под названием "Стихи, обращенные к реке".¹

До нас дошли крайне скудные сведения о жизни Факи Тейрана. В статье об известных средневековых курдских поэтах А.Д.Жаба писал: "Факи Тейран родился в 702 (1302/3) г. и происходил из г. Мокса, принадлежавшего провинции Хеккари. Он создал несколько

стихотворных произведений: "Шейх Сан'ан", "Сказание о Барсиса", "Рассказ о черном коне"... . Писал он под псевдонимом "Мим и Хе". Умер в возрасте 75 лет в 777(1375/6) г. Его могила находится в г. Моксе".²

Творчество Факи Тейрана популярно и пользуется любовью у курдов. Однако поэма "Стихи, обращенные к реке" до сих пор не была издана и остается вне поля зрения исследователей.

Дата переписки рукописи под шифром курд 45 (А) – 1282 (1865/6) г., г. Эрзерум. Переписчик, судя по почерку, Мела Махмуд Баязиди – известный курдский ученый XIX в., верный помощник А.Д. Жабы в деле собирания курдских рукописей. Между строк на листах рукописи-приписки чернилами и карандашом, сделанные А.Д. Жабой, содержащие французский перевод отдельных слов. Две другие рукописи – курд 19 (В) и курд 20 (С) – копии курд 45, сделанные другими переписчиками в XIX в.

Рукописи В и С отличаются от списка А незначительными различиями, касающимися: 1) отдельных слов близких по значению: А *ایرو قنا خون شربتیی* "сегодня не выпьют шербета", В, С *ایدی* "больше не выпьют шербета"; 2) отдельных слов, меняющих смысл строки: А *قی سر و رمزی اشطار بکه* "эту тайну раскрой", В, С *پیش قی ستری ستار بکه* "после эту тайну скрой"; 3) опущения строк в рукописях А и В; 4) написания отдельных слов арабского происхождения: А *ذکر*, В, С *زکر* "упоминание", А *مسئل*, В, С *مثل* "подобный", А *اثبات*, В, С *اسبات* "подтверждение", А *سوسن*, В, С *صوصین* "лилия" и т.д.; 5) опущения отдельных слов или предлога *bi*; 6) выписывания редуцированного *i* (ی): *ژی* "из", *عاقیل* "разумный", *دیکی* "делаешь" и не выписывания долгого *i*: *جنار* "сосед" и т.п.

Рассматриваемая поэма создана Факи Тейраном по случаю смерти его возлюбленной. Она начинается словами поэта, обращенными к слушателям: " [О, вы] совершенные! Послушайте мои прекрасные стихи". Свой монолог автор адресует реке, много повидавшей на своем веку.

О река, река, о река, река,
Ведь с любовью и страстью
Бушуешь ты, несешь [свои] волны,
Неустанная ты, нет покоя тебе.

Как пишет А.Д. Жаба в примечании к тексту, река, о которой идет речь, называется Мюкс (истоки ее южнее оз. Ван).

Образ реки – образ вечного в этом мире. Она – безмолвная свидетельница всего.

Выполняешь службу ты без рук и без ног,
Так меняешься в своем течении,
Бог не повелел: "Остановись на мгновение!"
Всегда течешь ты и шум твой слышен.

Усталость, печаль, душевное смятение чувствуются в каждом бейте Факи Тейрана. Поэт не находит успокоения, не освобождается от тоски и горя и даже ночь не приносит ему забвения.

И днем и ночью ты без сна,
От тягот изгибаешься,
И темными ночами никак не успокаиваешься,
По повелению божьему ты торопишься.
По повелению божьему течешь ты быстро,
Твое безумство похоже на мое,
Ради кого течешь ты быстро,
Выполняешь так эту службу?

Факи Тейран использует художественный прием одушевления реки, наделяя ее свойствами живого существа. Автор обращается к ней, беседует с ней, упрекает ее в том, что она не поведует миру те тайны, хранительницей которых является.

Много трудностей ты перносишь,
Иногда ты ласкова, приятного нрава,
Нет души у тебя, но по земле ты движешься,
Без рук, без ног откуда ты течешь?

Далее следует диалог поэта с рекой, обладающей способностью вечного обновления. Факи Тейран рисует реку как нечто беспрерывно движущееся, динамичное, меняющее форму, но упорядоченное действием внутренних законов. Поэт изображает смену одного явления другим, переход одного состояния в другое. Здесь отразились философские раздумья и личные переживания Факи Тейрана, взгляды на действительность, мирозерцание автора. Река раскрывает поэту тайну о зарождении и постепенном развитии зародившейся жизни на земле.

И тогда говорит прозрачная вода:
"Вот надо мной прошло столько лет
И никто не задал такого вопроса,
До настоящего времени, до этого часа".

Достаточно подробно повествуется о создании всевышним вселенной, строго выдержан порядок господних творений:

Мир и основу ты создал,
Прежде этого мира ты создал воду.

Плодом творений божьих стали лужайки, деревья, животные, птицы, люди. Рассказывая об этом, Факи Тейран находится во власти общих, закреплённых традицией представлений:

Разумных людей бог создал,
И совершенными, и знающими сделал.

В заключительной части произведения выражены размышления Факи Тейрана о бренности, недолговечности всего существующего. Человек должен помнить, что этот мир не вечен. Звучит мотив о неизбежности смерти. Автор ропщет на быстротечность времени, на несправедливость судьбы, отнявшей у него возлюбленную.

Судьба, ты жестока,
Судьба, ты ненадежна, — восклицает поэт.
Я горю в пламени огня,
Этот тленный мир нас разлучил.

Поэт воспевает свою любовь, образ любимой едва намечен, совершенно обезличен, мимолетен, не наделен индивидуальными чертами, традиционно перечисляются признаки красоты "нежной, юной, возлюбленной", в этом статичном образе выражен идеал человеческой красоты, издавна утвердившийся в общелитературной традиции на Ближнем Востоке.

Сегодня я обливаюсь слезами,
Лилии на лугах распустились,
Как жаль мне сладкоустую,
Больше не выпьют шербета алые сладостные губы.

На протяжении всей поэмы мастерски применяются средства художественной выразительности, особенно сравнения ("иногда волны словно молоко белые", "даже рычание льва не сравнится с твоим бурлением") и эпитеты ("жемчужные, сладкоречивые рубиновые уста", "стройный стан"). Стремительная и бурная река становится в поэме поэтичной метафорой, символом емким и многозначным. Она символизирует и судьбу поэта и его рано умершей возлюбленной, она текуча, подвижна, ненадежна.

Для поэзии Факи Тейрана характерен простой и ясный язык, обогащенный народной разговорной лексикой. Недаром в курдском фольклоре известен цикл песен под названием "Факи Тейран". "Сти-

ки, обращенные к реке" написаны живым, взволнованным языком, строки льются легко и свободно, автор умело сочетает простоту народного языка с искусством средневекового поэта.

В систему образных средств языка поэмы органично входит тэкпир (анафора), построенный на частичном повторении предшествующей строки. Ср. последнюю строку 8-го четверостишия и первую строку 9-ого четверостишия:

Всегда ты течешь и шум твой

слышен (8)

Шум твой слышен и днем и

ночью (9)

دایم دچی دنگی ته تی

دنگی ته تی به روز و شوق

Первая строка 4-ого четверостишия частично повторяет последнюю строку 3-его четверостишия:

Чтобы узнал я повествование

(3)

Чтобы узнал я эту тайну(4)

دا از بزنام قصتی

دا از بزنام قی سۆی

Во всех случаях первая строка последующего четверостишия частично повторяет четвертую строку предыдущего.

Поэма содержит 230 строк и состоит из 51 четверостишия, 4 пятистиший и 2 трехстиший. Она написана восьмисложным силлабическим стихом. В основном четверостишия рифмуются по типу: aaab, cccb, dddb; в единичных случаях - abab; aabb; baab; пятистишия рифмуются по схеме: aaaaab, aaabb, трехстишия - aab, bbb с рифмовкой последних строк на - etê, характерной и для поэмы "Шейх Сан'ан".

Поэма Факи Тейрана "Стихи, обращенные к реке" - неизвестное произведение курдской классической литературы - представляет несомненный интерес для исследователей. Публикация поэмы послужит новым ценным материалом для изучения литературного творчества и философских взглядов выдающегося средневекового поэта.

¹ М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, с.34-36, 74. См. также отчет импер. Публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869, с.164.

² A.Jaba, Recueil de notices et récits kourdes. S.-Pbg., 1860, с.8.

О СТРУКТУРЕ ДЕВИМАХАТМЬЯ

Девимахатмья (= ДМ) – основополагающее произведение, своего рода "библия" шактизма. В этой связи реальную актуальность имеет всестороннее изучение содержания и структуры канонических произведений шактизма, и в первую очередь ДМ.

ДМ входит в состав Маркандеяпураны¹, но представляет собой вполне независимую инкорпорацию, которую обычно относят к VI в. н.э.² Об ее популярности говорит огромное число списков, а также наличие обширных комментариев.³ ДМ относится к распространенному в древней Индии жанру махатмья, т.е. поэм, прославляющих божество (или место паломничества) и содержащих ряд практических наставлений к ритуалу.

Рассматриваемое произведение состоит из 13-ти разнобъемных глав, каждая из которых оканчивается кратким колофоном. Вступление к поэме вложено в уста легендарного мудреца Маркандея. Это связывает ДМ с прочими частями Маркандеяпураны. Далее следует традиционное обрамление: царь беседует в обители с брахманом, и тот излагает ему основы культа Девы.

ДМ является своеобразной совокупностью данных о культе Девы и как единое целое входит в сакрально-ритуальную систему шактизма. В целях структурного анализа представляется целесообразным выделить в ДМ две части: 1) "мифологическую" (повествовательный материал о рождении Девы, ее битвах и т.п.) и 2) "ритуальную" (описание регламентированных обрядов, гимны Девы, догматические положения).

Мифологический сюжет, изложенный в ДМ, занимает около трех четвертей текста. Он инкорпорирует три, лишь формально связанные между собой версии мифа о рождении и подвигах богини. По первой версии, Девы рождаются из тела Вишну, чтобы погубить асуров Мадху и Кайтабху, задумавших убить Брахму (гл. I). Согласно второй версии (гл. II–III), Девы рождаются по просьбе Индры и других богов в виде сияния (теджас) из тел Брахмы, Вишну, Шивы и иных божеств. Разбив войско асура Махиши – гонителя богов, она убивает самого асура-быка и возвращает богам власть, отнятую Махисей. По третьей версии (гл. V), боги во главе с Индрой призывают Девы – они хотят возвратить владения, отнятые повелителем асуров Шумбхой. Богиня является в ипостаси,

вобравшей в себя духовную энергию ряда богов (Брахмы, Шивы, Кумары, Вишну и др.), и, вступив в сражение с Шумбохой и его братом Нишумбохой, обращает в бегство их войско, убивает в поединке военачальников-асуров Джумралочану и Рактавиджу, и, наконец, самих Нишумбоху и Шумбоху.

Ход сражений Девы с асурами излагается в соответствии со схемой изображения поединков в эпических текстах⁴ (противники бранят друг друга (ср. Ш, 35), последовательно наносят удары различным оружием, герой поражает вражеских коней, колесницу и колесничего, ломает лук неприятеля и сбивает его знамя, затем принимает на себя сокрушительный удар и, наконец, убивает врага (ср. Ш, 10-15, IX, 9-14). Вражеское войско повергнуто, боги ликуют и осыпают победителя цветами (ср. II, 68, Ш, 40-41, X, 24-28).

Такой частый и однообразный повтор батальных сцен, очевидно, связан с верой в эффективность многократного воспроизведения зафиксированной в мифе ситуации.

В "ритуальную" часть входят четыре гимна (стуты) к Девы. Все они имеют монологический характер. Специфичность их структуры, набор устойчивых эпитетов-имен Девы, которые характерны именно для гимнов и редко встречаются в повествовательной части ДМ, (напр., имя Нараяни, гимн в гл. XI, 2-35) и порядок славословия четко выделяют гимны из общего текста ДМ.

Построение гимнов моделирует общую схему композиции ведических гимнов⁵. Они состоят из двух основных частей: 1) характеристики-восхваления Девы, содержащей ее отличительные черты, имена, хвалебные эпитеты и 2) призывов-просьб к Девы совершить то или иное деяние (защитить просителей богов и убить асуров). Соотносятся эти части следующим образом:

№	Гимн	Прославление Девы	Просьба к Девы	Наличие причинной связи между 1 и 2 частями
1.	I, 53-67	I, 53-65	I, 66-67	нет
2.	IV, 2-26	IV, 2-22	IV, 23-26	нет
3.	V, 7-38	V, 7-37	V, 38	нет
4.	XI, 2-35	XI, 2-23	XI, 24-35	есть, XI, 34/а

Мы видим, что непосредственно сами просьбы к Девы занимают сравнительно небольшую, менее 1/10, часть всего текста гимнов. Просьбы в большинстве случаев мало конкретизированы, в них выражаются общие для случаев пожелания (напр., "Да устранил она [Девы] все наши бедствия в тот миг, как мы вспомним о ней!",

У, 38). В трех из четырех гимнов отсутствует причинная связь между первой и второй частями (пример причинной связи: "О Девы, будь милостива, всегда избавляй нас от страха перед врагами как ты сейчас, воистину, спасла нас от истребления асурами", XI, 34). Гимны слабо связаны с содержанием предшествующих глав. Все это позволяет говорить о том, что гимны могут выступать и как самостоятельные единицы ритуала, т.е. соотносится с различными обрядовыми действиями изолированно от контекста ДМ.

К гимнам близко примыкает монолог – "Слово Девы" (гл. XII, I-28), который относится к жанру "атмастути" (самовосхваление). В нем содержатся интересные сведения о ритуале: совершение возлияний, произнесение магических формул и т.п. Обращает на себя внимание и описание обрядов поклонения Девы (гл. XIII, 5-9).

Выделение в тексте ДМ "мифологической" и "ритуальной" частей дает возможность установить их специфические функции. "Мифологическая" часть выполняет в основном этиологическую (объяснение рождений Девы) и информационно-иллюстративную (сведения о пантеоне шактизма, концепция Девы как высшего божества) функцию. Эта часть ближе стоит к тому, что мы называем "мифом" в узком смысле слова. "Ритуальная" часть выполняет главным образом сакральную, догматическую и дидактическую функцию. Эта часть теснее связана с обрядовой стороной шактизма. Разумеется, такое распределение функций не является безусловным. Основной критерий функционального различия между "мифологической" и "ритуальной" частями, на наш взгляд, заключается в относительной возможности использовать их как сравнительно независимые элементы в обрядово-ритуальной практике шактизма.

¹ Здесь и ниже ссылки по изд. Devimahatmyam. Edidit Latinam interpretationem annotationesque adiecit Ludovicus Poley, Berolini, 1831.

² The Cultural Heritage of India, v.II, Calcutta, 1962, p.256.

³ Там же.

⁴ П.А.Гринцер, Стилистическое развертывание темы в санскритском эпосе. Сб. "Памятники книжного эпоса", М., 1977, с.20-22.

⁵ Ригведа, Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой. М., "Наука", 1972, с.36-37.

Г.Г.Свиридов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ "ХОССИНСЮ"
("СОБРАНИЕ О ДУХОВНОМ ПРОЗРЕНИИ", ЯПОНИЯ, XIII в.)

"Хоссинсю" написано знаменитым писателем Камо-но Тёмэй (1153-1216), известным прежде всего как автор шедевра классической японской литературы - "Ходзёки" ("Записки из кельи", 1212 г.). Как нередко случается, слава "Ходзёки" бросает на остальное творчество Камо-но Тёмэй не свой отблеск, но свою тень, и авторитет "Хоссинсю" как историко-литературного явления не идет ни в какое сравнение с высоким престижем "Записок из кельи". Между тем, "Собрание о духовном прозрении" - важная веха как в истории японской литературы, так и в творчестве Камо-но Тёмэй.

Согласно "Ходзёки", Камо-но Тёмэй хранил в своей травяной хижине рисованное изображение будды Амида и лик бодхисаттвы Фугэн. А перед ними лежала Лotosовая сутра. Здесь же Тёмэй держал в черном кожаном футляре любимые стихотворения танка, ноты ритуальной музыки гагаку и буддийские сочинения "Одзё ёсю" ("Необходимое собрание о возрождении в Чистой Земле", сост. монах Гэнсин в 985 г.) Эта обстановка типична для обители подвижника, исповедующего учение Чистой Земли в ранней интерпретации школы Тэндай. Изображение будды Амида было главным ритуальным предметом при ежевечерних церемониях "нэмбучу" - воздании хвалы будде Амида, властителю Чистой Земли. Бодхисаттва Фугэн играл главную роль в церемонии "Хоккэ сэмбо", посвященной Лotosовой сутре. Скорее всего, Тёмэй неукоснительно отправлял все эти ритуалы.

Ритуальная практика Тёмэй обличала в нем приверженца учения Гэнсина (942-1017), автора упомянутого трактата "Одзё ёсю". Приверженность Тёмэй к учению Гэнсина особо примечательна потому, что сам Тёмэй был современником Хонэна, автора новой модификации учения о Чистой Земле. Вряд ли можно однозначно объяснить "традиционалистские" взгляды Тёмэй, которые отчетливо

проявляются в "Предисловии" к "Хоссинсю". Сам стиль предисловия, его риторика находятся под прямым влиянием "Одзё ёсю". Но сходство риторических приемов — лишь внешний признак глубокого идейного влияния Гэнсина на Тёмэй. Доказательством этого влияния служат многочисленные нравоучения, присовокупленные автором "Хоссинсю" к различным рассказам памятника, нравоучения, основанные на сентенциях из "Одзё ёсю".

Восемь свитков "Собрания о духовном прозрении" состоят из 102 историй, повествующих о японских буддийских монахах. По своему составу "Хоссинсю" относится к богатой традиции сборников буддийских легенд, которые создавались в Японии десятками и до написания "Хоссинсю". "Хоссинсю" нередко рассматривается просто как звено в ряду буддийских житий или их собраний — таких, как "Хонтё хоккэ гэнки" ("Жития японских ревнителей Лotosовой сутры", сост. монах Тингэн в 1040–1043 гг.) или "Нихон одзё гокураку ки" ("Жития японских праведников, переродившихся в Земле Крайней Радости", сост. Ёсисигэ-но Ёсутанэ в 983–984 гг.). Конечно, и в "Хоссинсю" речь идет, по существу, о тех же (в жанровом отношении) житиях праведников, о том же воплощении буддийского канона или даже — собственно о канонизации нового для буддийской религии японского национального материала. В плане традиции жанра весьма уместно и плодотворно рассматривать состав "Хоссинсю" в русле литературной истории японского буддийского жития. Но концептуально, как единая мировоззренческая система, памятник не в меньшей мере перекликается с тем явлением в современной ему японской литературе, который можно обозначить как зрелая проза Сэцува. Произведениями, возвестившими о наступлении периода зрелой прозы Сэцува, стали "Кондзяку моногатари сю" ("Собрание повестей о ныне уже минувшем", XII в.) и "Удзи ски моногатари" ("Повествование, собранное в Удзи", XIII в.).

Для зрелой прозы Сэцува, в отличие от ранней, характерно глубоко опосредованное выражение авторской философской концепции, поэтому в Сэцува столь большую роль играют ассоциации, переклички, намеки. Если в ранней прозе Сэцува, начиная с "Нихон рёнки" ("Удивительные записи о японских духах", IX в.), важное значение имеет категоричное прямое высказывание, в том числе и авторское, то в зрелой — по мере ее развития — авторское высказывание уходит в подтекст. Так, например, сопоставление вариантов текста в "Кондзяку" и "Удзи ски" говорит о том, что в более позднем "Удзи ски" авторский комментарий (состоящий,

главным образом, из правоучительных сентенций) часто сокращается или исчезает вовсе. Авторская концепция обретает глубину и многозначность, и очевидная тенденциозность в подаче материала смягчается.

Камо-но Тэмэй не мог не знать крупнейшие произведения прозы Сэцува, и его "Хоссинсю", без сомнения, результат знакомства с этой прозой, результат увлечения этой по-своему очень изысканной литературной формой. Для прозы Сэцува характерен ряд эстетических приемов, вне которых этот вид литературы не может существовать (принципы интертекстуальности, дискурсивности, клише).¹ В работе над "Хоссинсю" опирался на эти принципы и Камо-но Тэмэй. Способ отбора материала из "мира сэцува" и аранжировка этого материала у Тэмэя созвучны художественному методу "Кондзяку" и "Удзисюи". Свою художественную позицию Тэмэй подробно излагает в "Предисловии" к "Хоссинсю". Тэмэй берет из "мира сэцува" только национальный японский материал, начисто отвергая индийские и китайские сюжеты, что свидетельствует о принципиальном изменении в идеологической концепции Сэцува по сравнению с "Кондзяку", где есть особые индийские и китайские разделы. Собственно говоря, даже в "Удзи сюи" индийские и китайские сюжеты включены в состав памятника, играя в нем важную идеологическую роль. Равным образом Тэмэй декларирует свой отказ от легенд об "иноземных" буддах и бодхисаттвах.

Идеологические перемены сопровождаются и сдвигами в области литературной формы. Автор объявляет, что берет в свое произведение только те истории, которые "легко воспринимаются на слух", отдавая исключительное предпочтение тем, которые слышал сам. Тэмэй усматривает в устной традиции некие достоинства, которых лишена письменная литература. Из этого, естественно, вытекает скрытая полемика Тэмэй с распространенным в его времена литературно-эстетическим принципом, гласящим: "Люди древности были изысканны душой, и слова у них лились складно. А ныне — хорошо, если удастся связать кое-как слово со словом" (Собрание сэцува "Канкё-но томо" — "Друг уединения", автор точно не установлен, время создания до 1222 г.) Тэмэй же, напротив, в "Хоссинсю" старается избежать литературных выражений, изысканных оборотов, но бережно сохраняет прозаизмы, жаргон. Его задача состоит в том, чтобы сохранить устный стиль, сказовую манеру и донести ее до читателей.

Прежде чем объяснить, почему он избрал прозу Сэцува для воплощения своего замысла, Тёмэй формулирует свои основные нравственные принципы, которые зиждятся на понимании того, что "каждое мгновение своей жизни человек совершает дурное". Единственный путь к спасению, по мнению Тёмэй – это истовая молитва о возрождении в Чистой Земле. Еще один принцип Тёмэй – понимание ординарности, слабости и неустойчивости человеческой души, основанное, как он сам говорит, на знании собственной натуры. Немалую роль в литературной и философской концепции Тёмэй играет его понимание зыбкости наставлений и нравочучений, борьба с ограниченностью догматического буддизма.

Идеологическое содержание "Хоссинсю" – это своеобразная реакция на развитие буддизма, в том числе на буддизм Чистой Земли в интерпретации Хонэна. Если бы Тёмэй избрал в качестве ориентира учение Хонэна, его бы сочли пропагандистом нового учения. Мысль же Тёмэя была в другом. Он считал, видимо, что ни старая, ни новая доктрина сама по себе не может вести к благим целям. Отказ от прямолинейной декларативности, убеждение жизненным примером – вот нравственный принцип проповеди Тёмэя. Наилучшим средством на этом пути могла стать сэцува. Метод Тёмэя, примененный им в "Хоссинсю" – это, по его словам, "воспитание сознания" с помощью сэцува.

^I См. Г.Г.Свиридов, О механизме художественного воздействия сэцува. – В сб. III и ШКНВ, XIII. М., 1977, с.142–145.

И.С.Гуревич

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ III-V вв.
(на материале сутры Бай юй цзин)

Пользуясь синтаксическим критерием, мы распределили знаменательные слова китайского языка III-V вв. по 6-ти группам (или классам), различающимся между собой по грамматическим признакам.¹ В предлагаемой статье будут охарактеризованы особенности одной из 6-ти полученных при такой классификации групп слов.

В обследованном памятнике² выделилась большая группа слов, которые обозначают действие или состояние субъекта. Главной для них является функция бессвязочного сказуемого; они отмечены также как вторая часть сложного сказуемого и дополнительный член, обозначающий постоянный признак, возникающий у подлежащего. Некоторые из описываемых слов выступают в качестве первой части сложного сказуемого.³ Большинство слов этой группы может управлять дополнением.

Слова, обладающие указанными признаками, соответствуют тому, что традиционно считают глаголами.

Приведем несколько примеров на различные функции глагола в предложении:

愚人食鹽 Юй жэнь ши янь Дурак ел соль'. Ши 'есть'
является сказуемым, оно управл. дополнением янь 'соль'.

能見...伏藏

Нэн цзянь...фуцзан 'Он мог видеть сокровища'. Цзянь 'видеть' выступает в качестве второй части сложного сказуемого нэн цзянь 'мог видеть' и управляет дополнением фуцзан 'сокровища'.

醫先教我飯食雉肉 И сянь цзяо во хэн ши чжи хоу 'Лекарь велел мне есть мясо фазана. Ши 'есть' выступает в функции дополнительного члена.

汝能食不 Жу нэн ши бу 'Сможешь ли ты попробовать (досл. поесть) плоды?' Нэн 'мочь' выступает в качестве первой части сложного сказуемого нэн ши 'сможешь попробовать'.

Для слов рассматриваемой группы, как уже было отмечено, наиболее характерна функция сказуемого без связки. При этом одни слова отмечены в исследуемом памятнике только как сказуемое с дополнением (обозначим эту конструкцию Сд),⁴ другие - с дополнением и без дополнения (обозначим эту конструкцию как Сд-С), наконец, третьи - только как сказуемое без дополнения (конструкция С).⁵

В первой конструкции (Сд) отмечены, например, такие глаголы как 割 гэ 'отрезать', 療 лiao 'лечить', 買 май 'покупать', 吐 ту 'выплюнуть', 喚 хуань 'позвать', 斬 чжань 'отрубить /голову/', 殺害 шахай 'убить' и др.

В конструкциях Сд-С отмечены глаголы 熬 ао 'варить', 剥 бо 'сдирать /шкуру/', 裹 го 'заворачивать', 覓 ми 'искать', 磨 мо 'точить', 刮 ги 'брить', 捉 чжо 'хватать', 揀 шэ 'покидать' и др.

Лишь немногие глаголы, отмеченные в конструкциях Сд-С, имеют разное значение в зависимости от наличия или отсутствия дополнения; будучи употреблены без дополнения, эти глаголы меняют свое значение на пассивное. К числу таких глаголов относятся, например, 失 ши 'терять', 敗 бай 'портить', 滅 ме 'уничтожать', 破 по 'разбивать', 'нарушать', 生 шэн 'родить' и некоторые другие. Приведем несколько пар примеров с названными выше глаголами: в первом примере каждой пары глагол выступает в конструкции Сд и имеет активное значение, во втором - в конструкции С и имеет пассивное значение:

敗種子 Бай чжунцзы 'Испортит семена'. 牛乳 ...

作敗 Нью жу...цзо бай 'Коровье молоко...прокисло и испортилось'.

破戒 По цзе 'Нарушают обеты'. 一切都破 ще ду по 'Все /обеты/ нарушены'.

婦生 ...子: Фу шэн...цзы 'Жена родила...сына'. 兒生已
Эр шэн и... 'Когда сын родился...

В приведенных примерах отсутствие дополнения вызывает изменение значения глагола на пассивное. Большинство же глаголов, отмеченных в конструкциях Сд-С, имеет одно и то же значение независимо от наличия или отсутствия дополнения.

Однако сам факт отсутствия дополнения не однозначен по своему грамматическому смыслу – здесь возможны различные ситуации.

1. В большинстве случаев отсутствие дополнения – это опущение его, тогда дополнение без труда восстанавливается с помощью контекста, иными словами, для этой ситуации характерно то, что глагол имеет объект, названный в контексте. Примеры:
何故打也 Хэ гу да е 'Почему ты ударил /того человека/?
以石打破 И ши дацзэ 'Камнем разбил /ногу/'. В первом примере опущено название объекта глагола да 'ударить' – жэнь 'человек', во-втором – название объекта глагола дацзэ 'разбить' – цзяо 'нога'. Однако в контексте оба объекта названы.

Опускаться может дополнение, обозначающее не только объект, но и название места: 所以負得仙人住者... Со и тань дэ сяньжэнь чу чжэ... 'То, из-за чего я хотел, чтобы мудрец остался /в моем государстве/'... В приведенном примере название места во го 'мое государство' явствует из контекста. Предложения с опущенным дополнением являются неполными. Ситуация с опущенным дополнением весьма характерна для языка исследуемого памятника.

2. Отсутствие дополнения может также означать, что в данном конкретном употреблении глагол не имеет объекта и его нельзя предположить: такая ситуация – и это следует особо подчеркнуть – имеет место у глаголов, обычно обозначающих активное воздействие на предмет. Это бывает тогда, когда надо выразить общее значение самого действия, которое не связывается ни с каким конкретным объектом, т.е. глагол в этом случае выступает в своем абсолютном значении (ср. 'читать книгу' и просто 'читать'). Именно так употреблены глаголы 盜 дао 'воровать', 害 хай 'причинять зло', губить', 殺 ша 'убивать', 食 ши 'есть', обозначающие активное воздействие на предмет.

我父 ...不害不盜 Во фу...бу хай бу дао 'Мой отец... не причиняет зла, не ворует (т.е. не занимается причинением зла, не занимается воровством)'. 其不殺 Ци бу ша 'Он не убивает (т.е. не занимается убийством)'. 不殺戒 Бу ла цзе

(или их проявление): ~~ст~~ сю 'стыдиться', ~~ст~~ ся 'смеяться'.

глаголом 食 し 'есть' (этот глагол отмечен в памятнике более 20 раз). Приведем по одному примеру на каждую ситуацию:

汝能食不 Жу нэн ши бу 'Сможешь ли ты попробовать (досл. поесть) плоды? 杜康 Дуань ши 'Прекращают есть'.

То, что конструкция С для одного и того же глагола может соответствовать двум разным ситуациям с отсутствующим дополнением, очевидно, не есть специфика одного глагола ши 'есть'. Теоретически любой глагол в языке рассматриваемого периода может, вероятно, быть употреблен в абсолютном значении.

Некоторые глаголы встретились только в конструкции С; при этом, как мы уже отмечали, сюда попали и такие глаголы, которые имеют объект, но в исследуемом памятнике встретились только с опущенным дополнением. Несомненно, среди слов, отмеченных только в конструкции С, оказывается какое-то количество слов, которые действительно не имеют объекта и его невозможно предположить, например, 死 си 'умереть', 了 知 ляо чи 'понимать', 'разобраться', 敢 ди 'противостоять', 療 чай 'выздоровливать', 竟 цзин 'кончиться', 盡 цзинь 'кончиться', 飛 фэй 'летать', 哭 ку 'плакать', 明白 минбай 'понимать' и др.

Рассмотрев три группы глаголов, выделенных по внешнему формальному признаку - встречаемости в какой-либо из трех конструкций (Сд, Сд-С, С), видим, что в языке рассматриваемого периода очень трудно классифицировать глаголы в зависимости от наличия или отсутствия дополнения в связи с тем, что отсутствие дополнения не однозначно по своему грамматическому смыслу.

Для языка рассматриваемого периода представляется более правильным выделять следующие группы глаголов:

І. Глаголы, которые употребляются только в конструкции Сд; будучи употреблены без дополнения, они меняют свое значение на пассивное. Эта группа глаголов довольно малочисленна.

2. Глаголы, которые всегда имеют объект; дополнение при этом может быть опущено, но оно легко восстанавливается из

контекста. К этой же группе следует отнести глаголы, которые вместо объекта, всегда предполагают место действия (это в основном глаголы, обозначающие движение или пребывание на месте) или обстоятельство времени со значением длительности. Как и дополнение со значением объекта, может быть опущено дополнение со значением места.

Судя по имеющемуся у нас материалу, грамматика языка рассматриваемого периода почти неограниченно допускала конструкцию с опущенным дополнением. В свою очередь конструкция с опущенным дополнением является, на наш взгляд, одной из стилистических особенностей исследуемого памятника, связанных с требованием четырехсложной ритмической организации текста.

3. Наконец, имеется небольшая группа глаголов, при которых объект вообще невозможен.

Кроме того, некоторые глаголы, независимо от принадлежности к той или иной группе, иногда выступают вне связи с каким-либо конкретным объектом – в этом случае мы имеем дело с употреблением глагола в абсолютном значении самого действия.

¹ Принципы классификации и операции, выполненные для этого, описаны нами в статье: И.С.Гуревич. Опыт выделения классов слов в китайском языке III–V вв. с помощью синтаксического критерия (на материале сутры Бай кй цзин). – III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.123–128.

² О памятнике см. там же, с.123, 127.

³ Более подробно о каждой функции см. там же.

⁴ Имеется в виду беспредложное дополнение с любым значением, следующее непосредственно после глагола. Кроме беспредложного дополнения, при сказуемом может также быть дополнение с предлогом.

⁵ Распределение слов по трем конструкциям на основании наличия дополнения следует рассматривать как сугубо формальный момент, отражающий лишь фактическую ситуацию исследуемого памятника.

Поскольку количество словоупотреблений для большинства глаголов невелико, следует иметь в виду, что на том основании, что в исследуемом памятнике глагол отмечен только в конструкции Сд, еще нельзя категорически утверждать, что этот глагол не может быть употреблен в конструкции С. То же можно сказать и о других конструкциях.

НАРЕЧИЯ В СРЕДНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В среднекитайском языке существует целый ряд широко распространенных наречий, из которых одни вообще не сохранились в современном языке, у других ныне существенно изменился характер их употребления. Рассмотрению таких наречий¹ и посвящена данная статья².

Наречия занимают в предложении позицию между группой подлежащего и группой сказуемого; если подлежащее (группа подлежащего) отсутствует, наречие начинает предложение.

1. Наречие 可 кэ. Употребляется в вопросительных предложениях и подчеркивает вопрос, выраженный с помощью вопросительных слов: 可怎生恁般利害 Кэ цзэньшэн жэньбань лихай? 'Неужели же [он] так страшен?' Юань, 188; 你這幾年可在那裏過活 Ни чжэ цзи нянь кэ цзай нали гохо? 'Где же вы проводили свои дни все эти годы?' Юань, 347; 可如何 Кэ жухэ? 'Как же быть?' Юань, 164.

Наречие кэ используется в повелительном предложении (подлежащим может быть не только второе, но и первое лицо); повелительные модальные частицы при этом возможны, но не обязательны:³ 你可作詩一首 Ни кэ цзо ши и шоу 'Напиши-ка [мне] стихотворение' Цзин, 18; 你可與我覓隻船兒 Ни кэ юй во ми чжи чуаньэр 'Ты найди мне лодку' Шуй, 128; 你可梳一梳頭 Ни кэ шу и-шу тоу 'Ты причешишь-ка' Юань, 213; 你可慢慢的說者 Ни кэ маньманьды шо чжэ 'Ты говори не торопясь' Юань, 502; 我可看怀怀去咱 Во кэ кань найнай цзай цза 'Пойду-ка посмотрю на свекровь' Юань, 212.

2. Наречие 却 цзе. Морфема цзе синонимична морфеме кэ во многих значениях; в частности, как и кэ, цзе употребляется в вопросительных предложениях и подчеркивает вопрос, выраженный вопросительными словами: 你却如何將我到家中 Ни цзе жухэ цзян во дао цзя-чжун? 'Как же ты привел меня к [себе] домой?' Цзин, 7; 你丈夫却怎地不見 Ничзя чжанфу цзе цзэньди бу цзянь? 'Почему же не видно твоего мужа?' Шуй, 322; 咱却怎生 Цзань цзе цзэньшэн? 'А как же быть нам?' Си, 91.

3. Наречие 且 це. Как и в языке более раннего периода⁴, це очень часто встречается в повелительных предложениях. Повелительное предложение в этом случае обычно имеет характер

уговора, а не категорического приказа. Не так же часто используется и по отношению к первому лицу. Конечные модальные частицы не обязательны. Примеры: 且把一碗冷的來 Це ба и вань лэндэ лай 'Принеси-ка [мне] чашку холодного [вина]', Цзин, 40; 你且去請他出來 Ни це цюй цин та чулай 'Ты пойдй пригласи его сюда' Шуй, 332; 你且換衣服去 Ни це хуань ифу цюй 'Пойди-ка переоденься' Юань, 316; 且慢者 Це мань чжэ 'Погоди-ка' Юань, 222; 我且問你 Во це вань ни 'Я хочу спросить тебя' Шуй, 332; 我且回去咱 Во це хуйцой цза 'Пойду-ка я' Юань, 375.

4. Наречие 便 бянь. В рассматриваемых текстах наречие бянь, помимо других своих значений, может иметь значение "сразу", "сейчас же", "тут же". Оно употреблялось так и в языке более раннего периода⁵: 說得張勝便走 Сядэ Чжан Шэн бянь цзоу 'Испуганный Чжан Шэн сразу удалился' Цзин, 51; 我便回去也 Во бянь хуйцой е 'Мне [надо] сразу же воавращаться' Шуй, 201; 我便來也 Во бянь лай е 'Я сейчас приду' Си, 149.

Морфема бянь встречается также в сочетании с 可 ка (кэбянь особенно часто употребляется в юаньских пьесах). Одни авторы толкуют это сочетание как 本來 оэньлай, 原本 юаньбэнь,⁶ другие считают, что оно вообще не имеет никакого значения и используется между словами подобно некоторым другим морфемам, например, 波 оо.⁷ Похоже, однако, что в ряде случаев оно имеет те же значения, что и отдельно бянь; в частности, в примерах из "Шуй ху чжуань" сочетание кэбянь значит "сразу же", "сейчас же": 你可便報復他則個 Ни кэбянь бао ий та цзэгэ 'Сразу же сообщи ему [об этом]' Шуй, 537; 若果有此心可便收拾下行李 Жо го ю цы синь, кэбянь шоушися синли 'Если [вы] действительно так решили, сейчас же собирайте вещи' Шуй, 521; 這一半兒那裏每可便將來 Чжэ ибаньэр налимэй кэбянь цзян лай? 'Где [вы] взяли эту половину [рубашки]?' Юань, 341; ...何年可便甚日回 ...хэ нянь кэбянь шэнь жи хуй? 'В каком году и в какой день вернешься [ты]?' Юань, 213.

5. Наречие 則 цза. В ряде привлеченных текстов наряду с 只 чи в значении "только" очень часто используется наречие цза; оно имеет указанное значение и перед связкой 是 ши: 則見他上車轎 Цза цзянь та шан цзяо '[Мы] только видели, как она села в паланкин' Цзин, 14; 則要睡些兒 Цза яо шуй сеэр '[Я] хотел бы только поспать немного' Си, 166; 你則在這裏等着 Ни цза цзай чжэли дэнчжао 'Ты только подожди здесь' Си, 175; 不則是相公, 我也無事 Бу цза ши сянтун, во е у ци

‘Не только у хозяина, у меня тоже нет жены’ Юань, 182.

Наречие цзэ, как и чжи, может значить “вдруг”: 則聽得後面一人叫... Цзэ тиндэ хоумянь и жэнь цзяо... ‘[Он] вдруг услышал, как кто-то сзади крикнул...’ Цзин, 53; 我則見他頭似雪 Во цзэ цзянь та тоу сы сюе... ‘Вдруг я увидел, что голова у него [бела], как снег...’ Си, 17.

6. Наречие 兀自 уцзы. Современные наречия 還 хай “еще”, “все еще”, 尚 шан “еще”, 猶 ю “все еще” употребительны во всех привлеченных текстах. В аналогичном значении, кроме того, встречается наречие уцзы, не сохранившееся в современном языке.⁸ Вместо 兀 в этом сочетании используется также 古 (故, 骨) гу, вместо 自 一子. Наречию уцзы могут предшествовать 且 или шан. Примеры: 你兀自特謝 且 уцзы байсе ‘Ты еще благодарил [тогда]’ Цзин, 6; 兀自說言未 уцзы шо янь вэй ляо... ‘[Он] еще и не кончил говорить...’ Цзин, 39; 你兀自不知哩 且 уцзы бу чжи ли! ‘Ты еще не знаешь!’ Шуй, 262; 兀自這般倔強哩 уцзы чжэбань цзюэцян ли ‘[Ты] все еще так упрямисься’ Юань, 295; 你故自口強哩 且 гуцзы коуцян ли ‘Ты еще отпираешься’ Си, 151; 尚故自推哩 шан гуцзы туй ли ‘А [ты] еще отказываешься’ Си, 151.

7. Наречие 早 цао. Морфема цао, имеющая ряд значений, в привлеченных текстах наблюдается и как наречие в значении “уже”: 早走不重 цао цзоубудун ‘[Он] уже не мог идти [далее]’ Шуй, 766; 這賊早拿住了也 Чжэ цзэй цао начжуляо е ‘Разбойники уже схвачены’ Юань, 172; 早到他家門首 цао дао та цзя мэньшоу ‘[Я] уже и пришел к его дому’ Юань, 390.

Рассматриваемое значение морфемы цао может иметь и в сочетании со связкой 是 ши; сочетание цаоши, кроме того, встречается в значении, которое в современном языке имеют 好在 хао-цзай⁹ или 幸是 синши,¹⁰ – “к счастью”, “хорошо, что”: 早是離愁添繁繁 Цзаоши ли чоу тянь инци ‘Уже все сильнее тоска окутывает [меня]’ Юань, 374; 早是不殺了你 Цзаоши бу шалю ни! ‘Хорошо, что [он] не успел убить вас!’ Шуй, 736; 早是撞見個老兒 Цзаоши чжуанцзянь гэ лаоэр ‘К счастью, [мне] встретился старик’ Юань, 540.

Аналогично сочетанию цаоши употребляется сочетание 早則 цаоцзэ; оно также может иметь и значение “уже”, и значение “хорошо, что”: 早則是生計蕭蕭 Цзаоцзэ ши шэнцзи сяошу ‘Уже истощились средства существования’ Юань, 219; 早則這哥哥饒了我 Цзаоцзэ чжэ гэгэ жаоляо во ‘Хорошо, что ты, братец, простил мне [эти деньги]’ Юань, 417.

8. Наречие 是必 шиби. В привлеченных текстах часто встречается наречие шиби; оно имеет значение "обязательно", "непременно", перед отрицанием - "ни в коем случае": 兄弟是必作急快來 Сюнди шиби цзо цзикуай лай 'Непременно возвращайся как можно скорее, брат' Шуй, 760; 先生是必便來 Сяньшэн шиби бянъ лай 'Вы обязательно перебирайтесь сразу' Си, 23; 是必休忘舊 Шиби сю ван цзю! 'Пусть [он] ни в коем случае не забывает былое!' Си, 178.

9. Наречие 須 сий. Наречие сий имеет два значения; эти значения связаны между собой, но в переводе они различаются: 1) "должно", "следует", "нужно", 2) "конечно", "несомненно", "ведь". Примеры: 你須拜謝者 Ни сий байсе чжэ 'Ты должен поблагодарить [его]', Юань, 352; 須用船去 Сий юн чуань прой '[Тебе] нужно воспользоваться лодкой' Шуй, 128; 你須分兩個銀錢 Ни сий фэнь лянгэ куй во 'Два слитка ты должен уделить мне' Юань, 252; 你須也看見 Ни сий е каньцзянь 'Ты ведь тоже видел' Цзин, 14; 須喫拿了 Сий чи наляо '[Меня] конечно схватят' Шуй, 356; 這須不是耍處 Чжэ сий бу ши шуачу 'Это ведь не шутки' Юань, 167.

10. Наречия 險些 сяньсеэр и 爭些 чжэнсеэр. В значении современного 差点兒 чаидяр "чуть не", "едва не" в рассматриваемых текстах употребляются сяньсеэр (сянь, сяньсе) и чжэнсеэр (чжэнсе): 爭些兒跌倒 Чжэнсеэр дедао '[Старуха] чуть не свалилась [на пол]' Шуй, 295; 秀才則被險些兒熱殺我 Сючай, цзэ бэй ни сяньсеэр жэша во е! 'Сючай, из-за тебя я чуть не умер от жара!' Юань, 198; 險把咱家走乏 Сянь ба цзацзя цзоу фа 'Я едва не лишилась сил в пути' Юань, 369; 險些打着我 Сяньсе дачжао во '[Она] чуть и в меня не попала' Си, 192; 爭些勒殺了 Чжэнсе лэшало '[Ее] чуть не задушили' Юань, 8.

11. Наречия 多管 догуань, 多敢 догань, 多則 доцзэ, 多應 доин и 多是 доши. В рассматриваемых текстах встречается ряд слов с одинаковой первой морфемой - 多 до, имеющих в общем одинаковое значение. Это, в частности, догуань, догань, доцзэ, доин и доши. Их можно переводить как "вероятно", "может быть", "похоже, что", "скорее всего" и т.д.: 多管是和衣兒睡起 Догуань ши хэ иэр шуйци 'Похоже, что [он] заснул в одежде' Си, 101; 多敢殺壞了 Догань шахуайляо 'Похоже, что [его] умертвили' Юань, 450; 這裏多則是賣茅柴酒 Чжэли доцзэ ши май маочай цзю 'Похоже, что здесь продают тростниковое вино' Цзин, 40; 多

則是做媒的心虛 Доцзэ ши цзомай-ды синьский 'Видно, у свата на душе неспокойно' Юань, 162; 多應這廝走入村中樹林裏去了 Доин чжэ сы цзоужу цунь-чжун шулинь-ли цюйляо 'Скорее всего этот мерзавец ушел в лес' Шуй, 493; 多是只在神廚裏 Доши чжи цзай шэньчу-ли 'Скорее всего [он] находится в жертвенной кухне' Шуй, 493.

¹ Из-за ограниченного объема статьи будут рассмотрены, естественно, не все такие наречия; мы не касаемся здесь также тех наречий, которые затронуты в предыдущих наших работах [о наречии 自 цзы см. И.Т.Зограф "Среднекитайский язык (становление и тенденции развития)". М., 1979, с.80; о наречиях 別 бе и 更 гэн см. И.Т.Зограф. Бяньвань о воздаянии за милости (рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения). ч.2. Грамматический очерк и словарь. М., 1972, с.69-72].

² Статья строится на текстах: 東李通俗小說 Цзин бэнь тунсу сяошо, Шанхай, 1954, сокр. Цзин; 施耐庵水滸 Шуй ху [чжуань], Пекин, 1953, сокр. Шуй; 元人雜劇雙 Юань жэнь цзацзюй сюань, Пекин, 1959, сокр. Юань; 王實甫西廂記 Ван Ши-фу. Си сян цзи, Шанхай, 1954, сокр. Си.

³ Наречие кэ употреблялось в повелительном предложении и в языке Ш-У вв. (см. И.С.Гуревич, Очерк грамматики китайского языка Ш-У вв. М., 1974, с.135-136).

⁴ И.С.Гуревич, Ук. соч., с.137.

⁵ Там же, с.141-142.

⁶ 吳曉鈴等大戏剧家关汉卿, Пекин, 1958 (У Сяо-лин и др. Выдающиеся произведения крупнейшего драматурга Гуань Хань-цина), с.175.

⁷ 張相, 詩詞曲語箋釋, Пекин, 1954 (Чжан Сян. Комментированное собрание лексики из поэзии и драмы), с.666-667.

⁸ Там же, с.657.

⁹ У Сяо-лин, Ук. соч., с.248.

¹⁰ Чжан Сян, Ук. соч., с.263.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ МИНСКИХ ИЗДАНИЙ ЯНЬСКИХ ПЬЕС

Эпоха Янь (1280–1368) в истории литературы Китая известна как время расцвета драматургии. Самые ранние редакции яньских пьес, имевшиеся в распоряжении исследователей до начала нашего века, относились к эпохе Мин (1368–1644). Они представлены в сборнике 元曲選 Янь цюй сянь "Сборник яньских пьес", составленном Цзан Цзинь-шу (Цзан Моу-сюнем) в 1616 г. и включающем сто пьес цзацзюй¹.

Собственно яньские редакции пьес стали известны с 1914 г. когда в Японии был воспроизведен ксилограф "Тридцать цзацзюй, напечатанных при Янь". Он вышел под названием 古今雜劇 Гу-цзинь цзацзюй "Старинные и современные цзацзюй". Факсимильное издание этого ксилографа можно найти также в серии 古本戲曲叢刊 Губэнь сииш цункань "Собрание древних пьес". Четырнадцать из этих пьес включены Суй Шу-сэнем в сборник 元曲選 外編 Янь цюй сянь вайбянь "Дополнения к сборнику яньских пьес", выпущенный в 1959 г. В 1962 г. в Тайбэе вышло издание упомянутого ксилографа, подготовленное Чжэн Цянем 本校訂 元刊雜劇三十種 Цзяодин янь кань цзацзюй саньшичжун "Сверенное издание тридцати цзацзюй, напечатанных при Янь"². Работа Чжэн Цяня по уточнению текста ксилографа состояла прежде всего в заполнении лакун, исправлении явных ошибок, замене сокращенных написаний иероглифов стандартными, восстановлении правильных иероглифов, подменявшихся в тексте необычными и малоупотребительными омонимами и т.д.³

Таким образом, специалистам стали доступны редакции пьес, наиболее близкие ко времени их создания. Наряду с некоторыми другими открытиями XX в.⁴ публикация названного ксилографа позволила исследователям китайской драмы сделать ряд важных текстологических наблюдений.

Пьесы яньского сборника представляют редакции, существенно отличающиеся от минских. Они состоят преимущественно из стихотворного текста (арий) и обнаруживают некоторые структурные и композиционные отклонения. Но, как отмечает В.Ф.Сорокин, редакционные особенности минских изданий, относящихся к трехсотлетнему периоду после создания пьес, не затрагивают сами

сюжетные линии, характеристики персонажей и пр.; значительная часть поэтического текста также не претерпевает особых изменений. "В тех же довольно частых случаях, когда текст арий подвергался более существенным изменениям, они производились в пределах общего для драматургии той эпохи словаря, арсенала выразительных средств и привычной системы образов. Явные фактические или лексические анахронизмы очень редки"⁵.

К сходному результату приводят и наши наблюдения над системой грамматических средств, используемых в юаньских и сминьских редакциях пьес.

Бесыма показательно прежде всего сопоставление совпадающих отрывков текста нескольких произвольно выбранных пьес из изданий Чжэн Цяня и Цзан Цзинь-шу (по последнему указываются номера пьес). Сравнение используемых служебных слов показало следующие расхождения (их повторения в пределах одной и той же пьесы здесь не фиксируются).

№ 8

юань	мин				
с. I97 你	с. II8 你	202 也未	I31 一		
I97 這般	II9 這般	203 無	I31 沒		
I98 沒	I22 無	204 那裏	I33 那裏	每	
I98 和	I22 共	204 子	I34 只	休	
I98 得	I23 的	204 莫	I34 休	着	
200 你	I26 你	204 交	I34 子	則	
201 把	I27 將	204 我	I34 的	俺	
201 甚	I27 甚	205 俺	I36 俺		
201 也未	I27 也未	205 俺的	I37 俺		
202 俺	I28 我				
№ 22					
I30 物	369 把	I34 交	376 着		
I30 把	369 將	I35 俺	378 我		
I30 折末	369 遮	I35 咱	379 俺		
I30 甚	369 甚	I36 我	382 俺		
I32 那時節	373 那其間	I38 早	384 早		
I33 你	374 你	I38 子	384 原		
I33 怎	374 怎	I38 元	384 則		
I34 沒	375 無	I38 咱	384 咱		

№ 42							
IOI	交您	72I	教保沒	229	交	I372	教
IO2	您	72I		230	把	I374	將
IO2	無	72I		230	這是有	I374	這的是
IO2	拆末	722	一則的	23I	應管	I375	所有
IO3	只得	722	的	232	多	I378	多
IO4	子	723	只則	233	怎	I380	怎
IO4	子	724	的	234	根前	I382	跟
IO4	子	724	則	236	那個	I384	誰
IO6	怎時節	726	那時節	237	子	I387	只
IO6	地	726	的				
IO8	沒	728	不		№ 85		
IO9	您	730	您	I69	把	I477	將
IO9	早是	730	早則	I70	伊	I480	你
IO9	的	730	得	I70	他人	I48I	別人
IO9	無	730	沒	I72	子	I484	則
IO9	則	730	只	I72	我	I485	咱
				I74	我	I489	俺
№ 79				I74	得	I489	的
227	休	I368	者	I74	不要	I489	莫要
227	子	I369	則	I74	俺	I49I	我
228	得	I369	的	I74	甚	I49I	甚麼
228	俺	I369	我	I75	那的是	I49I	那裏是
228	沒	I370	無	I75	將	I495	把

Как легко можно заметить, расхождения заключаются либо в разнописях, либо в том, что вместо одного слова употребляется другое, синонимичное ему, причем очень существенно, что оба синонима в равной мере свойственны языку ваньского времени (такие расхождения, конечно, не носят регулярного характера, и обычно формы рассмотренных слов в обеих редакциях совпадают). Мы не находим здесь ни одного случая, когда служебное слово ваньской редакции было бы заменено в минской редакции более поздним его эквивалентом, отсутствующим в языке ваньского времени. Наиболее красноречиво о характере наблюдаемых расхождений говорят "встречные" пары типа 你 - 您 и 您 - 你; 我 - 俺 и 俺 - 我; 沒 - 無 и 無 - 沒, демонстрирующие свободу варьирования служебных слов в разных редакциях.

К тем же выводам приводит и общее сравнение систем служебных слов в обеих редакциях. Проведенный нами на предмет выявления служебных слов сплошной просмотр текста ваньской редакции дал в отношении их инвентаря и функций картину, по су-

ществу тождественную той, которую мы получили ранее на основе анализа текста минской редакции. Иначе говоря, каньская и минская редакции не обнаруживают принципиальных языковых отличий. Расхождения проявляются прежде всего в вариантных написаниях. Так, в каньской редакции показатель побудительной конструкции цзяо пишется обычно 交, а не 教; вопросительное местоимение шэмма, кроме 甚麼, пишется 甚末, реже 是末; вопросительный местопредикатив цзэмма, кроме 怎麼, пишется 子末 (子麼), а также 則末 (則麼); модальная частица ба пишется обычно 波, а не 罷; модальная частица ма, кроме 麼, пишется 末; слово 則 часто пишется как 子 и т.д.

В редких случаях меняется относительная частотность синонимичных грамматических показателей, инвентарь и функции которых, как только что отмечалось, в целом стабильны. Так, из показателей побудительной конструкции чаще встречается 交 цзяо, а не 着 чжао; из вопросительных местоимений со значением "что?", "какой?" чаще используется 甚 шэнь, а не 甚麼 шэмма. Такого рода частные расхождения вызваны скорее всего структурой каньской редакции, которая, как уже говорилось, состоит в основном из стихотворного текста (арий), тогда как в минской редакции, кроме арий, достаточно много места занимает прозаический текст (монологи, диалоги).

Знакомство с текстами двух редакций позволяет утверждать, что языковые различия между ними не существенны и мы вправе принимать минские издания каньских пьес как источник лингвистической информации, обладающий необходимой достоверностью. Предпочтение, обычно отдаваемое минским изданиям в лингвистических работах, является не только данью традиции, но и результатом сознательного выбора: как объект лингвистического анализа, сплошной стихотворный текст (арии каньских редакций) в силу своей специфической организации уступает свободному прозаическому тексту.

¹ Подробнее о сборниках пьес, составленных к середине ХУП в см.: В.Ф.Сорокин, Проблемы текстологии китайской драмы XIII-XIV вв. - НАА, 1971, № 6, с.77-78.

² С этим изданием мы недавно смогли ознакомиться благодаря любезности Б.Л.Рифтина.

³ Характеристику этого сборника см.: В.Ф.Сорокин, указ.соч. с.78-79.

⁴ См. там же, с.76.

⁵ В.Ф.Сорокин, Китайская классическая драма XIII-XIV вв., М., 1979, с.80.

Г.А.Зюграф

НОВОИНДОАРИЙСКАЯ СИСТЕМА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Опираясь на десятичную систему счисления, новоиндоарийская система числительных принципами строения сходна с большинством индоевропейских. В то же время ей присущи некоторые специфические структурные черты, общие для всех или для большинства языков рассматриваемой группы.

Числительные можно определить как "полузакрытый" класс определительных слов, определяемых семантически — указанием на конкретное количество исчисляемых лиц, существ, предметов или явлений или на порядок следования таковых в ряду им подобных. В основе своей — это описание наименований натуральных чисел, и как таковой он имеет фиксированную начальную точку отсчета, которой служит единица. От нее ряд числительных следует по лучу к бесконечности. Бесконечное множество мыслимых числительных выражается конечным и к тому же весьма небольшим числом первичных лексических элементов. Вся система числительных может быть передана списком таких элементов и указанием правил их сочетаемости. Этими правилами и определяется в весьма значительной мере типологическое своеобразие системы числительных того или иного языка.

Производный характер порядковых, собирательных, множительных и некоторых других специфических типов числительных, обычно немногочисленных и малоупотребительных, не требует пояснений. То же относится и к наименованиям дробей, регулярно образующимся (за исключением нескольких наиболее употребительных членов этого ряда, как правило, первых) через посредство порядковых числительных описательным способом, сходным с русской моделью "/одна/ n-ая /часть/", например: х. /ek/ dasvā /bhāg/ '"/одна/ десятая /часть/]', х. tīgā hissa '"/третья часть/', п. pañjvā hissa '"/пятая часть/', л. chevā '"/шестая/' и т.п.¹ В этой

функции часто употребляются порядковые числительные, заимствованные из санскрита, например: х. *do pañcamāśāś* 'две пятых части', *satvurthāśāś* 'четвертая часть', б. *chaḥ saptaḥ* 'шесть седьмых' и т.п. Для такого языка, как маратхи, этот способ выражения дробей оказывается основным. В новоиндоарийских языках восточной подгруппы наряду с ним распространена модель, использующая для выражения знаменателя дроби форму родительного падежа соответствующего числительного, стоящую в препозиции к числительному в прямом падеже, обозначающему числитель, т.е. исполняющую роль определения к нему, например: б. *tiner ek* 'одна третья' (букв. "трех одна"), *pañcer caḥ* 'четыре пятых' (букв. "пяти четыре") и т.п. Сходную модель с числительным-знаменателем в форме отложительного падежа использует сингальский, например: *hataren paṅguva* '[одна] четвертая часть', *hataren tunpaṅguva* 'три четвертых части' (букв. "от четырех три части"). Ни один из этих способов выражения дробей не представляет собой самостоятельной системы, а является производным от исходной (или заимствованной) системы числительных и может быть описан как одна из элементарных синтаксических конструкций регулярного образования.

Употребляемые наряду с этим простейшие наименования некоторых частей целого являются аналогично русским "треть", "четверть" существительными, но кроме того по своей синтаксической дистрибуции могут смыкаться с определениями — названиями мер и нумеративами (например, х. *deś kī ek tiḥāī* и *ek tiḥāī deś* 'треть страны', ср. *do ser dudh* 'два литра молока', *tin pua-le sāu* 'три чашки чая'). Образования такого типа в регулярную систему числительных не входят. Равным образом вне языковой системы числительных стоят слова, обозначающие "ноль", — они входят в класс существительных.

Практически, в любом из рассматриваемых языков система числительных опирается не более чем на полтора десятка исходных лексических элементов: названия первых десяти чисел и наименования для сотни, тысячи, ста тысяч и десяти миллионов. От этих лексем образуется все остальное множество числительных (если не считать астрономических цифр). Числительные, обозначающие десятки, являются производными словами, а сочетания десятков с единицами — сложными. Числительные свыше ста — составные.

Простые числительные от I до IO во всех новых индоарийских языках обнаруживают большое материальное сходство, неоспоримо

свидетельствующее об их едином происхождении.² Единственное значительное отклонение от общего типа дают цыганские диалекты, заимствовавшие ряд числительных (от 6 до 9). Фонетически несколько обособились сингальские простые числительные. В языках Северной Индии наиболее явно выделяются с.ба и г. be 'два' на фоне х., п. do, л. dū, м. don, н., ор., б., ас. dui и т.п. (ср., однако, повсеместно в сложных числительных bā-, ba-, bi-, b-, например: ас. bātrīś 32, п. batālī 42, х. biyāsī 82 и т.д.). К простым нужно отнести также 100 (х., п., р., с., л. sau, г. so, б. śa, śo /ʃo/, ас. śa /xɔ/, ор. śata, м. śambhar и мн. śē, синг. siya; 1000, повсеместно представленное заимствованиями, восходящими к персидскому hazār, реже к скр. sahasra; 100000 - обычно lākh, lakh и 10000000 - karor (kror), karod, kotī (последние два отражают специфику индийской системы счисления в высших разрядах).

Производные и сложные числительные большинства современных индоарийских языков представляют собой результат фонетического развития древнеиндийских числительных, и их первоначальная структура существенно затемнена, так как исходные элементы в различных сочетаниях приняли различный облик.

Этимология производных (наименования десятков от 20 до 90) настолько стерлась, что они обычно воспринимаются как простые слова. Таковы, например: х., р., парья bīs, пах. bīs, bīh, б. bīs, м. vīs, п., л., с. vīh, синг. vissa, цыг. biś 'двадцать' (<скр. vimśati; в ория и ассамском вытеснены специфическим обозначением "два десятка" - ор. kodie, ас. kuri, в тех или иных фонетических разновидностях употребительным наряду с bīs и т.п. и в других языках); х., н., м. tīs п. tih, с. tēha, л. trīh, парья tri, г. trīs, б., ас. trīś, ор. triśa 'тридцать' (<скр. trimśat; но цыг. trianda и triandeśa); х., п., л. assī, с., н. asī, б., ас. āsī, ор. āśi, г. ēśī, м. aiśī 'восемьдесят' (<скр. aśīti; но цыг. oxtodeśa и bibiśengiro śel) и т.д.

Сложные числительные образуются сочетанием компонента, обозначающего единицы (обычно следует первым), с компонентом, обозначающим десятки, по схеме n + m, где компонент n соотносится с числом единиц, а m - с числом полных десятков, например: х. saubīs 24 (4+20), с. chāhathā 66 (6+60) и т.п.

При этом в большинстве языков оба составляющих выступают в различных фонетических (и графических) модификациях в зависимости от конкретного сочетания. Ср., например, х. sātīs 37,

sattāvan 57, sarsath 67, sathattar 77, satāsī 87 и т.п. или х. biyālīs 42, tētālīs 43; х. sauvan 54, распан 55, chappan 56, sattāvan 57 и т.д. Наиболее стерты обычно компоненты числительных второго десятка, например: г. agiyār, п. yāgā, с. yārhl, х. gyārah, ас. eghara 'одиннадцать' (<скр. eka-daśa).

Для числительных, предшествующих полному десятку, т.е. тех, у которых число единиц равно девяти, первым компонентом служит элемент un/a/-, eku-, oga- 'без [одного]', вторым же — наименование не предыдущего, а очередного исчисляемого десятка, например, х. untīs 29 (-1 + 30). Для 89 и 99 возможны образования и по общей схеме, типа х. ninānve 99 (9+90). Наблюдаемые словообразовательные расхождения (ср. п. unānve, м. ekuṇnavvad и г. nevāsī для 89; х. ninānve и н. unānsay для 99 и т.д.) не выходят за рамки альтернатив, допускаемых древнеиндийской моделью.³

Ввиду того, что компактно сформулировать закономерности вышупомянутых модификаций компонентов сложных числительных ни для одного новоиндоарийского языка не удастся, числительные первой сотни в их описаниях принято задавать списком.⁴

Иную схему образования сложных числительных, где десятки предшествуют единицам, демонстрирует сингальский язык (например, vissa 20, visieka 21). Однако и здесь числительные второго десятка имеют альтернативные, а иногда и основные формы, следующие общей индоарийской модели; например, наряду с dahātuna 13 (dahaya 10 + tuna 3) употребляется teleśa 13; ср. также ekoḷaha 11, doḷaha 12. Предшествование десятков единицам, с которыми они связываются посредством союза или соединительного гласного, наблюдается и в цыганских диалектах, например: deśuśov 16 (10 + 6), biś te śov 26 (20 + 6) и т.д.

Любопытно, что в цыганском находит дальнейшее развитие идея обратного отсчета от круглых десятков. Здесь она распространяется на три последовательных числа, причем захватывает и первый десяток, например: bitrinengiro trindeśa 27 ("бес-трехине тридцать"), biduyengiro trindeśa 28, biyekheskiro trindeśa 29, аналогично этому bitrinengiro deś 7 и т.д. при параллельных biś te eḥta 27, eḥta 7 и т.д. Применима она и к наименованиям полных десятков (обратный отсчет от сотни; ср. упомянутое выше bibiśengiro śel 80 — "бездвадцатное сто").

Составные числительные везде образуются простым соположением перечисленных простых и сложных числительных с наименова-

ниями соответствующих разрядов, следующих в порядке от высших к низшим (кроры, лакхи, тысячи, сотни и ниже), например, м. *bāgā koṭ cautis lakh chappann hajār sātśē ekunnnavvad* 123 456 789 ("12 кроров, 34 лакха, 56 тысяч, 7 сотен, 89"). Четырехзначные числа, особенно в датах, часто передаются, не прибегая к понятию тысячи, отсчетом сотен, например, х. *athārah sau bārah* 1812 ("восемнадцать сотен двенадцать").

Однако, по-видимому, перечисленные способы образования числительных, являющиеся принадлежностью стандартных форм речи, покоятся на внешних для северноиндийского языкового ареала системах счисления. В диалектных подсистемах большинства новоиндоарийских языков функционирует вигезимальная система счета, отвечающая потребностям повседневных бытовых нужд неграмотного и малограмотного сельского населения. Счет до 200 обеспечивается здесь набором из II числительных, включающих первый десяток и 20. Обозначения чисел строятся по формулам: $n \times 20 \pm m$ или $\pm m + n \times 20$, где m и n — числа первого десятка. Например, в оходжпурси *tīni bīs ā pās* 65 ("три/хлн/ двадцать и пять"),⁵ в авадхи *dui bi:si: au sa:ri* 44 ("два/хлн/ двадцать и четыре"), *e:k klm bi:s* 19 ("на/ один меньше двадцати"),⁶ в разговорном панджаби *chēā ghaṭṭ chē vīhā* 114 ("шестью меньше шесть двадцаток"), *chēā utte chē vīhā* 126 ("шестью сверх шесть двадцаток"),⁷ в варии *don visa* 20 ("два/по/двадцать"),⁸ в парья *sare tinbisi* 70 ("три с половиной/раза по/двадцать")⁹ и т.п. Эта система находит широкое отражение в фольклоре, а также в речи необразованных персонажей в художественной литературе (например, в урду: *rachattar kise kahte hāi? — tīn bīsī aur pandrah...* Что значит семьдесят пять? — Три /раза по/двадцать и пятнадцать'. — М.Х.Русва), что подчеркивает ее простонародный характер. Вигезимальное счисление весьма распространено в неиндоарийских языках Южноазиатского ареала (тибето-бирманских, мунда, некоторых дравидских), что побуждает к поискам его корней в доарийском субстрате, однако при этом нельзя упускать из виду его использования в целом ряде иранских языков,¹⁰ свидетельствующего о возможности и иного его происхождения.

¹ Принятые сокращения наименований языков и групп диалектов: ас. — ассамский, б. — бенгальский, г. — гуджарати, л. — лахнда, м. — маратхи, н. — непальский, ор. — ория, п. — панджаби, пах. — пахари, р. — раджастхани, с. — синдхи, синг. —

сингальский, скр. - санскрит, х. - хинди, цыг. - цыганский.

² Сопоставление числительных от I до IO, а также 20, 50 и IOO по различным новоиндоарийским языкам и диалектам дается в Linguistic Survey of India (vol. I, pt ii, Comparative Vocabulary, Calcutta, 1928, p.3-27); ср. также R.L.Turner, A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages. London, 1966.

³ T.Burrow, The Sanskrit Language, London, 1965, p.260.

⁴ См.: А.П.Баранников, Хиндустани (урду и хинди), Л., 1934, с.48-52; ср.: З.М.Дымшиц, Язык урду, М., 1962, с.43.

⁵ U.N.Tiwari, The Origin and Development of Bhojpuri. Calcutta, 1960, p.118; ср. M.Jordan-Horstmann, Sadani, Wiesbaden, 1969, p.69.

⁶ B.Saksena, Evolution of Awadhi, Allahabad, 1937, p.152.

⁷ T.F.Cummings & T.G.Bailey, Panjabi Manual and Grammar. A Guide to the Colloquial Panjabi of the Northern Panjab. Calcutta, 1925 (Reprinted: Patiala, 1961), p.47.

⁸ A.M.Ghatage, A Survey of Marathi Dialects. VII - Wārli of Thana. Bombay, 1969, p.45.

⁹ И.М.Оранский, Фольклор и язык гиссарских парья, М., 1977, с.65.

¹⁰ Д.И.Эдельман, Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968, с.92-93.

К.Б.Кепинг

I ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Диагностическим признаком класса тангутских прилагательных является то обстоятельство, что они в функции определения к существительному как правило ставятся после этого существительного. Прилагательные - а они бывают односложные и двусложные (причем последних немного) - непосредственно без каких-либо служебных морфем сочетаются с определяемым-существительным, например, 花 紅 via¹ tə² "желтый цветок", 雪 白 phōn¹ "белый снег", 老 母 ma² na² "старая мать", 老 婆 phōn¹

- 71 -

Эта река сама по себе чиста, [но] кто же нынче замутил (букв.: сделал грязными) [ее воды]?

Формальным отличием глагола от прилагательного в тангутском языке мы считаем позицию в функции определения к существительному: прилагательное как правило стоит в этой функции после определяемого-существительного, тогда как глагол всегда стоит перед определяемым-существительным (ср. 批發 $z\dot{a}^1$ lho "рыночная площадь", где 批 $z\dot{a}^1$ - глагол "продавать").⁶

Однако в каких-то случаях прилагательное, выступая в функции сказуемого, получает после себя связку; чаще всего такой связкой является 變 we^2 "становиться", "делаться", но может быть 無 ngu^2 "быть", "являться" или ее антоним 有 $piam^2$ "не быть", "не являться", например:

(7) 髮 延 元 靜 靜 髮 ЛК III
liu² p^{ai}² khw² ph^{on}¹ tha² we²

Волосы [Су У] наполовину стали белыми.

(8) 菜 蔬 變 變 被 耐 蔬 ЛК IV
nam² ta¹ kwⁱ² we² zⁱ¹ tahⁱ² ngu²

Когда овощи вянут (букв.: становятся старыми), то [они] кислые (букв.: являются кислыми).

(9) 酒 味 酸 酸 終 酒 味 有 酸 I2 ц
o² kh^é¹ l^{ai}² nⁱ^{am}² ndⁱⁿ² o² thi² ku¹ nd^a² nd^{zai}²

Хотя вино и не горькое (букв.: горьким хотя и не является), но когда пьешь [его], то язык заплетается ("язык заплетается" - перевод предположительный).

Возможно, наличие связки после прилагательного имело подчеркивающее, выделительное значение (ср. примеры аналогичных случаев в китайском языке, приводимые А.А.Драгуновым⁷), а это значение для мертвого языка установить трудно.

Некоторые прилагательные иногда могут выступать в именных функциях, оформляясь соответствующими служебными морфемами, например, показателем множественности 數 $ngem^2$ (пример № IO) или послелогом 故 ngu^2 , указывающим на средство осуществления действия, выраженного глаголом-сказуемым (пример № II):

(IO) 姑 婆 數 姑 婆 數 姑 婆 數 ЛК VI
tsai¹ khwei² nge^m² ma² ngwo² ki¹ ndziwe ngu² zi² vi² lho

Поддерживая большую мать, все - маленькие и большие - выскочили на улицу.

(II) 我们终于消灭了敌人
 we¹ ngu² iə² iə¹ ku¹ ki¹ ndiə² ngo² ldiə² li³

ЛК III

Если мягким пытаешься покорить твердое, непременно победишь.

Формальным отличием прилагательных от имен является, во-первых, позиция в функции определения к существительному (имена всегда стоят перед определяемым-существительным) и, во-вторых, то обстоятельство, что имена в этой функции могут получать после себя послелог 不 *in*¹, тогда как прилагательные всегда непосредственно сочетаются с существительными.

Тангутские прилагательные могут выступать в конструкциях сравнения.⁸ Сравнительная степень выражается с помощью послелога 比 *su*², ставящегося после имени, обозначающего объект, с которым производится сравнение, само же прилагательное переводится на русский язык в сравнительной степени, например:

(4) 她比她姐姐还漂亮
 I2 ц
 na² su² kiwen¹ phi¹ su² ldiu² na² li³

Ты красивее <Сюй Цзюнь-пина>.

В этом предложении прилагательное 美 *ldiu*² "красивый" имеет после себя служебное слово, согласующее его с местоимением 你 *na*² "ты" (你 *na*² - 你 *na*²).

Превосходная степень передается с помощью служебного слова 最 *zi*² "самый" (иногда 最 *zhi*² *kha*¹ "самый из [всех]"), которое ставится перед прилагательным, например:

(I2) 他比谁都强
 C
 nga¹ ndziwo² kha¹ zi² ndziwo² riə² lhwu² ? ngwi²
 /У Ци/ одевался так же, как самые слабые из /его/ воинов.

Мы считаем 最 *zi*² "самый" не префиксом⁹, а служебным словом потому, что оно может быть отделено от прилагательного существительным, которое определяется этим прилагательным, например:

(I3) 这件衣服比那件好得多
 ЛК УП
 zi² iwo² nga² a¹ thiwe² mbu¹ ndzwi¹ wen nga² in¹ i³ khion¹

Так как сочинение Ци Я было самое хорошее (букв.: самое сочинение хорошее), правитель одарил его /куском/ шелка.

Тангутское односложное прилагательное может редуцироваться. Редуцированное прилагательное выступает обычно как определение к глаголу, что позволяет считать редупликацию прилагательных способом образования качественных наречий¹⁰, например:

(I4) 好好 好好 好好 好好 好好
ndi² pha¹ nga² nga² ki¹ tsi²

ЛК III

Гуны сильно испугались. (Прилагательное 好好 nga² "хороший").

(I5) 通通 通通 通通 通通 通通 通通 通通 通通 通通 通通
to² zi² nie² ldi² nd² nd² vi² thi² thi² nfu¹ tha² ?

/Воины/ все обрадовались, поспешно выпили /вино/, а выпив, отравились.

Такое наречие (редуплицированное прилагательное) может стоять и перед сказуемым, выраженным прилагательным, например:

(I6) 好好 好好 好好 好好 好好

ЛК VI

vi¹ ei¹ nga² nga² ldi² li²

/Вкус/ требухи очень сладок.

Руководствуясь вышеуказанным диагностическим признаком, к прилагательным в тангутском языке может отнести следующие группы слов: (там, где это возможно, т.е. где нам встретилось противопоставление в текстах, - мы приводим прилагательные-антонимы парами): цветообозначения - 白 rhôn¹ "белый", 黑 nia¹ "черный", 红 pin¹ "красный", 黄 to² "желтый", 蓝 ngw¹ "синий", "зеленый", "темный"; названия вкусовых ощущений - 甜 ldi² "сладкий", 咸 tshiwe² "соленый", 酸 tshi² "кислый", 苦 khé¹ "горький", 辣 za¹ "горький"; слова, указывающие на размер, высоту, объем и т.п. - 大 khwei¹ "большой" - 小 tsai¹ "маленький", 大 tha² "большой", "великий", 长 ndzi¹ "длинный" - 短 vie¹ "короткий", 宽 ? "широкий" - 窄 zu² "узкий", 宽 wa² "широкий", 高 mbin² "высокий" - 低 mbi² "низкий", 高 so² "высокий", 厚 ldi¹ "толстый", "густой" - 薄 mbi² "тонкий", "мелкий", 厚 tshi¹ "тонкий", 厚 ldi² "густой", 厚 tshwu¹ "толстый" - 薄 ngam² "худой", 深 na¹ "глубокий" - 浅 ? "мелкий", 重 ldi¹ "тяжелый" - 轻 in¹ "легкий",

近 nin¹ "близкий" - 远 khwa "далекий" и т.д.;

слова, указывающие на возраст - 老 na² "старый" - 小 th¹wei¹ "молодой", 老 kwi "старый", "ветхий" - 新 si¹ou¹ "новый", "свежий". Прилагательными являются такие слова, как 单 vio¹ "одинокый", 爱 wie¹ "любимый", 大 ngwo² "большой", 小 tse "презренный", 大 ka "одинаковый", 大 kin² "принципиальный". Даже такое слово, как 活 si²wu² "живой" (ср. 活 活 ngu¹ si²wu² живая корова) - это прилагательное, хотя обычно противопоставляемое ему в текстах слово 死 si² как будто бы гла-

гол "умирать", "быть мертвым".

¹ Материалом для данного сообщения послужили переводы на тангутский язык китайских светских (не буддийских) сочинений, хранящиеся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР (Ленинград). Примеры приводятся из следующих источников: 1) ЛК с указанием порядкового номера цзяни - "Лес категорий"; 2) I2 ц - "Двенадцать царств"; 3) С - Сунь цзы, трактат о военном искусстве; 4) Пословицы - текст опубликован в кн.: Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е.И.Кичанова. М., 1974.

² Аналогичная ситуация наблюдается и в других, типологически близких языках, например, бирманском, см.: И.М.Тагунова, Глаголы качества в функции определения к имени в бирманском языке. - Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1971, с.49.

³ М.В.Софронов однако считает, что односложное прилагательное всегда стоит после определяемого-существительного, тогда как двусложное - только перед ним (М.В.Софронов, Грамматика тангутского языка. М., 1968, т.I, с.225). К сожалению, он не приводит ни одного примера на двусложные прилагательные. Вероятно, его выводы связаны с ограниченностью использованного им тангутского материала.

⁴ Нисида Тацуо считает, что перед определяемым-существительным прилагательное стоит только в тех случаях, когда оно указывает на родовой класс существительного (西田龍女佳 西夏語の研究. 東京 1966, т.II, с.574).

⁵ В < > заключена приблизительная русская транскрипция китайского имени, прочитанного нами в тангутской транскрипции.

⁶ М.В.Софронов считает, что отличие прилагательного от глагола заключается в способности прилагательного сочетаться с морфемой 𐰚𐰢𐰏 *zi²* "самый", образующей превосходную степень (М.В.Софронов, Грамматика, ..., т.I, с.225).

⁷ А.А.Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л., 1952, с.167.

⁸ М.В.Софронов выделяет в тангутском языке только одну степень сравнения у прилагательных - превосходную.

⁹ М.В.Софронов считает морфему ḡi^2 префиксом (М.В.Софронов. Грамматика..., т. I, с. 236).

¹⁰ М.В.Софронов считает редупликацию прилагательных еще одним способом выражения превосходной степени прилагательных (там же, с. 230). Приводимые им примеры вырваны из контекста предложения. Мы намеренно привели примеры именно на те прилагательные, которые указаны М.В.Софроновым — ḡi^2 ngā^2 "хороший" и ḡi^2 nda^1 "быстрый", однако мы не уверены в том, что ḡi^2 nda^1 "быстрый" — это прилагательное.

В. А. Лившиц

Согдийцы в Семиречье: лингвистические
и эпиграфические свидетельства

Махмуд Кашгарский, собиравший в Семиречье в 60-х гг. XI в материалы для сравнительного словаря тюркских языков (Диван лугат ат-турк), был свидетелем одного из важнейших изменений этнической карты этой области: завершения процесса ассимиляции согдийцев тюрками (по словам В.В.Бартольда, "последняя стадия денационализации" согдийцев Семиречья). В словаре Махмуда Кашгарского содержатся данные, позволяющие составить четкое представление об основных признаках этого процесса: согдийско-тюркское двуязычие в некоторых районах Семиречья (в том числе в Баласагуне, Таразе, Исфиджабе, см. Диван..., I, 30); полная утрата согдийцами своего языка в других районах; преобразование фонетической системы ряда тюркских диалектов Семиречья под воздействием согдийской фонетики ("мягкость" в диалектах племен сутдак, кеджак и аргу — I, 29; изменения в фонетике тюркской речи всей области Аргу, от Исфиджаба (согд. *Spētč=ār, букв. 'Белая река', ср. арабское название Исфиджаба — Мадина́т ал-байда́ 'Белый город') до Баласагуна — I, 31; это явление можно, очевидно, объяснять не только как результат согдийского зубстрата, но и как следствие двуязычия тюркского населения городов Семиречья; утрата ряда характерных этно-культурных особенностей, присущих согдийцам, предшествовала, по-видимому,

их полной языковой ассимиляции (I,39I и сл. - согдийцы Баласагуна "приняли одежду и нравы тюрок").

Сведения письменных источников (в частности, данные раннесредневековой топонимии) указывают на существование в Семиречье многочисленных городских поселений, основанных согдийцами. Эти данные в настоящее время существенно дополняются археологическими материалами, которые характеризуют масштаб и этапы согдийской колонизации Семиречья (по А.Н.Бернштаму, две главные волны колонизации - III-V и VII-X вв.), роль согдийцев в городской жизни, ремесленном производстве, торговле и культуре. Можно полагать, что среди согдийцев Семиречья были не только горожане-ремесленники и торговцы, но и жители земледельческих сельских поселений (ср. положение в Восточном Туркестане).

Военно-политическое господство тюрок и характерная для турецкой государственной структуры удельно-лестничная организация власти должны были взаимодействовать на территории Семиречья с традициями политического и административного устройства согдийских городов (насколько мы знаем о них для Самаркандского и Бухарского Согда). Данные арабских и персидских источников здесь очень немногочисленны. Заслуживают внимания упоминания о том, что во главе поселений, в которых жили согдийцы, стояли представители турецкой знати (см., например, отмеченное еще В.В.Бартольдом сообщение Худуд ал-'алам, л.18-б, о семиреченском селении Бигилиг, согдийское название - Самакнā (?), которое могло выставить 3000 воинов, во главе с дикханом Йинал-бег-тегином). Аналогичные данные можно извлечь из древнетюркских манихейских текстов, происходящих из согдийско-тюркских поселений Восточного Туркестана (Турфан, VIII-X вв.); особенно важна в этом отношении эвлогия, написанная манихейским священником тюрком Агдуком по случаю воцарения в "стране Аргу-Талас" карлукского принца, покровительствовавшего манихеям в городах Семиречья. О тюрках - главах или покровителях согдийских городских общин упоминают согдийские надписи, обнаруженные в Семиречье.

Согдийско-тюркский культурный симбиоз, ярко проявившийся в великой эстафете согдийской письменности, наложил отпечаток на лексику как древнетюркского, так и согдийского языков. Речь идет о двусторонних заимствованиях из разных лексических слоев. Ср., например, помимо отмеченных в "Древнетюркском словаре" (Л., 1969): др.-тюрк. (по Махмуду Кашгарскому - в диалектах

аргу и ятма) *maḡaz* 'поденщик, батрак' из согд. *maḡāz*; др.-тюрк. (огузское, по Махмуду Кашгарскому) *ṣat* 'колодец' из согд. *ṣāt*; др.-тюрк. *boṛč* 'долг' из согд. *puṛč*; др.-тюрк. *qam* 'шаман' из согд. *kaw* 'жрец; великан'; др.-тюрк. *suṣač* 'зимние пирушки, которые устраивались в порядке очередности' из согд. **suṣič*, от *suṣa-* 'очищенный огнем; святой' (ср. для семантики тадж. *alou-xona*, букв. 'дом огня' - название мужских общинных домов); др.-тюрк. *amanč* 'знатный, уважаемый, благородный' из согд. **āmānč*, от *āmān* 'мощь, авторитет'; др.-тюрк. *qatır* 'мул' из согд. *xartar*; др.-тюрк. *miškič* 'дикий кот' из согд. *mīškič*; др.-тюрк. *qumlaq* 'эфедра, хвойник' (название растения) от согд. *xōm* 'хаома' (священное растение у зороастрийцев); др.-тюрк. *baqır* 'мера веса' из согд. *panxar*, и мн.др.; с другой стороны - согд. *βidiz* 'резьба, орнамент' из др.-тюрк. *bediz*; согд. *kar* 'форма, шаблон' из др.-тюрк. *ker*; согд. *āḡāβ* 'пламя' из тюрк. *alov* 'огонь, пламя', и др.

Многочисленные заимствования из согдийского в древнетюркской культовой лексике, связанной с тремя усвоенными через посредство согдийцев религиями - буддизмом, манихейством и несторианским христианством, точно свидетельствуют о времени и путях распространения этих религий в тюркской среде. Для Семиречья о наличии согдийцев-буддистов можно судить, в частности, по находке на территории буддийского храма в Ак-Бешиме булл с согдийской надписью (*prn* 'благодать'). Роль согдийцев в распространении христианства среди тюрков Семиречья отразилась в применении согдийского варианта сирийско-несторианского алфавита (эстрангело) для фиксации древнетюркских христианских текстов. Этот вариант письма мы находим не только в древнетюркских христианских фрагментах из Турфана, но также в большой, уйгурской по языку надписи на золотой печати знаменитого несторианского патриарха, тюрка Мар Яхбаллаха III (печать была ему пожалована в 1281 г. ильханом Абака-ханом) и, что особенно важно, в тюркских несторианских ("сиро-тюркских") эпитафиях из Семиречья, XIII-XVI вв. Во многих текстах этих эпитафий можно обнаружить и не распознанный до сих пор согдийский термин: *qwšt'na*, это слово следует только после женских имен собственных, оно соответствует тюркскому произношению *qoštānč*, из согд. **xuštānč* 'старшая; руководительница, настоятельница', по форме - жен. род к *xušte*, *xušt* 'старший; глава, мастер' (вариант *xušta* отражен в др.-тюрк. *qoštr*). Этот термин

должен был быть заимствован, очевидно, еще до XI в. и сохранялся в течение нескольких столетий у турков-несториан Семиречья.

Согдийское письмо и согдийский письменный язык до создания древнетюркских письменностей (уйгурской и рунической) были, несомненно, в официальном употреблении в тюркских государствах Семиречья. Об этом свидетельствуют надписи на тюркешских монетах, правильно определенные О.И.Смирновой как согдийские не только по письму, но и по языку. Аналогичным было положение в других ранних тюркских государствах: на берегах Орхона, в I каганате, в конце VI в. пышную эпитафию кагану составляли и писали на согдийском языке; в тюркских княжествах Тохаристана на подражания сасанидским драхмам наносили надчеканы, на которых согдийскими буквами переданы тюркские титулы (*y'y'n* 'каган', *tkyn* 'тегин' и др.). Применение согдийского языка и письменности было связано с двумя основными причинами: наличием согдийских поселений и международным престижем согдийского языка.

На тюркешских монетах VIII в. представлен "один из подготовительных этапов адаптации турками Семиречья согдийского письма" (А.И.Шербак). Следующий этап, казалось, должен был привести к быстрому вытеснению согдийской письменности (и письменного языка) древнетюркскими – уйгурской, прямо продолжающей согдийскую, и рунической, которая также была создана, по-видимому, на основе согдийской, но с сильной трансформацией знаков. Однако уйгурская и руническая письменности лишь сузили сферу применения согдийской; примечательно, что среди согдийских – по языку и письму – надписей из Семиречья, известных в настоящее время, есть и составленные турками.

Согдийский письменный язык не сдал своих позиций в Семиречье и в IX–X вв., когда в этой области стала распространяться арабская письменность. Наиболее поздние из известных в настоящее время согдийских надписей Семиречья относятся к началу XI в.; эти надписи – самые поздние из до сих пор обнаруженных датированных согдийских памятников.

Еще сравнительно недавно считалось, что в Семиречье известен лишь один фрагмент согдийской надписи на керамике (надпись на ручке глиняного сосуда с городища Красная речка, по палеографии – IX–нач. X в., сохранилось лишь одно слово). В настоящее время в нашем распоряжении имеется две группы надписей:

на керамике и на скалах. Эти надписи в равной мере важны для филолога и историка: в них содержится не известная ранее согдийская лексика; некоторые особенности языка надписей (в частности, применение указательного местоимения 'узу 'это(т)' и оптативной частицы /ʃr/ указывают на их диалектную специфику (сходные особенности можно отметить и в согдийских надписях из Монголии – Бугутской и Карабалгасунской); в семиреченских надписях обильно представлены древнетюркские имена собственные, нередко в сопровождении согдийских титулов; в этих надписях содержатся данные, позволяющие судить об исторической обстановке и конфессиональной среде, в которых эти памятники были созданы; в нескольких наскальных надписях сохранились даты.

Большинство надписей на керамике начертаны поздним согдийским курсивным письмом и могут быть датированы IX–X или даже началом XI в. К этому периоду относятся: а) Надпись на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная Речка.¹ Надпись занимающая всю окружность венчика, гласит: 'узу /wʏʃk uʒw/ʃtky mlp'ny ruδ'g /w /wāt'ry pstwn /w fr/wncy y't 'myn 'myn 'Этот хум (предназначен) для учителя /Ярук=тегина Мастер – Пастун. Пусть будет он (=хум) наполненным, аминь, аминь!'

Имя /Ярук=тегин известно в древнетюркской ономастике.² В надписи оно сопровождается сирийским титулом mlp'ana^h 'учитель, наставник' (mlp'ny – согд. форма косвенного падежа), впервые, насколько известно, засвидетельствованным в согдийском, но многократно представленным в "сиро=тюркских" эпитафиях из Семиречья. Этот титул, а также заключительное 'аминь, аминь' не оставляют сомнений в том, что знатный тюрк /Ярук=тегин был одним из руководителей христианской общины города Сарыга (согласно А.Н.Бернштаму, Сарыг соответствует городищу Красная Речка).

б) В мастерской гончара Пастуна был изготовлен еще один хум, обнаруженный в 1941 г. на том же городище, с более краткой надписью³: 'узу /wʏʃk /wāt'ry pstwn 'Мастер этого хума – Пастун'.

в) В археологическом кабинете Ташкентского Гос. Университета хранится фрагмент венчика хума, также найденный на Красной Речке; на фрагменте сохранились лишь начало и конец надписи⁴: 'узу /ʃtwn (или /ʃtwn) pr/ʃtkw/ /... да будет!'

г) О подарке жителей одного из согдийских поселений Семиречья своему сызерену, тюркскому владельцу, можно судить по большой двустрочной надписи на венчике хума, который был найден в 1941 г. на городище у с.Покровки, примерно в 10 км к западу от Красной Речки⁵:

(1) 'улу wra'k p'k'p's n'β'suh β'γnu 'улу mβw β't š't
znp wj'g jwβw β'γr wun'n (?)

(2) MN β'γ'γu rnpaury⁶ 'lp pylk' jwβw γур jw'cstw β'γr'k
'Этот сосуд – дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь, ... Государь Алп=Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!'

Селения или города Пакап (Рйк'р) в арабско-персидских источниках обнаружить не удалось, однако не вызывает сомнений, что это была одна из согдийских колоний в Чуйской долине (возможно, пригород Сарыга).

д) Краткая согдийская надпись на венчике хума обнаружена при раскопках городища Якалыг в Чуйской долине⁷: β'γrpn sps'y 'епископ Ширфарн'. Имя Širfarn – типично согдийское. Второе слово является обозначением духовного сана, известного по манихейским текстам из Турфана, но употреблявшегося, вероятно, и в согдийско=христианской терминологии.

е) С городища Тараз происходит краткая вертикальная надпись, вырезанная на стенке хума⁸: 'yl t'γ masyr 'пресвитер Иль=таг' – тюрк, который был христианским или манихейским пастырем.

ж) К IX или X в. можно отнести вертикальную надпись из 3 коротких строк, процарапанную на шиферной пластинке (найдена в 1938 г. при раскопках Тараза).⁹ По содержанию это – памятная долговая запись: (1) rty 'sty pr z'y twmkt (2) ctβ'r zy цуш'kw (3) β'γγ¹⁰ 'И имеется за округом ('землей') Тумкат четыре с половиной драхмы'. Заслуживает внимания топоним Twmkt (Tumkat) – название округа и, вероятно, города, которое напоминает Тункат (Tunkat) и Тук(к)ас (Tuk(k)a¹¹) арабско-персидских источников.

Особую группу составляют согдийские наскальные надписи в ущельях Терек=сай и Кулан=сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоо, к северу от современного г.Талас. Эти надписи известны науке уже с конца XIX в. Они начертаны вертикальным курсивным письмом и по палеографии близки к уйгурским памятникам; до недавнего времени они считались уйгурскими и по языку (такое определение было дано В.В.Радловым, который мог ознакомиться лишь с прорисовками нескольких строк).¹¹

Надписи принадлежат к числу "посетительских", они содержат перечни (иногда очень обширные) имен, в подавляющем большинстве древнетюркских. Это имена путников, поднимавшихся по караванным тропам через ущелья Терек=сай и Кулан=сай. Согдийские нарицательные существительные, союзы, глагольные формы, а также формулы датировки достаточно точно определяют язык этих надписей, как согдийский. Лишь очень краткие надписи, которые содержат только тюркские имена собственные, могут быть отнесены к числу уйгурских.

Несколько надписей имеют даты по эре Иездигерда III (этой эрой пользовались согдийцы=зороастрийцы, но также христиане и манихеи), они приходятся на период от начала X до конца первой четверти XI в.

Краткая надпись I=a в ущелье Терек=сай^{I2} - самая ранняя из датированных надписей этой группы, начертал ее тюрк:

(1) 'kwsrh 'ǰw 100 (2) 20+20+20+10+5 srǰ nyp'yusum

(3) 'уцу рст'у ǰwβw (4) kw1 tk'yn 'lp trǰ'n '275=й год хосрова (=Иездигерда III). Мы написали эту надпись - государь Кюль=тегин Алп=таркан'.

На большой скале в Терек=сае выбиты 7 согдийских вертикальных надписей и 3 рунических. Это самый большой по объему эпиграфический комплекс на всей территории Средней Азии. Наиболее поздняя, судя по ее положению на скале, надпись (II=ж) сохранила дату - первый месяц 371 г. эры "хосрова", что соответствует 1002 г. н.э. Другие согдийские надписи на этой скале относятся, вероятно, к X в. В сохранившихся частях надписей представлены перечни древнетюркских имен, мужских и женских, причем некоторые мужские имена сопровождаются титулом ǰwβw 'государь', а при женских регулярно выступает титул ǰ'twn 'хатун, госпожа'; в надписях упоминаются также имена дочерей (сочетание и.с. + согд. ǰwt' 'дочь'). В надписи II=г мы вновь встречаем указание на то, что согдийскую надпись написал тюрк: 'lp rwǰr' ǰwβw 'уцу нуруз 'Государь Алп=богра это написал'.

В ущелье Кулан=сай на гранитной скале выбиты 2 согдийские и 1 руническая надпись, в том числе большая согдийская из I8 вертикальных строк (надпись III=a). Она датирована 6=м месяцем 394 г. эры "хосрова", что соответствует августу-сентябрю 1025 г. Это - самый поздний из всех известных в настоящее время согдийских текстов, имеющих точные даты. В надписи приведен эквивалент даты по тюркскому 12=летнему циклу - 'год Мыши' (шwǰ srǰ). Среди древнетюркских имен, перечисленных в надписи, 9 мужских

и 9 женских. Особый интерес вызывает 'государь Иль=тиргюк Алп=бургучан Алп=таркан' ('yl tyrkwk 'lp arɣwɕ'n 'lp trɣ'n ɟwɟw), имя которого точно совпадает с именем чигильского правителя Аргу – Таласа в колофоне древнетюркского манихейского текста из Турфана.

В заключительной, 18-й строке надписи содержится тюркское имя ее составителя – Культак, с эпитетом 'благословенный' (kwyltk prnɟwnty). Возможно, что именно об этом лице писал в своем словаре Махмуд Кашгарский (I,394): "Qulbaq – имя тюркского отшельника, который постоянно жил в горах Баласагуна. Рассказывают, что он писал своей рукой на твердой черной скале: t̡ɒŋrɨ qulɟ Qulbaq ('раб божий Кулбак'), и надпись получалась белой. И писал он таким же образом на белой скале, и получалась черная надпись. Следы его остались до сих пор".

¹ Надпись ранее не публиковалась, хранится в Историческом музее г. Фрунзе. О находке ее упоминал А.Н.Бернштам (Уйгурская эпиграфика Семиречья. I, – ЭВ, I, 1947, с.34), он считал надпись уйгурской и датировал – по археологическим данным – IX–XI вв.

² Древнетюркский словарь, Л., 1969, с.244.

³ Подробное описание хума (хранится в Историческом музее г. Фрунзе) и прорисовку надписи см.: А.Н.Бернштам, ук.соч., с.34–37 и рис.2 (А.Н.Бернштам пытался читать надпись по-уйгурски). См. также фотографию надписи: Ч.Джумагулов, Эпиграфика Киргизии, I. Фрунзе, 1963, с.37–38, рис.20.

⁴ Фрагмент не публиковался.

⁵ Хум хранится в музее школы=интерната г. Фрунзе. Фотография надписи опубликована Ч.Джумагуловым (ук.соч., с.40, рис.22). Попытку чтения надписи как уйгурской предложил Э.Р.Тенишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии, – НАА, 1964, № I, с.146–147).

⁶ Чтение первых трех слов 2-й строки см.: О.И.Смирнова, Согд, – ПС, вып. 21 (84), Л., 1970, с.144.

⁷ Надпись не опубликована, хранится в музее г. Дямбула.

⁸ Не издана, находится в том же музее.

⁹ Фотографии надписи см.: А.Н.Бернштам, Новые эпиграфические находки из Семиречья, - ЭВ, II, 1948, с.III, рис.5.

10. Описка вместо *Стру*.

11 Об открытии и изучении этих надписей см.: ПТКЛА за второй год. Ташкент, 1897, с.13; В.А.Каллаур, Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду, - ПТКЛА за второй год, приложение к протоколу от 29.УШ 1897 г., с.4-6; ПТКЛА за второй год, протокол от 10.XI 1897 г., с.6; В.А.Каллаур, Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде, - ПТКЛА за третий год. Ташкент, 1898, с.123-124; П.П.Иванов, К вопросу о древностях в верховьях Таласа, - "С.Ф.Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности", Л., 1934, с.249-250; М.Е.Массон, Археология на службе социалистического строительства. Новые пути археологии Средней Азии, - "Червоний схід", Харьков, 1931, № 1-2 (16-17), с.207; его же, К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии, - "Материалы Узкөмөстарица", вып.6-7, М. -Л., 1936, с.11-12; Б.В.Дунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, с.142-147; Ч.Джумагулов, Эпиграфика Киргизии, I, с.7; С.Сыдыков, Древние надписи в ущельях Кулан-сай и Терек-сай, - "Материалы по общей тюркологии и дунгановедению". Фрунзе, 1964, с.102-106.

В 1973 и 1975 гг. автор этих строк исследовал надписи на месте, в ущельях Терек-сай и Кулан-сай. Подробные описания и чтения всех надписей, с переводами комментариями, будут даны в книге "Согдийская эпиграфика Семиречья".

¹² См. фотографии: Ч.Джумагулов, ук.соч., с.41, рис.24. Э.Р.Тенишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии, с.148-149) чи-

тает эту надпись по-уйгурски и переводит: 'Что за монахи, что за колокол! 1590-91 /год/, сподвижники, вероучители, мияне. Вода чуйских людей, выйдя из озера, извергается водопадом'. Все это очень странно.

Н.И. Носова

ГЛАГОЛЫ С ПЕРЕМЕННЫМ ОКРУЖЕНИЕМ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что важнейшей классификацией глаголов является распределение их по классам в зависимости от типа окружения — от числа и характера синтаксических единиц (актантов), которые должны употребляться при данном глаголе в полном, неэллиптическом предложении вне контекста. Иначе говоря, зная принадлежность глагола к такому рода валентностному классу, мы знаем, с каким числом актантов определенного вида этот глагол обязательно должен сочетаться, чтобы конструкция, ядром которой он выступает (в частном случае — предложение), была полной.

Некоторые глаголы могут иметь различные окружения, и это объясняется не их лексической многозначностью¹, а грамматической (синтаксической) "поливалентностью". Например, трудно утверждать, что значение русского глагола "ест" в предложении "Иван ест" (ответ на вопрос "Что делает Иван?") отличается от значения того же глагола в предложении "Иван ест кашу". В то же время оба предложения, по-видимому, являются полными (неэллиптическими). Отсюда следует, что глагол "ест" обладает переменным окружением, или, иначе, является одно-/двухактантным²: существуют две возможности придать ему полное окружение — употребить только один актанта (подлежащее) или же использовать два актанта (подлежащее и прямое дополнение). Важно, что в обоих случаях в окружение не входят синтаксически необязательные компоненты наподобие обстоя-

льств, т.е. окружение и в том, и в другом случае является "оптимальным"³.

Для бурманского языка переменное окружение глаголов очень типично. Здесь мы коснемся только некоторых подклассов глаголов с переменным окружением на материале глаголов движения⁴.

К глаголам движения с переменным окружением относятся, прежде всего, те из них, которые являются непереходно-переходными: последние обладают переменным окружением по определению, так как выделяются именно по своей способности образовывать как конструкции с прямым дополнением, так и без него.⁵ Когда речь идет о глаголах движения, то необходимо учитывать, что прямое дополнение выступает здесь в качестве 2-го актанта только в разговорном языке, а в "письменном" стиле эту позицию заполняет дополнение направления, оформленное формантом =тоу¹ "в". Примеры: ба⁴сака³ ла²эй²пй² "Автобус уже идет!" и ту²тоу¹чама¹схи²коу²ла²кхэ¹ику³ла²тэ² "Раньше они приходили ко мне", букв. "в мою близость" (в "письменном" языке тот же актант имел бы вид чама¹схи²тоу¹, т.е. был бы дополнением направления). В этих примерах глагол ла²"приходить" обладает переменным окружением: в первом предложении он выступает как ядро полного предложения с одним актантом (подлежащее ба⁴сака³ "автобус"), во втором — также как ядро полного предложения, но с двумя актантами (ту²тоу¹ "они" и чама¹схи²коу² "ко мне").

К этому же подклассу принадлежат глаголы тва³ "идти", лан³шау⁴ "гулять", пйэй³ "бежать", пйан² "лететь" и другие.

Еще раз подчеркнем, что мы относим к данному подклассу только те глаголы, которые в определенных условиях т р е б у ю т введения дополнительного (кроме I-го, т.е. подлежащего) актанта, а не д о п у с к а ю т употребление еще одной синтаксической единицы. Так, глагол хнга³ "давать (брать) в аренду, на прокат и т.п." не относится к этому подклассу, хотя кроме I-го и 2-го актантов он может включать — уже по семантическим, а не синтаксическим требованиям — и другие синтаксические единицы, например, ...са²чи¹тай⁴ти ...са²оу⁴мйа³коу²...эйи²тоу¹махнга³то¹на² "Библиотека больше не выдает книги на дом", где в качестве синтаксически факультативного члена выступает дополнение направления эйи²тоу¹ "на дом", букв. "в дом".

Другой любопытный подкласс глаголов с переменным окружением состоит (если учитывать только глаголы движения) лишь из двух глаголов: лай⁴ "следовать" и ку³ "пересекать"; "перемещаться".

Особенность этих глаголов состоит в том, что для полноты конструкции они требуют наличия двух актантов, но 2-й актант может быть как дополнением направления, так и прямым дополнением (которые в письменном языке, как упоминалось выше, различаются). Примеры: та³ ка¹ амэй² коу² лай⁴ нэй² ти² "Сни следует за матерью" (амэй² коу² "за матерью" - прямое дополнение); мин² байин² и амэй¹ айа¹ ама⁴ ка¹ байин² чи³ коу² нэй² пий² то² тоу¹ лай⁴ тва³ ти² "По приказу короля министр проследовал в столицу" ("в столицу" - дополнение направления). Возможно и совместное употребление обоих дополнений: мин² байин² и амэй¹ айа¹ ама⁴ ка¹ байин² чи³ коу² нэй² пий² то² тоу¹ лай⁴ тва³ ти² "По приказу короля министр проследовал за королем в столицу". Точно так же ведет себя глагол ку³ "пересекать", "перемещаться". Ср.: сн³ мэй¹ лан³ ку³ ту² пхан³ схи² айэй³ йу¹ "Задерживать и наказывать тех, кто переходит дорогу не по правилам!" и тапхэ⁴ кан³ тоу¹ ку³ ти² "Переправился на другой берег". В первом случае глагол ку³ имеет при себе неоформленное прямое дополнение лан³ "дорогу", во втором - дополнение направления на тоу¹ "на другой берег".

Таким образом, глаголы лай⁴ и ку³ также обладают переменным окружением, но другого типа, нежели ла², тва³ и др.: они всегда сохраняют число обязательных членов окружения, однако позицию 2-го актанта могут занимать разные синтаксические единицы; необходимо, чтобы она была занята, но заполнить эту позицию может либо дополнение направления, либо прямое дополнение (для лай⁴ предпочтительнее второе, для ку³ - первое из них). Заполнение третьей позиции факультативно, глаголы выступают как двухактантные.

В заключение следует заметить, что изучение обязательных валентностей глагола - лишь первый шаг. Далее необходимо исследовать не только минимально необходимое, но и максимальное окружение глаголов, где вариантность заполнения синтаксических позиций еще больше.

¹ А.А.Холодович предлагал в каждом случае, когда глагол способен иметь более чем одно (оптимальное) окружение, признавать столько омонимичных глаголов, сколько возможно окружений, оговариваясь, однако, что это делается "для простоты" (А.А.Холодович, Опыт теории подклассов слов, - ВЯ, 1960, № 4).

² Под актантами здесь понимаются синтаксические единицы, которые заполняют обязательные валентности глагола (см. В.Б.Ка-

севич, Элементы общей лингвистики, М., 1977, с.94).

3 Об оптимальном окружении см. А.А.Холодович, Указ.соч.

4 О выделении глаголов движения как особого семантического класса см. Н.И.Носова, О двух типах глаголов движения в бирманском языке, - III и ПИКНВ, XIII, М., 1978.

5 В.Б.Касевич, Выделение некоторых подклассов глаголов в бирманском языке, - "Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии", Л., 1969.

В.И.Рудой

К ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В АБХИДХАРМИКЕ (I)

Становление и развитие лингвофилософской рефлексии в Индии традиционно связывается с брахманическими системами умозрения - Мимансой и Грамматической школой (Vāyākaraṇa). Возникнув из интерпретации ведического ритуала, эти системы сделали язык (vāk) главным объектом исследования, что позволило им внести значительный вклад не только в общую лингвистику, но и в логику, семантику и поэтику..

Однако в истории индийской философской мысли существовали и другие, небрахманические школы и направления, также весьма плодотворно занимавшиеся разработкой различных теорий языка, но на иной, не монистической основе. В этой связи большой интерес для специалистов представляет фрагмент из второго раздела Абхидхармакошабхашьи Васубандху (4 в. н.э.), перевод которого я привожу ниже с незначительными сокращениями. Этот фрагмент построен в форме дискуссии между двумя главными школами раннего буддизма - Вайбхашикой и Саутрантикой, тяготеющей к определенному номинализму.

«"Собирание имен и т.д.² есть совокупность понятий, высказываний и звуков".

Имя (nāma) - это название (nāmadheya) [то, что закрепляет представление или понятие (samjñākaraṇa)], напр., [слова]: цвет, форма, звук и т.д.

Предложение (pada) - это высказывание (vākya), предполагающее полноту значения, напр.: "Все санскары непостоянны" и т.д. Благодаря ему приходят к пониманию различных отношений

[субъекта] к действию (kṛiṇā), качеству (guṇa) и времени (kāla)³.

Звуки (vyañjana) – это фонемы (akṣara, varṇa), напр.: а, ā и т.д.

– Не являются ли звуки (фонемы) просто названиями букв алфавита (lipyaṇaṇa)?

– Нет, звуки ведь не произносят для того, чтобы дать представление о буквах алфавита; напротив, буквы пишутся для того, чтобы обозначить [определенные] звуки. Иначе как их можно было бы понять из письменного текста (lekhyena), когда они не воспринимаются на слух? Поэтому звуки (фонемы) не являются названиями букв.

Собирание имен (слов), предложений и звуков есть совокупность фонем, понятий и проч. [Здесь корень] uc(a) трактуется в значении "собрание" (samavāya. см. Dhātupāṭha, IV, 114)⁴, отсюда форма samuktī (совокупность). Слово, имеющее значение "собрания", выступает в значении "совокупность". Таким образом, собрание имен (слов) – это, напр., цвет-форма, звук, запах, вкус, осязаемое и т.д. Собрание предложений (высказываний): "Все санскарты непостоянны, все дхармы безличны, Нирвана – это покой" и т.д. Собрание (слово)фонем – это, напр., ka, kha, ga, gha, ḍa и т.д.

– Разве все эти [слова, предложения и звуки] не материальны по своей внутренней сущности (gūṇasvabhāva)? Ведь поскольку они обладают природой речи (vākṣvabhāvatvāt), они представляют по сути только артикулируемые звуки (śabdātmaḥ). Зачем же называть их [дхармами], не связанными с сознанием (cittaviprayukta)?

– Нет, они не являются по своей природе речью. Речь есть [последовательность] артикулируемых звуков (ghoṣa), а одни звуки сами по себе не дают знания объектов.

– Что же в таком случае [дает это знание]?

– Звуки речи взаимодействуют с именем (vāññānni pravarttate), а имя (слово) дает знание объекта⁵.

– Речь – это не "просто звуки" (ghoṣamātra); речь – это те звуки, посредством которых обозначается (pratīyate) объект⁶.

– Посредством каких же звуков происходит обозначение объекта?

– Тех, относительно которых говорящие (vaktr) пришли к соглашению (kṛtāvadhi), что они будут обозначать определенные объекты⁷; так, напр., [еще в древности] договорились, что слово "корова" (gauḥ) имеет девять значений (смыслов):

"Знаний (medhāvī) должен рассматривать слово "корова" как [имеющее] девять значений: речь, пространство (dīg), земля, свет, алмаз, скот, глаз, небо и вода".

Тот, кто считает, что слово (nāma, имя) обозначает объект, тем самым должен с неизбежностью принимать это [условное соглашение] во всех случаях, когда наличествует знание объекта слова (pratītapadārthaka)⁸. Оно [условное соглашение] устанавливается благодаря [общему] знанию объекта слова [т.е. объекта-значения] поскольку само по себе [слово] является "только звуком" (śabdāmātrāt)⁹. Зачем же придумывать (kalpayitvā) другое значение для "слова" (nāma, имени)?

Кроме того, каким образом речь (звуки речи) "действует" на слово (katham vāññimī pravarttate): порождает (utpādayati) ли [она слово] или проявляет (prakāśayati)? Если порождает, то поскольку речь по своей природе есть [последовательность] артикулируемых звуков, все "просто звуки" будут порождать слова; какой бы ни предполагалась отличительная особенность звука (ghoṣaviśeṣa), будучи "породителем" слова (nāma utpādaka), он должен также обозначать и объект (arthasya dyotaka)¹⁰. Если же [речь] проявляет слово, то поскольку по своей природе она является звуком, все [что есть] "просто звук", будет проявлять слово; какой бы ни предполагалась отличительная особенность звука, будучи "проявителем" слова (prakāśaka), он должен также обозначать и объект.

[Абсурдно предполагать, что звуки речи порождают слово]: в действительности не существует набора (samagruha) звуков, смешивающихся друг с другом в единичном моменте (ksaṇaikamīlanam).¹¹ Кроме того, абсолютно единичная сущность [т.е. дхарма, каковой Вайбхашики считают имя, или слово] не возникает по частям¹²; каким же образом звуки речи, порождающие слово, могут ее породить?¹³

- А каким образом последний момент информативного акта (vijñapti), представляющего ряд последовательных состояний, порождает неинформативный акт (avijñapti)?¹⁴

- В таком случае, поскольку [вы полагаете, что] слово возникает благодаря последнему звуку, тот, кто услышит один только этот звук, постигнет и его объект, [что в действительности невозможно]. Если же допустить [чтобы избежать противоречия], что речь порождает (слово)фонемы, которые, в свою очередь, порождают

слово, то и в этом случае мы приходим к абсурду (prasaṅga) поскольку совокупность фонем, существующих в одну и ту же единицу времени, невозможна.

Точно также абсурдно полагать (eva sa prasaṅga), что речь проявляет слово¹⁵.

Кроме того, когда фонема отличается от [звуков] речи (vāgviśiṣṭa), мудрые (prājñā) напрягают свой разум: "как различить их признаки?" и не могут преуспеть в этом. Речь также не порождает фонемы и не проявляет их.

— Но слово может возникать вместе со своим значением (arthasāhaja), подобно [всеобщим свойствам] рождения (jāti) и т.д.¹⁶

— В таком случае слово, существующее в настоящий момент, не может обозначать свой прошлый или будущий объект. Это только родители могут придумывать своим детям те имена, которые они хотят, но разве такие имена рождаются одновременно с детьми? Кроме того, какое слово может возникать одновременно с причинно-необусловленными дхармами, [которые вообще не возникают и не исчезают]? Это как раз и непримемлемо (anistireva) [для Вайбхашиков].

— Однако Бхагаван сказал: "Стихи (gāthā) опираются на слова, а поэзия — на стихи...".

— Здесь "слова" — это звуки речи, относительно которых договорились, что они будут обозначать определенные объекты, а "стихи" — это особое расположение (rasanāviśeṣa) слов; [именно в этом смысле] они "опираются" на слова. Нелепо полагать, что особое расположение [слов] есть реальная сущность (dravya), подобная "цепочке [муравьев]" или "потoku психических состояний"¹⁷. Следует поэтому признать, что существуют только фонемы, как [дхармы], обладающие реальной сущностью. Их совокупности и будут собранием слов и т.д., так что бессмысленно (anāarthika) постулировать их субстанциальное бытие.

Вайбхашики же утверждают, что собрания слов, [предложений и звуков] существуют реально и входят в группу санскар, не связанных [с сознанием]. Поистине, не все дхармы могут быть объектом умозрения (tarkagamyā)!»

¹ Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu. Ed. by P. Pradhan, Tibetan Sanskrit Works Series. Vol. VIII. Patna, 1967. II, 47. с. 80–81. В последующих ссылках — АКВ.

² В карике: ādi, и т.д. Сокращение эксплицируется далее в тексте комментария.

3 "Например: Он варит, он читает, он идет; он черный, желтый, красный; он варит, он будет варить, он сварил ... Имя (слово) определяет внутреннюю сущность (sva-lakṣaṇa) объекта, а предложение – различные отношения, в которых он находится". *Sphuṭārtha Abhidharmaśāstravākyāḥ* by Yaśomitra. Ed. by U. Wogihara, Tokyo, 1932–1936, с.182. В последующих ссылках – Vyā.

4 При добавлении к корню суффикса *ktin* (введенное Панини обозначение *kt* – суффикса *ti*) получается форма *saṃukti*. См. Vyā., с.183.

5 *artham: tām vācam upādāya padārtham dyotayati*. Vyā., с.183.

6 Согласно Яшомитре, это точка зрения Саутрантики. См. Vyā. с.183.

7 *etena saṃketapekṣaḥ śabda' rtham pratyūcayati*. Vyā., с.183.

8 Термин *pratītapadārthaka* здесь можно интерпретировать как концепт денотата. Другое понимание этого термина см.; M. Biardeau, *Théorie de la Connaissance et Philosophie de la Parole dans le Brahmanisme Classique*. Paris, 1964, с.372–373.

9 Ср. перевод Л. де ла Валле Пуссена: "Если поэтому такой-то объект обозначается для слушателя таким-то словом, то это звук речи (*ghoṣa*), не более, который его обозначает". *L'Abhidharmaśāstra de Vasubandhu*. Traduit et annoté par L. de la Vallée Poussin. Chapitres 1–9. Paris, 1923–1931. Ch.I, p.240. В последующих ссылках – L'AK.

10 У Валле Пуссена: "Если вы отвечаете, что слово производится только звуком определенной природы – артикулируемым звуком, *vaṇnatma*, – мы говорим, что этот вид речевого звука, который способен производить слово, будет способен также обозначать и объект". L'AK., I, p.241.

11 "Когда слово состоит из разных звуков, то его возникновение рассматривается как зависимое от разных звуков. Из этого следует, что произнесенные в данный момент звуки [сразу же] исчезают, поэтому их одновременная сохраняемость (*avasthāna*) невозможна". Vyā., с.183.

12 "... как, например, мыслится (*kalpyate*) возникновение

Посуды, одежды и проч., существующих в относительном смысле (prajñapti - satah)". Vyā., с.183.

13 Подробную экспликацию см. у Яномитры. Vуа., с.184.

I⁴ 0 неинформативном акте (avijŋapti) см. АКВ, I, II;
IY.3.

15 "Совокупность звуков [существующих в один и тот же момент], немислима, и диарма как целостная [сущность-слово] не может проявляться по частям" и т.д. См. Vуā., с.184.

¹⁶ О всеобщих свойствах в буддийской философии см. АКВ, П.45.

¹⁷ Согласно Саутрантике, "цепочка муравьев" и "поток психических состояний" существуют лишь как "имя" (пāма), а не как реальность в себе (dravyatah).

А.С.Четверухин

ФУНКЦИЯ СТАРОЕГИПЕТСКИХ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ
В СОЧЕТАНИИ □ § □ 22 pw-p(w)-nn НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТОВ ПИРАМИД. § 167 а

Указанное сочетание никем до сих пор специально не рассматривалось, хотя, по нашему мнению, оно заслуживает отдельного исследования, поскольку перед нами очень редкая и непростая синтаксическая конструкция, от понимания которой зависит толкование и перевод египетского текста, не говоря уже о том, что она интересна сама по себе в сугубо теоретическом плане. Это тема нашей заметки.

нашей заметки.	Текст ^I	
W ²⁴⁰		
N ⁷¹⁰⁻³		
Nt ⁵³³		
W _d [?]		
J ²⁸⁶		

Условная транслитерация

W²⁴⁰ dd-mdw, (J.)tm(.j)^{*} z', .k pw p(w)^{**} nn Wsjrt^{***}
 dj.n.k^{***} sdb.f^cnh.f

N⁷¹⁰⁻³ dd-mdw (J.)tm(.j) z;³.k pw p(w) nn Wsjrt
 dj.n.k sdb.f ^cnh.f
 Nt⁵³³ dd-mdw (J.) tm(.j) z;³.k pw p(w) nn Wsjrt
 rdj.n.k sdb.f ^cnh.f

Wd?
 J²⁸⁶ /dd-mdw/ (J.)tm(.j) z;³ /k/

Краткий комментарий²

*(J.)tm(.j) - название божества "Атум" - активное имперфектное причастие (?) от глагола tm "быть полным, завершённым, совершенным", т.е. "Тот, кто постоянно совершенен" (= "Самый совершенный") см. А.Ерман, Н.Грапов, Wörterbuch der ägyptischen Sprache /=Wb/, Bd.5, Bln., 1955, S.303; Е.Едел, Altägyptische Grammatik /=E./, I, Roma, 1955, §629-630.

**w не выписан. В группе pw p(w) иероглиф, передающий "ваз" (он нами подчеркнут), одновременно относится как к первому указательному местоимению, так и ко второму, представленному формально как П. Это т.н. ханнографический прием, см. Е.И. 102. В иных случаях его можно наблюдать, например, в графике РТ 148 а, 149 а, 149 с. Типичным случаем староегипетской ханнографии - позже такая графика могла получить совсем иное содержание - является, на взгляд автора, написание устойчивого словосочетания как ср. Е.И. § 349, 351, 355, 356.

*** Читаем вслед за Э.Эделем - Е.И. § 113. Перед t точки не ставим, т.к. по грамматическому употреблению это слово мужского рода вследствие обозначения божества мужского пола.

**** Форма может быть понята как относительная, что подтверждается переводами, содержащимися в следующих исследованиях: L.Speleers, Les Textes des Pyramides Égyptiennes /=STPE/, t.I, Bruxelles, 1923, p.16; K.Sethe, Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten /=SÜKART/, Bd.I, Glückstadt-Hamburg, 1936, S.72; S.A.Merсер, The Pyramid Texts in Translation and Commentary /=MPTTC/, N.Y.-L.-Toronto, 1952, t.I, p.63; O.Firchow, Grundzüge der Stilistik in den altägyptischen Pyramidentexten /=FGSAPT/, Bln., 1953, S.199; A.Piankoff, The Pyramid of Unas /=PFU/, Princeton, 1968, p.64; R.O.Faulkner, The Ancient Egyptian Pyramid Texts /=FAEPT/, Oxford, 1969, p.56. Сами переводы см.

ниже. К.Зете, у.с., с.83-84, допускает и иные толкования этой формы. Мы считаем, что перед нами самый обычный sdm.n.f, против чего не возражает и Д.Я.Перепелкин. От конкретной трактовки именно этой формы общий смысл данного контекста почти не зависит.

См. выше. Глагол dj заменен на rdj. Смысл тот же. Чтение dj, rdj - E.I. passim - мы отклоняем как необоснованное.

К.Зете (у.с., с.82) и С.Мерсер (у.с., т.2, с.88) отмечают, что под словом "сын" подразумевается "потомок".

Переводы

STPE 16: "Dire: Atum Ton fils, c'est celui-là Osiris que tu as rétabli (?) pourqu'il vive.";

SÜKART.I.72: "Atum, jener dein Sohn ist das hier, Osiris, den du sich am Leben erhalten und leben liessdest, ...";

MPTTC.I.63: "To say: Atum, this thy son is this one here, Osiris, whom thou hast made to endure and to live.";

FGSAPT 199: "Atum, dein Sohn ist dieser Osiris, du gabst, dass er lebendig sei und lebe ...";

PFU 64: "To say: Atum, this thy son is here, Osiris, whom thou hast preserved alive - he lives ";

FAEPT 46: 'O Atum, this one here is your son Osiris whom you have caused to be restored that he may live".

К.Зете об этой конструкции

Анализ всех различий в толковании этого отрывка здесь неуместен. Что же касается интересующей нас конструкции, то, как явствует из переводов (эта конструкция везде нами подчеркнута), она понимается по-разному - следовательно, ее синтаксическая функция понята не до конца. К.Зете в у.с., с.82, основываясь на совокупности всех известных ему примеров, пишет, что сочетание pw nn ("краткий" вариант нашей конструкции) в Текстах пирамид может выступать в двух функциях: как определение ("тот, что там /здесь" = "jener da") - этот случай мы здесь не рассматриваем - и предикативно, если pw выступает как подлежащее, т.е. как "это есть" = "das ist", "c'est". Pw nn в последнем случае значит: "является тем, который/что здесь", "есть то, что здесь" = "ist das/der hier". P nn, pj nn - возможные графические варианты этого выражения, которое обозначает покойного царя, поскольку заклинание (данный контекст) произносится перед его гробницей или статуей. Относительно первого pw в нашей конструкции pw p(w) nn К.Зете полагает, что оно служит определением к сочетанию z',k "сын твой". Ср. также его высказывания в SÜKART. I.189 - Komm. zu PT 229 a-b; SÜKART.I.232 - Komm. zu PT 249 a: "tw nn, как и в PT 229 a ... = "ist das hier" = "то, что здесь" - указание на предмет, который говорящий держит в своих руках, либо имеет под руками", см. E.II. § 963.

Анализ конструкции

↗↗ "это" не может быть связано с $\frac{1}{2}$ "Осирис" генитивно, см. также Е.И. § 196-200. С предшествующим $\square\zeta$ оно может находиться в аппозитивных отношениях, если это $\square(\zeta)$ действительно как-то связано с ↗↗, в чем, вслед за К.Зете, сомневаться, кажется, не приходится. Тогда первое указательное местоимение может находиться с группой "твой сын" либо в атрибутивных отношениях (так полагает К.Зете), либо в предикативных. В свою очередь, слово "Осирис" может быть в аппозитивных отношениях либо с третьим по счету указательным местоимением, либо с группой "твой сын" через ее ядро "сын". И, наконец, следует уточнить, что такое ↗↗ - третье указательное местоимение. Производим отбор возможностей.

Исследуемая синтаксическая формула, уже в силу того, что она встречается в Текстах пирамид, производит впечатление весьма древней, но она встречается реже, чем ее "краткий" вариант. Исходя из диалектики "простое > сложное", мы признаем "краткий вариант" как исходный для рассматриваемой конструкции. Следовательно, одно из $\square\zeta$ является вторичным элементом (между прочим, он отсутствует в аналогичных по смыслу и по строению строках РТ 170 а Nt⁵³⁶; 171 а Nt⁵³⁸ и, что важнее, 176 а w²⁵⁰). Наконец, нераспространенное двучленное предложение с $\square\zeta$ является типичным, а РТ 423 е намекает на существование такого же типа предложений с ↗↗. Поскольку первое pw теоретически может находиться с предшествующим словом (или группой) не только в атрибутивных, но и в предикативных отношениях, а вся конструкция "Имя/местоимение+указательное местоимение pw + указательное местоимение nn" всегда теоретически может представлять собой обычное трехчленное именное предложение, где pw - формальный логический субъект³, при том, что аналогичной конструкции с $\square\zeta$ вместо ↗↗ пока не обнаружено - ввиду всех вышеперечисленных обстоятельств мы приходим к выводу, что второе $\square\zeta$, представшее перед нами в графическом облике $\square$, является функциональным усилителем ↗↗. В чем же заключается смысл данной эмфазы?

Как можно заключить из замечания К.Зете, $\square(\zeta)\zeta$ является словесным "эрзацем" предмета, указанием на то, что находится в непосредственной близости от говорящего, в данном случае на то, с чем отождествляется мертвый царь (мумия, саркофаг, статуя), причем указанием усиленным - в противном случае вряд ли бы прибегли к созданию цепочки из указательных местоимений. Даже если и со-

гласиться с тем, что ↗↗ в данном случае выступает вроде наречия "здесь", то в предикативной синтагме такое сочетание указательного местоимения с наречием не может иметь никакой иной функции, кроме функции "усиленного" члена предложения, т.е. ЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДИКАТА,⁴ ср. A.H.Gardiner, *Egyptian Grammar*, 2nd ed., L., 1950, § 130: "... указательное слово типа "это" гораздо чаще является логическим субъектом, чем логическим предикатом; мы более склонны говорить, что "это" является тем-то, чем что то-то является "этим".⁵ В данном случае перед нами как раз тот самый пример, который является редким для любого языка, т.е. "то-то является "этим", где "это" и есть логический предикат, представленный сочетанием двух указательных местоимений, причем именно ↗↗ является основным элементом, а □(S) — вспомогательным. И в этом нет ничего удивительного — ↗↗ в отличие от □S в целом ряде случаев может выступать самостоятельно, субстантивно, тогда как □S в этой функции пока не встречалось. Известно, что способность слова нести на себе самостоятельное ударение является непременной предпосылкой возможности функционирования в качестве логического предиката. Усложнение конструкции pw-nn в pw-pw-nn могло произойти за счет переосмысления синтаксической формулы трехчленного именного предложения "Имя/местоимение + $\text{pw} + \text{nn}$ " в двухчленную "Имя/местоимение + (pw-nn)" с последующим вторичным преобразованием в трехчленную при помощи вставки еще одного указательного местоимения, пример чему мы имеем в данном случае. Не исключено, что вспомогательный характер □(S) дополнительно объясняет отсутствие "вава", поскольку оба местоимения несомненно произносились слитно и этот "вав" мог быть элидирован. Что же касается ↗↗ , то мы не спорим, что в чем-то оно действительно приближается к наречию, в этом нет ничего теоретически невозможного, см. К.Е.Майтинская, *Местоимения в языках различных систем*, М., 1969, § 84–97, однако все случаи, которые автору пока известны в староегипетском языке, могут быть истолкованы и в пользу указательного местоимения. Наконец, нам представляется наиболее вероятным, что слово 𓆎 "Осирис" аппозитивно связано с группой "твой сын" через ядро "сын", ср. РТ 177 а, где указанная группа уже элидирована и на ее месте, слева от □S выступает рассматриваемое слово, которое и является ее заместителем.

Если все сказанное верно, то РТ 167 а следует переводить так: "Говорение слов: "Атум! Именно это сын твой Осирис! Дах ти, (,чтобы) он существовал (, чтобы) он жил!"

В соответствии со всем тем, что говорилось выше, рассматриваемое сочетание указательных местоимений, всегда являясь логическим предикатом, требует перевода: "Именно это" или, что на наш взгляд несколько хуже, "Вот это", а все предложение получает характер восклицательного.

¹ K.Sethe, Die altaegyptischen Pyramidentexte..., Bd.I, Lpz., 1908, S.93; A.Plankoff, The Pyramid of Unas, Princeton, 1968, Pl.46; G.Jéquier, Le monument funéraire de Pepi II, Le Caire, 1936, pl.VIII: 709+68; id., Les pyramides des reines Neit et Apout, Le Caire, 1933, suo loco; id., La pyramide d'Oudjebten, Le Caire, 1928; id., La pyramide d'Aba, Le Caire, 1935, pl.VII.

² Более полный комментарий в нашей рукописи "Именное предложение в староегипетском языке", а также в работах К.Зете, у.с., т.1, с.78-84 и С.Мерсера, у.с., т.2, с.88.

³ См. работы данного автора: "Происхождение египетского именного предложения модели "Имя+указательное местоимение" (III и ПИКНВ XIII, М., 1977, с.175-179) и "О главных членах староегипетского именного предложения" (III и ПИКНВ XIV, ч.II, М., 1979, с.259-265). Ср. также РТ 423 е, 741 е, 1620 а, 1810 а, 229 а, 249 а, 65 б.

⁴ Конечно, если подобные комбинации указательных местоимений или указательных местоимений с наречиями не являются обычным фактом и языке. Что же касается египетского, то здесь такое сочетание встречается весьма редко.

⁵ "...a demonstrative word like "this" is far more often logical subject than logical predicate; we are more prone to say that "this" is so-and-so than that so-and-so is "this" - в английском именном предложении логическое сказуемое стоит на втором месте, см. А.Л.Пумпянский, Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974, с.102, АЛФ П.

К.Л.Чижикова

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ПО БЕНТАЛЬСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

1. АЛЕКСЕЕВА Е.А. Учебник бентальского языка. Часть I-2. МГУ, 1976-1977.

Часть I. Введение, вводный фонетический курс и уроки основного курса с I по 7, 1976. 270 с.

Часть 2. Уроки с 8 по 16, 1977. 272 с.

2. БЫКОВА Е.М. Бенгальский язык как объект высокой степени сложности. - Тезисы докладов I Межд. симпозиума ученых соц. стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Часть I, 1977, с.38-40.

3. БЫКОВА Е.М. Каузативные формы глагола, их категориальное значение. - Индийское языкознание, с.52-57.

4. КАМИЛОВ З.С. Семантико-синтаксические эквиваленты условного деепричастия на -ile(-le) бенгальского языка в хинди. - Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников, 1978, т.Ш, часть I, с.66-67.

5. КАМИЛОВ З.С. Синтаксические функции деепричастия на -iya (-e) в бенгали и деепричастия на -kaṅ, -ke, -kaṅke в хинди. - Индийское языкознание, с.94-103.

6. КАРПУШКИН Б.М. Неличные глаголы бенгали, ория и ассамского в функции детерминанта. - Индийское языкознание, с.109-120.

7. КАРПУШКИН Б.М., МУКЕРДЖИ Пуроби. Личные формы глагола бенгали в функции определения. - Индийское языкознание, с.104-108.

8. КРЮЧКОВА Е.Р. История бенгальского глагола. М., 1979, 14 с.

Автореферат диссертации ... канд.филологич.наук.

9. КРЮЧКОВА Е.Р. Промежуток времени глагола и следы эргативной конструкции в среднебенгальском языке. - Сб.: Лингвистические исследования 1976. М., Ин-т языкозн., 1976, с.95-103.

10. МУКЕРДЖИ /МУКОПАДХАЙ/ Пуроби. Сопоставительное описание суффиксальных имен прилагательных в русском и бенгальском языках. М., 1973, 22 с.

Автореферат диссертации ... канд.филологич.наук.

11. ЧЕВКИНА Л.М. Дистрибутивные особенности детерминатива -ṭa в современном бенгали. - Индийское языкознание, с.189-193.

12. ЯРЦЕВА Е.Р. Конструкции с причастиями прошедшего времени переходных глаголов в древнебенгальском языке. - Сб.: Лингвистические исследования 1975. Вопросы строя индоевропейских языков. М., 1975. Часть I, с.390-395.

13. AWWAL M.A. Classification of Bengali conjunctions. - IJL, 1974, vol.I, №1, p.43-56.

14. BASU Dwijendra Nath. Functional analysis of Old Bengali structures (1st edn.). Calcutta, Basudha Publishers, 1976. 112p.

15. BASU D.N. Indian Linguistic Researches: A Pentatalogue.

Calcutta, Basudha Publishers, 1976. 168 p.

16. BASU D.N. The Modern Principles and History of Bengali language. Pt. I. Calcutta, Sri H.L.Saha, 1975. 236 p.

17. BRETON Roland. Atlas Geographique des langues et des ethnies De L'inde et du Subcontinent: Bangladesh, Pakistan, Sri Lanka, Nepal, Bhoutan, Sikkim. Quebec. Less Press De L'universite' Laval, 1976. 648 p.

18. CANDRANATH. Anglo-Bengali dictionary. Calcutta, Candrica Press, 1850. 90 p.

19. CHATTERJEE Enakshi. East Pakistani writing. - Indian writing today, 5, 1971, N°1, p.6-9.

20. CHATTERJI S.K. The Origin and Development of the Bengali language. With a Foreword by Sir George Abraham Grierson. Pt. III. Supplementary: Additions and corrections etc. Bengali Index (1971). London, George Allen and Unwin, 1972. 121 p.

21. DASGUPTA Probal. The Internal grammar of Compound verbs in Bangla. - IL, 1977, vol. 38, N°2, p.68-85.

22. DASGUPTA Probal. Two problems in Western Bangla generative phonology. - IJL, 1974, vol.I, N°1, p.37-42.

23. DASGUPTA Syamal. Grundzüge einer Laut - und Schriftlehre des Bengalischen. Heidelberg, Julius Groos Verlag, 1971. 104 p.

Рец.: Sen-Gupta S. - IJL, 1974, vol.I, N°1, p.83-88.

24. DIEHL Katharine Smith. Bengali types and their founders. - JAS, 1968, vol. XXVII, N°2, p.335-338.

25. HAI M.A. The development of Bengali since the establishment of Pakistan. - Can language be planned? Sociolinguistic theory and practice for developing nations. Honolulu, 1971, p.189-192.

26. INDEN R.B., NICHOLAS R.W. Kinship in Bengali culture. Chicago, London, Univ. of Chicago press, 1977. XVII, 139 p.

Терминология родства в бенгальском языке с.67-93.

27. KLATMAN M.N. Bengali Syntax: possible Dravidian Influences. - IJL, 1977, vol.VI, N°2, p.303-317.

28. MALLIK Bhakti P. The underworld argot West Bengal and the Bhojpuri and Mayahi areas of Bihar. - IJL, 1974, vol.I, N°1, p.57-77.

29. MAHATO Pashu Pati. A linguistic study of English loanwords in Rabindra literature. Calcutta, 1974, 414 p. with some charts and diagrams.

30. PAL A.K. Aspect in Bengali verbal compounds. - JAS, 1972 (1970), vol. XII, №1-4, p.110-114.

31. RAJ Dev. The Comparative Frequency of Indo-Aryan Sounds (as initial). - The Research Bull. (Arts) of the Panjab, 1956, S.№XVIII, Indo-Aryan Phonology, (II) 1956. 52 p.

О бенгальском языке с.9-12, 33-36.

32. SEN-GUPTA Sunil. "Action-art" and aspect in Bengali combined - verbs. - IJL, 1974, vol.I, №1, p.17-36.

33. WAGNER R. Bengalische Texte in Urschrift und Umschrift. (Mit Glossar). Berlin und Leipzig, 1930. 132 s. (Lehrbücher des Siminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, 33).

34. GHOSH Horināth. Mānabhūma jelār grāmya bhāṣā. - SPP, 1321 B.S. [1914 A.D.], bhāg 21, №1, p.63-68.

35. BHATTĀCĀRJA Tārāprasanna. Neha o leha śabder utpatti. - SPP, 1322 B.S. [1915 A.D.], bhāg 22, №4, p.287-291.

36. SAHĪDULLĀH Muhammad. Bāṅgālā śabdakoṣ sambandhe ālocanā. - SPP, 1325 B.S. [1918 A.D.], bhāg 25, №1, p.1-11.

Принятые сокращения

Индийское языкознание	- Сб. "Индийское языкознание". М., 1968.
IJDL	- "International journal of Dravidian linguistics". Trivandrum, Kerala.
IJL	- "Indian Journal of Linguistics". Calcutta.
IL	- "Indian Linguistics". Journal of the Linguistic Society of India. Poona.
Indian writing today	- "Indian writing today". Bombay, Centre for Indian writers.
JAS	- "Journal of the Asiatic Society". Calcutta.
SPP	- "Sāhitya-parīṣat-patrikā". Kalikātā.

З.А.Юсупова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

В южном наречии курдского языка энклитические местоимения совмещают в себе синтаксические функции (членов предложения)¹ с функциями морфологическими, выступая в предложении в качестве:

1) отделяемых личных показателей переходных глаголов в прошедшем времени; 2) предикативной связки 3 л.ед.ч.

I. В функции личных глагольных показателей энклитические местоимения занимают в предложении, в зависимости от его состава, различные позиции, образуя ряд конструкций, детальный анализ которых необходим для более глубокого понимания не только глагольной системы курдского языка, но и современного состояния строя предложения в целом.

Конструкция I. — Содержит субъект действия, прямой объект, как основной компонент данной конструкции, и глагол. Субъект действия может быть опущен.

Модель I. Прямой объект выражен именем (местоимением): min hergez masim nexwarduwe 'я никогда не ел рыбы'; jineke emey wut u danîqt 'женщина сказала это и села'.

При наличии определения к прямому объекту субъектный показатель перемещается к определению (если их несколько, то к последнему): Fojêk hemû estêrejmeîrî memleketî ko kirdewe 'однажды он создал всех звездочетов страны'; pîremêrdeke ewesta u henaseyekî quîfî dirêjî helekêşa 'старик останавливался и издавал долгий глубокий вздох'.

Модель 2. Прямой объект выражен глагольным окончанием, по отношению к которому субъектный показатель, в зависимости от структурного типа глагола, занимает следующие позиции:

1) При простом глаголе: а) следует за прямым объектом — aweke birdinî 'вода унесла нас'; bawkim nardûmî 'отец послал меня'; при глаголе в отрицательной форме субъектный показатель переходит к отрицанию — bawkit le katî xoyda neynardî 'твой отец послал тебя не во-время'; б) предшествует прямому объекту (редко): ême girtmanin 'мы схватили их'; min damte destî xwa 'я поручил тебя богу'.

2) При сложноприставочном или сложноименном глаголе субъектный показатель примыкает соответственно к приставке или именной части глагола: ewe lewla deryan kirdûm 'вот они прогнали меня оттуда'; be cêman hêstibûn 'мы оставили их на месте'.

Конструкция 2. Содержит субъект действия, прямой объект и косвенный объект, выраженный именем или глагольным окончанием.

Модель I. Косвенный объект, выраженный именем (местоимением), следует за прямым объектом, к которому присоединяется субъектный показатель: min tom be biray xom zanîwe '[ведь] я считала тебя своим братом'; gay padişa pareyekî zorî bo xawenî birdewe 'был

падишаха выиграл много денег для своего хозяина'.

Показателен тот факт, что при наличии к прямому объекту определения, выраженного энклитическим местоимением, субъектный показатель перемещается к глаголу: *jineke em řădaweyan bo dauî-kyan gêṭayewe* 'женщина рассказала их историю их матери'.

Модель 2. Косвенный объект выражен глагольным окончанием, управляемым направительным предлогом *bo* или *re* *pê*. Субъектный показатель занимает две позиции: а) примыкает к прямому объекту: *jineke girtimolkeyekf bo firê dam* 'женщина бросила мне какой-то узелок'; *min samanêkf zorim bo ko kirdyutewe* 'я соорудил для тебя большое состояние'; б) примыкает к предлогу: *minîş ew bergem her mawe, ke to le şarf şinom bot hênabûm* 'у меня еще сохранилась та одежда, которую ты прислал мне из Шно'.

Модель 3. Как прямой, так и косвенный объект выражены глагольным окончанием. Субъектный показатель примыкает к предлогу: *xwa boy nardimî* 'ЭТО бог послал тебя мне'; *xwa lêy sendimin* 'бог отнял у меня их'.

В конструкции 2 субъект действия также может быть опущен: *tenya dfarîm honrawêke bom hênawî, lêm wergire* 'единственный дар мой ЭТО стихи, [которые] я принес тебе, возьми их у меня'; *demêke hîç deng u basêkit bo negêṭawimetewe* 'давно уже ты не рассказывала мне новости'; *lêyan sendimî* 'они отняли тебя у меня'.

Конструкция 3. Содержит субъект действия и косвенный объект. Субъект действия может быть опущен.

Модель 1. Косвенный объект выражен именем (местоимением), к которому присоединяется субъектный показатель: *lew malêm dizî* '[я] украл в том доме'; *be ruawekeyum řageyand ke îtir payê* '[я] дал понять его человеку, что больше не приду'.

Модель 2. Косвенный объект выражен глагольным окончанием и управляется предлогом *bo* или *pê*. Субъектный показатель занимает две позиции:

1) При простом глаголе присоединяется к предлогу: *ruawêk boy gêṭawewe* 'один человек рассказал мне...'; *min pê m newutî cutecut dayane* '[разве] я не сказал тебе, клади их попарно'.

2) При сложноименном или сложноприставочном глаголе предлог отсутствует. Субъектный показатель примыкает соответственно к именной или приставочной части глагола: *seyrêkf kirdim u wutî* 'он глянул на меня и сказал...'; *kuṭeke lêy pirsîm* 'юноша спросил у меня...'. Зафиксирован пример, в котором при сложноименном

глаголе косвенный объект управляется предлогом *le geī* 'с', а субъектный показатель тем не менее стоит при именной части глагола: *caran, ke ehatfewe mā yarft le geī ekirdim* 'прежде, когда ты возвращался домой, /ты/ играл со мной'.

Конструкция 4. Отсутствуют как прямой, так и косвенный объект (эта конструкция встречается преимущественно в составе сложных предложений). Субъект действия лексически может быть не выражен.

Модель 1. Субъектный показатель стоит при глаголе: *eğer zanft ezin, netzanī dizim* (посл.) 'если узнал, то это я, если не узнал, то вор'; *padişa wutī* 'падишах сказал...'.
Модель 2. Субъектный показатель присоединяется к наречию: *ruawe zorī wut, jine kemī bīst* 'муж много говорил, жена мало слушала'; *ewendem qise kird gwēçenem dēşē* '/я/ столько говорил, что у меня болит челюсть'.

Говоря о функциях энклитических местоимений в качестве личных глагольных показателей, следует иметь в виду, что энклитика 3 л.мн.ч. (при употреблении с переходными глаголами в прошедшем времени) нередко образует конструкцию с неопределенно-личным значением – факт, не отмеченный в грамматической литературе: *le bazaī parekeyan lē dizī* 'на базаре у него украли деньги'; *carēkf le melayan pīrsī* 'однажды муллу спросили'. Ср.: с конструкцией, образованной непереходным глаголом, где аналогичную функцию выполняет личное глагольное окончание 3 л.мн.ч.: *le zistan carēk eīlān warde* (посл.) 'зимой один раз говорят "холодно"'.
Таковы основные конструкции с переходным глаголом в прошедшем времени. Показателями действующего лица (подлежащего) в них выступают грамматикализованные личные энклитические местоимения, при отсутствии которых глагол теряет значение грамматической формы.

Надо сказать, что в иранистической литературе конструкция с переходным глаголом в прошедшем времени толкуется по-разному. О. Манн считает ее пассивной по форме, но не по значению.² По мнению К.Эдмондса эта конструкция пассивна и по своему содержанию.³ Д.Маккензи называет саму конструкцию "агентивной" (агент-подлежащее), а личные глагольные показатели – "агентивными суффиксами"⁴ ми".⁴

В отечественной науке рассматриваемая конструкция в современном ее состоянии трактуется как активная, но при диахроническом подходе одними авторами характеризуется как "эргативная"

(Б.Миллер,⁵ Л.Пирейко⁶), другими – как "местоименно-поссесивная".⁷ К.К.Курдоев предлагает термин "безобъектно-объектная", рассматривая энклитические местоимения в функции личных показателей "как самостоятельные местоимения, выполняющие те же функции, что и косвенные формы личных местоимений северного диалекта" курдского языка.⁸

П. Отмечены случаи, когда местоименная энклитика 3 л.ед.ч. выступает в роли предикативной связки в составе именного сказуемого: *kure naġenaġetf* 'мальчик стонет'; *maġekeyan piġetf le mîwan* 'дом их полон гостей'; *heqisêtf* '[она] права' и т.д. О местоименном происхождении форманта *f* свидетельствуют такие примеры, где *f* одновременно толкуется и как энклитическое местоимение 3 л.ед.ч.: *herwa le ber çawêtf çon par daykf le piġ nexoş kewt* 'все еще перед его глазами, как в прошлом году внезапно заболела его мать'; *ewe kakoġey min u ew danemirwarî-yekanêtf* 'это мой чуб, а это ее жемчужные зубы'.

Нами зафиксированы также примеры, в которых энклитика *f* дублирует энклитику 3 л.ед.ч. в составе именного сказуемого: *gul gulf xo yetf* 'цветы [эти] его цветы'; *maġekey piġ yetf le mîwan* 'дом его полон гостей'.

Дублирование энклитики 3 л.ед.ч. вызвано, должно быть, с одной стороны тем, что при входящем в состав сказуемого имени с гласным исходом энклитика может быть истолкована как вставной сонант *-y-*: *neuşfezanê çf yetf* 'он и не знает, что с ним такое'; *eme mârdekeyetf* 'это ее муж'; с другой стороны, склонностью к стяжению энклитики и связки в долгий гласный *e*: *piġetf < piġ yetf*, *naġenaġetf < naġenaġ yetf*.

Таковы предварительные наблюдения относительно функционирования местоименной энклитики 3 л.ед.ч. в качестве предикативной связки.

В заключение следует сказать, что столь глубокое проникновение энклитических местоимений в грамматический строй языка, их разнообразные синтаксические и морфологические функции позволяют не согласиться с лишенным достаточного обоснования высказыванием о том, что их сохранность в языке является "лингвистической случайностью", возникшей под влиянием соседних иранских языков.⁹

¹ См. З.А.Юсупова, Синтаксические функции курдских энклитических местоимений. – III и ПИКНВ, XIV. М., 1979, с.269-273.

² O.Mann, *Kurdisch-persische Forschungen*, Abt. IV, Bd.III, T.I, c.LXXXIV-XCV, Berlin, 1906.

³ C.J.Edmonds, *Prepositions and personal affixes in Southern Kurdish*. - BSOAS, London, 1955, vol.17, pt.3, c.490-502.

⁴ D.N.Mackenzie, *Kurdish dialect studies*, London, 1961.

⁵ Б.В.Миллер, О полистадиальности иранских языков. - Академия наук академику Н.Я.Марру. М.-Л., 1935, с.293-332.

⁶ Л.А.Пирейко, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

⁷ И.А.Смирнова, О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы. - Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с.142-148.

⁸ К.К.Курдоев, Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978, с.178.

⁹ Д.Н.Маккензи, Курманджи, курди, гурани. - Народы Азии и Африки, I. М., 1963, с.169. См. также Р.Д.Щаболов, Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978, с.28.

Г.С.Шрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ
ЛО ИВ АН СССР ЗА 1978-79 гг.*

1. Абусейтова М.Д. Некоторые вопросы политической истории казахских ханств во второй половине XVI в. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.72-75.

2. Айтберов Т.М. Аноним Муслима из Урады (XV-XVI вв.) - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.62-70.

3. Айтберов Т.М. Недавно найденные адаты аварцев XVII века. - СЭ, 1978, № 6, с.111-116.

4. Айтберов Т. Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в "Перечне повинностей, которые получали шамхал и Крым-шамхал", - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.3-10.

5. Акимушкин О.Ф. К биографии поэта Имад ад-Дина Факиха из Кермана. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии. Труды VI Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии (28-30 мая 1970 г. Тбилиси). Тбилиси, 1978, с.625-634.

6. Акимушкин О.Ф. Заметки к биографии Камал ад-Дина Бехзада. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.9-15.

7. Акимушкин О.Ф. "Тути-наме" и "Джавāхир ал-асмār". - В кн.: Всесоюз. науч. конф. "Проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию Вел.Окт.соц. революции (Баку, 1977 г.). Баку, 1979, с.48-50.

8. Akimushkin O.F. and Ivanov A.A. The art of illumination. - В кн.: The arts of the book in Central Asia. 14-th-16-th centuries. London, 1979, p.35-57. (Chapt.2).

* В настоящую библиографию включен также ряд работ за 1976-77 гг., по разным причинам не вошедших в предыдущие выпуски "Материалов..."

9. Алексеев В.М. /Пер. с кит./: Чэнь Цзы-ан. /I-е стихотв./ - Хэ Чжи-чан. /I-е стихотв./ - Ли Ци. - Цуй Хао. - Ли Бо. /5 стихотв./ - Гао Ши /I-е стихотв./ /и др./ - В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с.238-240; 242-248; 263-264; 275-278; 288; 289; 325. (БВЛ. Сер. I, т. I6).

10. Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978. 595с. с ил. и портр. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Иероглиф. указ.: с.559-592.

11. Амусин И.Д. /Статьи в БСЭ/: Мертвого моря рукописи. - БСЭ, т. I6. М., 1974, с.97-98.

Саддукеи. - Там же, т.22. М., 1975, с.489.

Соломон. - Там же, т.24. М., 1976, с. I60.

Фарисеи. - Там же, т.27. М., 1977, с.208.

12. Amusin J.D. The reflection of historical events of the first century B.C. in Qumran commentaries (4 Q 161; 4 Q 169; 4 Q 166). - "Hebrew Union College annual", vol.48, 1977, p.123-152.

13. Амусин И.Д. Сочинения Иосифа Флавия и кумранские рукописи. - В кн.: Авторско-читат. конфер. журнала "Вестник древней истории" по проблеме "Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры". Тез. докл. М., 1978, с.53-54.

14. Амусин И.Д. К истолкованию кумранского Фрагмента (Исторический фон и датировка). - ВДИ, 1979, № 3, с. I55-I63. Рез. на англ. яз.

15. Амусин И.Д. Magister unitatis у Псевдо-Киприана и кумранский more hayyhad. В кн.: Проблемы античной истории и культуры. (Докл. XIV Междунар. конфер. античников соц. стран "Эйрене"). I. Ереван, 1979, с.25-3I. Библиогр.: с.3I.

16. Амусин И.Д. Некоторые спорные вопросы истории кумранской общины. - В кн.: VIII Всесоюз. конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.6-8.

17. Амусин И.Д. Новые данные о семейных отношениях в кумранской общине. - III и ПИКНВ, XIV, ч. I, М., 1979, с.76-79.

18. Амусин И.Д. Sakir. К вопросу о наемном труде на древнем Ближнем Востоке (I-я половина I тысячелетия до н.э.). - В кн.: Переднеазиатский сборник. III. М., 1979, с. I5-25. Рез. на англ. яз. (с.267-268).

19. Баевский С.И. Становление ранней персидской лексико-графической традиции. - В кн.: Актуальные проблемы иранской

филологии. Труды VI. Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии. (28-30 мая 1970 г. Тбилиси). Тбилиси, 1978, с.230-237.

20. Баевский С.И. Рукопись "Словаря Пандлоахи" ("Пятичастного словаря"). - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.15-21.

21. Бациева С.М. Дискуссия о "добродетельном городе" в арабской средневековой философии. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.118-122.

22. Бациева С.М. Человеческая цивилизация в "Мукаддима" Ибн Халдуна. Ливия-Тунис, 1978, 289с. (На араб. яз.).

Пер. книги: Историко-социологический трактат Ибн Халдуна "Мукаддима". М., "Наука", 1965.

23. Берлев О.Д. Статуэтка царицы эпохи позднего Среднего царства из Кавы. - В кн.: Мероэ. История, история культуры, язык древнего Судана. М., 1977, с.60-63. Библиогр. в примеч.: с.62-63. Рез. на франц. яз. (с.292-293).

24. Houdjache S. et Berlev O. Objets royaux du Musée des Beaux - Arts Fouchkine à Moscou. - "Chronique d'Égypte", t.52, 1977, N 103, p.24-39.

25. Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой "царских ~~хмн.в~~". /Отв. ред. Н.С.Петровский/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978. 367с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит. в примеч.: с.336-349.

26. Берлев О.Д. "Золотое имя" египетского царя. - В кн.: Ж.Ф.Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979, с.41-59.

27. Берлев О.Д. и Ходжаш С.И. Наконечник копья фараона Яхмеса I из Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. - ВДИ, 1979, № 3, с.82-83. Рез. на англ. яз.

28. Бертельс Д.Е. /Подг. к изд., предисл. и примеч./: Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попутая. (Тутти-наме). Пер. с перс. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 348с. Предисл.: с.3-14. Примеч.: с.332-344.

См. также № 396.

29. Богословский Е.С. Пахотные земли в должностных владениях египетских горожан во второй половине II тыс. до н.э. - В кн.: Авторско-читат. конф. журнала "Вестник древней истории" по проблеме "Полис и хора. Вопросы экономики, политики и

культуры". Тез. докл. М., 1978, с.3.

Излож. докл. - ВДИ, 1979, № 3, с.217.

30. Богословская И.В. и Богословский Е.С. Сиро-палестинская богиня Кудшу в Древнем Египте. - ПС, вып. 26(89), 1978, с.140-164. Рез на англ. яз.

31. Богословский Е.С. /Рец. на кн./: Černý J. A community of workmen at Thebes in the Ramesside period. Le Caire, 1973. 383p. (Inst. Français d'archéologie orientale du Caire. Bibliothèque d'étude, t.50). - Černý J. The Valley of the Kings. Fragments d'un manuscrit inachevé. Le Caire, 1973. 55p. (Inst. Français d'archéologie orientale du Caire. Bibliothèque d'étude, t.61 - ВДИ, 1978, № 2, с.209-215.

32. Богословский Е.С. /Рец. на кн./: Valbelle, D. La tombe de Hay à Deir el-Médineh /N 267/. /Le Caire/, 1975. VIII+54p., 20 fig., 23 pl. - ПС, вып. 26(89), 1978, с.174-175.

33. Богословский Е.С. Должностное владение в древнем Египте и дата реорганизации службы царского некрополя. - ПИ и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.21-26.

34. Богословский Е.С. О системе древнеегипетского общества второй половины II тысячелетия до н.э. - В кн.: VIII Всесоюз. конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.20-25.

35. Богословский Е.С. Собственность и должностное владение в древнем Египте. (По материалам из Дёр эль-Медина). - ВДИ, 1979, № 1, с.3-23. Библиогр. в примеч. Рез. на англ. яз. (с.23).

36. Бойко К.А. Арабская историческая литература в Испании (VIII-первая треть XI в.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978. 27с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

37. Бойко К.А. Восточные корни мотива о золотом петушке в сказке А.С.Пушкина. - ПИ и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.14-20.

38. Болдырева М.А. Парадоксальное в поэзии Тауфика Исмаила. - ПИ и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.165-169.

39. Васильков Я.В. "Махабхарата" и потлач (этнографический субстрат эпического сюжета). - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. ученых к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.) I. М.,

1979, с.73-82. Библиогр. в примеч.: с.81-82. Рез. на англ. яз. (с.253).

40. Васильков Я.В. Эпос и паломничество (О значении "паломнической" темы в "Махабхарате"). - В кн.: Литературы Индии. М., 1979, с.3-14. Библиогр.: с.13-14.

41. Васильев К.В. Статус чжухоу в период Западного Чжоу. - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.21-27. Библиогр.: с.27.

42. Вахтин Б.Б. /Пер. с кит./: Из народных песен Юэфу. - В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с.230-232. (БВЛ. Сер.1, т.16).

43. Вахтин Б.Б. Стихотворение Фу Сюаня "Светлая луна". - ТИИДВ, УШ/1. М., 1978, с. 39-40.

44. Волкова М.П. Зачем Абахаю понадобилась печать императора Маньчжурской династии. (Из истории маньчжурского государства в 30-х гг. XVII в.) - В кн.: Девятая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.2. М., 1978, с.19-26.

45. Воробьев М.В. История Маньчжурии в средние века в работах русских и советских авторов. (Обзор литературы 1917-1977 гг.) - В кн.: П.И.Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти). Материалы конфер. Ч.3. М., 1979, с.46-63. Библиогр.: с.56-63. (112 назв.).

46. Воробьев М.В. К типологии японского общества III-VII веков. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.80-85.

47. Воробьев М.В. Путевые заметки сунских послов в государство чжурчженей Цзинь. - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.126-133. Библиогр. в примеч.: с.132-133.

48. Воробьева-Десятовская М.И. Находки санскритских рукописей письмом брахми на территории советской Средней Азии. - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. ученых к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.). I. М., 1979, с.123-133. Библиогр. в примеч.: с.132-133. Рез. на англ. яз. (с.255).

49. Ворожейкина З.Н. Элементы народной литературы в произведениях ранних персидских суфиев. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии. Труды VI Всесоюз. науч. конфер. по актуальным проблемам иранской филологии (28-30 мая 1970 г. Тбилиси). Тбилиси, 1978, с.407-416.

50. Ворожейкина З.Н. /Общ. ред./: Джами. Избранные произведения. Л., "Сов. писатель", 1978. 654с. (Б-ка поэта. Больш. сер. 2-е изд.).

51. Ворожейкина З.Н. и Розенфельд А.З. О жанровой устойчивости рубаи. - В кн.: Востоковедение. Вып.6. Филол. исследований. Л., 1979, с.85-94. (Учен. зап. ЛГУ, № 401, сер. востоков. наук, вып.22).

52. Ворожейкина З.Н. О функциях литературной службы при средневековых иранских дворах. - В кн.: Всесоюз. науч. конф. "Проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию Вел. Окт. соц. революции. (Баку, 1977 г.). Баку, 1979, с.54-55.

53. Ворожейкина З.Н. Стиховые формы придворного панегирика в персоязычной поэзии предмонгольского времени. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2, М., 1979, с.169-175.

54. Гафурова Н.Б. Некоторые принципы строения афоризмов Кабира. - В кн.: Литературы Индии. М., 1979, с.72-78. Библиогр.: с.78.

55. Голдобин А.М. Каирский купец Мухаммад ад-Дада аш-Шараби. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.93-100.

56. Голдобин А.М. /Рец. на кн./: Jankowski, J.P. Egypt's Young Rebels. "Young Egypt": 1933-1952. Stanford, 1975. 176p. (Hoover Inst. Pbls., N 145). - НАА, 1978, № 2, с.241-243.

57. Горегляд В.Н. Некоторые аспекты буддийского влияния на японскую литературу IX-XII веков. - ТПИЛДВ, УШ/1. М., 1978, с.66-74.

58. Горегляд В.Н. Старейшее в СССР собрание японских рукописей и ксилографов. /О японском рукописно-ксилографическом фонде ЛО ИВ АН/. - В кн.: Япония 1978. Ежегодник. М., 1979, с.250-264.

59. Гохман В.И. К реконструкции древнекитайской системы терминов родства. - СЭ, 1978, № 6, с.127-131.

60. Гохман В.И. О месте языка надписи Рамакамхента в генетической классификации тайских языков. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.228-233.

61. Гохман В.И. О миграции тайских народов на территорию Таиланда и Бирмы. - В кн.: Тихоокеанский XIV научный конгресс. Тез. докл. Т.2. М., 1979, с.140-141.

62. Гохман В.И. /Рец. на кн./: Мухлинов А.И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М.,

"Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977, 216с. - НАА, 1979, № 4, с.245-248.

63. Грязневич П.А. В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978, 344с. с ил.; 2 л. ил.

64. Грязневич П.А. К истории возникновения арабской генеалогии. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.77-85.

65. Грязневич П.А. Новые материалы по истории и культуре древней Южной Аравии. (Эпиграфические и историко-археологические исследования в Йемене (ЙАР) в 1965-1971 гг.) - ПС, вып. 26(89), 1978, с.28-44. Рез. на англ. яз.

66. Грязневич П.А. Южная Аравия в трудах Беруни. - "Обществ. науки в Узбекистане", 1978, № 8, с.24-31. Библиогр. в примеч. Рез. на узб. яз.

67. Грязневич П.А. /Отв. ред./: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по арабистике). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978. 167с.

См. также № 396.

68. Гуревич И.С. Лексические ряды и их роль в организации текста "Линь-цзи лу" (антонимичные ряды как один из стилистических приемов). - ТПИЛДВ, УШ/1. М., 1978, с.74-75.

69. Гуревич И.С. Некоторые особенности имен в китайском языке III-V вв. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.233-236.

70. Дандамаев М.А. Государство Вавилон в Ахеменидскую эпоху. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.453-475. (На араб. яз.).

Пер. статьи: Achaemenid Babylonia. ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, p.296-311.

71. Dandamaev M.A. Zur Sklaverei im neubabylonischen Reich: Gimillu, ein Tempelsklave von Eanna in Uruk (6.Jahrhundert v. u. Z.). - "Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte", 1977, III, S.155-167.

72. Дандамаев М.А. Община и чужеземцы в Вавилонии I тыс. до н.э. - В кн.: Авторско-читат. конфер. журнала "Вестник древней истории по проблеме "Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры". Тез. докл. М., 1978, с.1-2.

73. Дандамаев М.А. Вавилония в конце II - первой половине I тыс. до н.э. ... /Разд.П.,гл.13/. - Иран ... в древности.

/Разд.Ш, гл.22-25/. - В кн.: История древнего Востока. /Уч-к для ун-тов/. М., 1979, с.163-175; 272-314.

74. Дандамаев М.А. Данные вавилонских текстов VI-V вв. до н.э. о рыболовстве. - В кн.: Переднеазиатский сборник Ш. М., 1979, с.81-100. Рез. на англ. яз. (с.270-271).

75. Dandamayev M.A. Data of the Babylonian documents from the 6th to the 5th centuries B.C. on the Sakas. - В кн.: Prolegomena. To the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979, p.95-109. Bibliogr.: p.108-109.

76. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Bernhardt I. Sozial-ökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Texte und Materialien der Frau Prof. Hilprecht. Berlin, Akad.-Verl., 1976. 26S.+134Taf. (Sammlung Vorderasiatischer Altertümer im Eigentum der Friedrich-Schiller Univ.Iena. N.F. V). - ВДИ, 1979, № I, с.196-199.

77. Дандамаев М.А. и Лившиц В.А. /Отв. ред./: Переднеазиатский сборник. Ш. История и филология стран древнего Востока. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 280с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

78. Джалил/ов/ О. и Джалил Дж. Курдские пословицы и поговорки. (На диалектах курманджи и сорани). Zürich, "Ronahf", 1976. 121с. (На курд. яз.)

Перепеч. курдской части из книги О. и Дж.Джалил/овых/ "Курдские пословицы и поговорки на курд. и рус. языках". М., "Наука", 1972.

79. Джалил/ов/ О. Курдский историко-песенный фольклор. Багдад, Изд. Курд. Акад. наук, 1977. 518с. (На араб. яз.)

80. Джалил/ов/ О. и Джалил Дж. Курдский фольклор. Собрания, сост., снабдили примеч. и предисл. О. и Дж.Джалил. /В 2-х кн./. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978.

Кн.1. 508с.

Кн.2. 534с.

81. Джалил/ов/ О. и Джалил Дж. /Запись, сост., предисл. и коммент./: Курдский фольклор. Кн.1. Ереван, "Советакан грох", 1978, 503с.(На курд. яз.)

82. Джалил/ов/ О.Дж. Курдские народные исторические песни. - "Ronahf", /газ./, Friedrichshafen/W.Germany, 1978, № 23, 24, 25. (На курд. яз.)

Перепечатка предисл. к кн. "Курдский историко-песенный фольклор". Ереван, 1975.

83. /Джалилов О. и Джалил Дж./ /Шесть сказок/. - В кн.: *Kurdische Märchen. Gesamm. von L.-Charl. Wentzel. Köln, 1978, N 21, 22, 35-37, 44.*

Пер. на нем. яз. 6-ти сказок из книги О. и Дж.Джалил /овых/ "Курдские народные сказки". Ереван, 1974. (На курд. яз.)

84. Джалил/ов/ О.Дж. "Давреше Авди". /Поэма/. - "Roja nu", /газ./, Stockholm, 1979, № 5, 6, 7, 8. (На курд. яз.)

Перепеч. из кн. "Курдский историко-песенный фольклор". Ереван, 1975.

85. Додхудоева Л.Н. Иконографические прототипы миниатюр "Хамсе" Низами 1431 г. - НАА, 1978, № 2, с.149-152.

86. Дулина Н.А. Отношение Мустафы Решид-паши к проблеме статуса христианского населения Османской империи. - ТС 1976. М., 1978, с.66-74. Библиогр. в примеч.: с.73-74.

87. Дулина Н.А. Турецкие документы по истории турецкой дипломатии и реформ танзимата, изданные Решадом Кайнаром. - В кн.: Турция: история и экономика. Сб. статей. М., 1978, с.175-184.

88. Дулина Н.А. К вопросу о периодизации реформ танзимата. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.86-91.

89. Дулина Н.А. Османская дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831-1841 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. 24с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

90. Дулина Н.А. /Рец. на кн./: Тодоров Н. Балканский город XV-XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. Пер. с болгар. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 515с. - НАА, 1979, № 3, с.241-244.

91. Дулина Н.А. /Пер. с турецк./: /Второе путешествие в Азов. Путь от крепости Тамань через территорию Таманского полуострова и черкесские земли до границ Кабарды/. - В кн.: Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. Вып.2. М., 1979, с.42-66.

92. Дьяконов И.М. Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.263-310. (На араб. яз.)

Пер. статьи: The rise of the despotic state in ancient Mesopotamia. ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, p.173-203).

93. Дьяконов И.М. /Предисловие и ред./ - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.II-22. (На араб. яз.)

Пер. предисл. к кн. "Ancient Mesopotamia". (М., 1969, р.8-16).

94. Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.3II-357. (На араб. яз.)

Пер. статьи: Agrarian conditions in Middle Assyria ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, р.204-234).

95. Дьяконов И.М. Замечания к урартским иероглифическим надписям из Алтынтепе. - В кн.: Древний Восток. З. Ереван, 1978, с.150-152.

96. Грюнберг А.Л., Дьяконов И.М. и Стеблин-Каменский И.М. Памяти Георга Моргенштерне. - НАА, 1978, № 5, с.248-249.

97. Дьяконов И.М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. - В кн.: Древний Восток. З. Ереван, 1978, с.25-38.

98. Дьяконов И.М. и Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем). - В кн.: Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с.72-84. Рез. на англ. яз. (с.84).

99. Diakonoff I.M. and Livshits V.A. Parthian economic documents from Nisa. Ed. by D.N.Mackenzie. Plates III. London, Lund Humphries, 1979. 3 p.; pl.331-536. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt.2, Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol.2. Parthian).

См. также № 293.

100. Еланская А.И. Нубийская стела X в. с греческой надписью. - В кн.: Мероэ. История, история культуры, язык древнего Судана. М., 1977, с.273-277. Библиогр. в примеч.: с.276-277. Рез. на франц. яз. (с.300)

101. Elanskaya A.I. /Рец. на кн./: Orlandi T. Papiri copti di contenuto teologico. Wien, 1974. (Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreich. Nationalbibliothek, N.S., IX. Folge). - "Chronique d'Égypte, t.52, 1977, N 104, p.407-410.

102. Elanskaya A.I. /Рец. на кн./: Passione e miracoli di S.Mercurio. Introd. e testo copto a cura di T.Orlandi. Milano, Cisalpino-Tolliardica, 1976. 136p., 6tav. - Bior, Jg.35, 1978, N 1/2, S.129-131.

103. Еланская А.И. Управление глаголов с отрицательным значением в коптском языке. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.237-241.

104. Elanskaya A.I. La construction dite "construction adverbiale" et le rôle de $OY\bar{N}/M\bar{N}$ en copte. - В кн.: М.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979, с.29-33.

105. Елизарова М.М. Об одном неясном месте в "Апокрифе кн. Бытия". (1 Q Gen. Ap. XXII, 31) - ПС, вып.26(89), 1978, с.133-135. Рез. на англ. яз.

106. Елисеев Д.Д. Сюжет и автор. (К вопросу об авторстве Ким Джегука и Пак Чонсика). - ТПИИДВ, УШ/І. М., 1978, с.90-97. Библиогр.: с.97.

107. Елисеев Д.Д. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1979. 31с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

108. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о XIV годичной научной сессии ЛО ИВ АН/. - НАА, 1979, № 5, с.157-158.

109. Ермаков М.Е. Биография Кумарадживы в "Тао сэн чжуань" и ее версия в официальной китайской историографии. - В кн.: IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.І. М., 1978, с.137-141.

110. Жданова Л.В. Цикл Чхве Чхивона "Семисловные стихи, в которых описывается "дэ" (в связи с представлениями о типах личности, обладающей силой "дэ"). - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.175-180.

111. Западова Е.А. Бирманцы ходят в кино двадцать раз в год. Обзор по материалам печати. - "Соврем. худож. лит-ра за рубежом. Информ. сб.", 1978, № 5, с.9-13.

112. Западова Е.А. Предисловие. - В кн.: Гайе Ни. Дети Бирмы. Сб. рассказов. М., 1978, с.3-10.

113. Западова Е.А. Лев Толстой в Бирме. - В кн.: Исполянский сборник 1978. Тула, 1978, с.214-219.

114. Западова Е.А. Бирманисты Ленинграда. - "Советский Союз", 1978, № 10, с.36. (На бирм. яз.)

115. Западова Е.А. и Минина Г.Ф. /Аннот./: Тэккадоу Мья Сейн. Познать непознаваемое. /Роман/. Рангун, 1976. 227с. - "Соврем. худож. лит-ра за рубежом. Информ. сб.", 1978, № 6, с.6-7.

116. Западова Е.А. /Статьи в КЛЭ/: Дагоун Тая. - КЛЭ, т.9. М., 1978, с.257.

Тейн Пхей Мьин. - Там же, с.724.

У Ба Схвей. - Там же, с.741.

У Чжи. - Там же, с.748.

II7. Западова Е.А. Знакомство бирманцев с Тагором. - В кн.: Литературы Индии. М., 1979, с.140-147. Библиогр.: с.147.

II8. Западова Е. и Минина Г. Массовая литература и проблемы книгоиздательского дела в современной Бирме. Обзор по материалам печати. - "Соврем. лит-ра за рубежом", 1979, № 5, с.7-10.

II9. Западова Е.А. "Повести И.П.Белкина" на бирманском языке. - В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сб. статей. М., 1979, с.44-54. Лит.: с.54.

II0. Западова Е.А. /Аннот./: Моу Моу Инья. Кто мне поможет? /Роман/. Рангун, 1977. - "Соврем. худож. лит-ра за рубежом. Информ. сб.", 1979, № I, с.10-11.

II1. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. (Опыт структурно-типологического анализа). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1977. 34с. (АН СССР. Ин-т языкозн.)

II2. Зограф Г.А. Предисловие. - В кн.: Кузнецов Б.И. Глагольные имена языка маратхи. М., 1978, с.3-20.

II3. /Зограф Г.А./ Хинди. - В кн.: Схема и пробные типовые статьи для издания "Языки мира" (материалы к обсуждению). Вып. I. М., 1978, с.10-67.

II4. /Zograf G.A./ Indologist Vasily Beskrovny. - "Soviet land", New Delhi, vol.31, 1978, N 18, p.27. (Совм. с А.С.Бархударовым).

II5. Zograf G.A. The "new" verbal inflexion in Indo-Aryan. - "Annals of the Bhandarkar Oriental Research Inst. (Diamond jubilee vol.)" Poona, 1977-78, p.425-431.

II6. Зограф Г.А. /Статьи в КЛЭ/: Воробьев-Десятовский В.С. - КЛЭ, т.9, М., 1978, с.199.

Рудин С.Г. - Там же, с.669.

II7. Зограф Г.А. /Пер. с хинди/: Что за дети! - Делец и вор. - Шахское правосудие. /И др. рассказы/. /Всего 7 рассказов/. - В кн.: Яшпал. Одна сигарета. Рассказы. Пер. с хинди. Л., 1978, с.114-118, 152-197.

II8. Зограф Г.А. От сравнительно-исторической к историко-типологической грамматике индоарийских языков. - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. ученых к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30

мая 1979 г.) I. М., 1979, с.200-207. Библиогр. в примеч.: с.206-207. Рез. на англ. яз. (с.260)

I29. /Зохраф Г.А./ Памяти Василия Матвеевича Бескровного. - НАА, 1979, № I, с.246-247.

Подп.: Группа товарищей.

См. также № 35I.

I30. Зограф И.Т. Жанровые особенности языка среднекитайских текстов. - ТПИДВ, УШ/I. М., 1978, с.II9-I24.

I3I. Зограф И.Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 337с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Рез. на англ. яз.: с.336.

I32. Зограф И.Т. Счетные слова к глаголу в среднекитайском языке. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.242-247.

I33. Иванова Г.Д. Мори Огай. - В кн.: Человек с гор. Восточный альманах. Вып.6. М., 1978, с.465-467.

I34. Иванова Г.Д. /Пер. с япон./: Мори Огай. Семейство Абэ. - В кн.: Человек с гор. Восточный альманах. Вып.6. М., 1978, с.468-407.

I35. Кабанов А.Б. Первые гатхи о сатори в дзэнской поэзии в Японии. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.I80-I84.

I36. Какабадзе С.С. О списке Теймураза летописи "Картлис цховреба". - В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с.I72-I76. (На груз. яз.)

I37. Какабадзе С.С. /Пер., иссл. и примеч./: Памятник эриставов. Тбилиси, "Мецниереба", 1979. 54с. (Памятн. груз. ист. лит-ры. 2.) Рез. на англ. яз. (с.53-54)

I38. Kalyanov V.I. The image of the Indian woman in the Mahābhārata. - "Annals of the Bhandarkar Oriental Research Inst." (Diamond jubilee vol.). Poona, 1977-78, p.161-172.

I39. Кальянов В.И. О военной этике в "Махабхарате". - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. ученых к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.) I. М., 1979, с.232-243. Библиогр. в примеч.: с.242-243. Рез. на англ. яз. (с.261-262).

I40. Кальянов В.И. Образ индийской женщины в "Махабхарате". - В кн.: Литературы Индии. М., 1979, с.I5-23. Библиогр.: с.22-23.

I4I. Канева И.Т. Из истории шумерской падежной системы (функции орудийно-отложительного падежа). - В кн.: Древний Восток. 3. Ереван, 1978, с.47-54.

142. Канева И.Т. Партитивный родительный падеж в шумерском языке. - ПС, вып. 26(89), 1978, с.167-168. Рез. на англ. яз.

143. Канева И.Т. Варианты определительной конструкции в шумерском (к типологии синтаксиса архаических языков). - ПИ и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.248-250.

144. Канева И.Т. Направительный (аллативный) падеж в шумерском языке. - В кн.: Переднеазиатский сборник Ш. М., 1979, с.113-121. Рез. на англ. яз. (с.271).

145. Каплан Г.Х. Употребление презенса, претерита и перфекта в аккадском языке (к истории вопроса). - В кн.: Переднеазиатский сборник Ш. М., 1979, с.122-130. Рез. на англ. яз. (с.272).

146. Кепинг К.Б. Морфологическая и синтаксическая эргативность в тангутском языке. - ПИ и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.251-255.

147. Кепинг К.Б. /Изд. текста, пер., введ., коммент., грам. очерк, словарь и прилож./: Сунь Цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 578с. (ПШВ, 49).

148. Кепинг К.Б. Эргативность в тангутском языке. (The ergative construction of the Tangut language). - "Computational analyses of Asian and African languages", Tokyo, 1979, N 11, p.13-29.

149. Кинк Х.А. Древнеегипетский храм. /Отв. ред. Ю.Я.Перепелкин/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 199с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Список лит.: с.186-198. (324 назв.)

150. Кляшторный С.Г. Наскальная руническая надпись в Кызыл-кумах. - В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1978, с.173-174.

151. Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. I. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыта-хат, Хэнтэй. - ТС 1975. М., 1978, с.151-158, с ил.

152. Кляшторный С.Г. и Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. - В кн.: Археология и этнография Монголии, Новосибирск, 1978, с.37-60.

153. Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи). - ТС 1974. М., 1978, с.238-255, с ил. Библиогр. в подстр. примеч.

154. Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в МНР (1977. В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с.575-576.
155. Кляшторный С.Г. Древнетюркская мифология. К постановке проблемы. - III и ПИКНВ, XIV, ч.I. М., 1979, с.91-96.
156. Кляшторный С.Г. Концепция трех миров в рунических памятниках. - В кн.: Тюркоязычные народы в Сибири. Омск, 1979, с.94-97.
157. Кляшторный С.Г. О собственности на землю в Тюркском каганате. - В кн.: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979, с.97-101.
158. Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. - СА, 1979, № I, с.270-275.
159. Кобец В.Н. Японская мораль дотоку и современный национализм. - В кн.: Место религий в идейно-политической борьбе развивающихся стран (тезисы рабочего совещания). М., 1978, с.97-99.
160. Кобец В.Н. Деятельность и творчество Фукудава Юкити. (Из истории японского просветительства). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 24с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)
161. Козина Е.М. О казенных ремесленниках и мастерах в Китае при династии Тан. - В кн.: IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.I. М., 1978, с.163-167.
162. Козина Е.М. Понятия "семья" и "общесемейная собственность" в танском законодательстве (по материалам "Тан луй шу и"). - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т.2, ч.I. М., 1978, с.81-83.
163. Козырева Н.В. Некоторые данные о частном скотоводческом хозяйстве в старовавилонском городе Ларса. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.135-141. Рез. на англ. яз. (с.272).
164. Колесников А.А. Из истории создания "народных домов". - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т.2, ч.I. М., 1978, с.83-85.
165. Колесников А.А. Из истории создания "народных домов" в Турции. - III и ПИКНВ, XIV, ч.I. М., 1979, с.96-100.
166. Колесников А.И. /Рец. на кн.: Simon, H. Die sasanischen Münzen des Fundes von Babylon. Textes et mémoires, vol.5. Varia, 1976, Acta iranica, 1977. Téhéran-Liège. P. 149-337, pl.XIII-XX. - ИС, вып.26(89), 1978, с.175-178.

167. Колоколов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги "И цзин" и их применение в книге "Чунь цю". - В кн.: П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти). Материалы конфер. Ч.1. М., 1979, с.91-107. Библиогр. в примеч.: с.105-107.

168. Комиссарова Т.Г. О трех китайских переводах Вималакирти-сутры. - В кн.: П.И.Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти). Материалы конфер. Ч.3. М., 1979, с.32-38. Библиогр.: с.38.

169. Кононов А.Н. и Гамкрелидзе Т.В. Сергей Симонович Джиния. - СТ, 1978, № 5, с.108-109.

170. Кононов А.Н. К истории формирования турецкого письменнo-литературного языка. - ТС 1976. М., 1978, с.256-287. Библиогр. в примеч.: с.282-287.

171. Кононов А.Н. Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР. - СТ, 1978, № 2, с.3-8.

172. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. - ТС 1975. М., 1978, с.159-179. Библиогр. в подстр. примеч.

173. Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. - ТС 1974. М., 1978, с.72-89. Библиогр. в подстр. примеч.

174. Богородский Б.Л. и Кононов А.Н. Тут ему и какж пришел (к истории фразеологического сочетания). - "Вестник ЛГУ", СИЯЛ, 1978, вып.3, с.117-127. Рез. на англ. яз.

175. Кононов А.Н. /Отв. ред./: Тюркологический сборник. 1974. /Памяти акад.А.Н.Самойловича/. М., "Наука", 1978. 304с.; 1 л.портр.

176. Кононов А.Н. /Отв. ред./: Тюркологический сборник. 1975. /Памяти С.Е.Малова/. М., "Наука", 1978. 279с.; 1 л. портр.

177. Кононов А.Н. /Отв. ред./: Тюркологический сборник. 1976. М., "Наука", 1978. 287с.

178. Кононов А.Н. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (основные направления деятельности). - НАА, 1979, № 1, с.146-157.

179. Кононов А.Н. /Отв. ред./: Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., "Наука", Лен.отд-ние, 1979. 266с.

180. Кравцова М.Е. Древние стихотворения (гушн) как поэтический памятник. - ТПИИДВ, УИ/2. М., 1978, с.200.

181. Кравцова М.Е. К вопросу о подражаниях в классической китайской литературе. - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т.3, ч.2. М., 1978, с.31-33.

182. Кравцова М.Е. О месте поэта в традиционном Китае. (Опыт характеристики Шэнь Юэ (441-513). - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. I. М., 1979, с.88-92. Библиогр. с.92.

183. Кравцова М.Е. О некоторых особенностях ритмы в китайской поэзии. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.184-189.

184. Кроль Ю.Л. /Пер. с кит./: Ли Инно. - В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с.413. (БВЛ. Сер. I, т.16).

185. Кроль Ю.Л. Китайцы и "варвары" в системе конфуцианских представлений о вселенной (П в. до н.э.-П в. н.э.) - НАА, 1978, № 6, с.45-57.

186. Кроль Ю.Л. Представления о человеческой природе в полемике ханьских мыслителей. По материалам трактата "Янь те лунь" I в. до н.э.) (Тезисы). - В кн.: IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч. I. М., 1978, с.108-118.

187. Кроль Ю.Л. К проблеме культурного наследия в современном Китае. - НАА, 1979, № 2, с.61-75.

188. Кроль Ю.Л. Категория единства в полемике ханьских мыслителей (по материалам трактата I в. до н.э. "Янь Те лунь"). (Тезисы). - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез и докл. Ч. I. М., 1979, с.67-81.

189. Кроль Ю.Л. О культурных представлениях, предписывавших соблюдение законов китайскому монарху. - III и ПИКНВ, XIV, ч. I. М., 1979, с.100-106.

190. Kroll J.L. Toward a study of the economic views of Sang Hung-yang. - "Early China", Berkeley (Ca.), 1978-79, N 4, p.11-18. Bibliogr. in notes: p.16-18.

191. Кузнецов Б.И. Глагольные имена языка маратхи. (Образование, изменение функции в предложении). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978. 126с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с.120-124.

192. Кузнецов Б.И. Парадигматическое дерево неспрягаемых форм глагола языка маратхи (на материале письменного текста). - В кн.: Индийское языкознание. М., 1978, с.128-134.

193. Кузнецов Б.И. О терминах "Хинаяна" и "Махаяна". - В кн.: Востоковедение. Вып.6. Филол. исследов. Л., 1979, с.189-198. (Учен. зап. ЛГУ, № 401, сер. востоковед. наук, вып.22).

194. Куликова А.М. Неизданное письмо Ж.-Ф. Шампольона П.Л. Шиллингу. - ВДИ, 1978, № 3, с.97-107. Рез. на англ. яз.

195. Куликова А.М. /Рец. на кн./: Кононов А.Н. и Иорриш И.И. Ленинградский Восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1977. 136с. - НАА, 1978, № 4, с.239-240.

196. Куликова А.М. Р.Х.Ленц в истории отечественной индологии. - В кн.: *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi VIII. (Trü ajaloo komisjoni materjalid)*. /Вопросы истории Тартусского университета УШ. (Материалы комиссии истории ТТУ)./ 1979, с.157-167. Лит-ра: с.164-167.

197. Куликова А.М. Начало изучения японского языка в России. - НАА, 1979, № 1, с.134-145.

198. Куликова А.М. План коллежского советника Янковича де Мириево о заведении училища восточных языков. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.33-38.

199. Курдоев К.К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., "Наука", Глав.ред.вост. лит., 1978. 294с. со схем. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с.285-288.

200. Курдоев К.К. Сборник курдских вариантов эпоса "Ростаме Зал". - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.38-43.

201. Курдоев К.К. Творчество курдского поэта начала XIX в. Кадыра Коя. - "Азади", Paris, 1979, № 5. (На курд.яз.)

202. Кушев В.В. К биографии 'Али-Акбара Оракзая - афганского поэта XVIII века. (По его произведениям в уникальной рукописи Матенадарана). - "Вестник Матенадарана", ст.12, 1977, с.114-133, с ил. Рез. на арм. и франц.яз.

203. Громковская Л.Л. и Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1978. 216с.; Ил. портр. (Русские востоковеды и путешественники).

204. Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе дунган. - СЭ, 1978, № 2, с.95-99.

205. Кычанов Е.И. Парные изречения как одна из ведущих форм изречений народов Центральной Азии, ее возможные истоки и пути распространения. - ТПИДВ, УШ/2. М., 1978, с.201-207. Библиогр.: с.206-207.

206. Кычанов Е.И. Правовое положение наложниц в средневековом Китае (УП-Х вв.) (По материалам Танского кодекса). - В кн.: IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.1. М., 1978, с.181-187.

207. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии. - ПС, вып.26(89), 1978, с.76-85. Рез. на англ. яз.

208. Kuchanov E.I. Tibetans and Tibetan culture in the Tangut state Hsi Hsia (982-1227). - В кн.: Proceedings of the Csoma de Kőrös memorial symposium. Held at Mátrafüred, Hungary 24-30 Sept. 1976. Budapest, 1978, p.205-211.

209. Кычанов Е.И. /Рец. на кн./: Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 199с. - СЭ, 1978, № I, с.183-186.

210. Кычанов Е.И. /Рец. на кн./: "Установления о соли и чае". Пер., вступит. статья и коммент. Н.П.Свистуновой. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1975. 278с. - НАА, 1978, № I, с.246-248.

211. Кычанов Е.И. Значение термина "сэ" в VII-X вв. (по материалам "Сун син тун"). - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.112-117.

212. Кычанов Е.И. Социальная группа отроков в Тангутском государстве. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.106-110.

213. Kučanovas Jev., Savickis L. Sniego šalies žmonės ir dievai. Tibeto istorijos ir kultūros apybraiža. Iš rusų kalbos vertė V.Kauneckas. Vilnius, "Vaga", 1979, 281s.; 36 il.

Пер. на лит. яз. книги: Кычанов Е.И. и Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов, М., "Наука", 1975.

214. Лившиц В.А. Новые парфянские надписи из Туркмении. - В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с.138-147.

215. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. - СТ, 1978, № 4, с.84-98.

216. Лившиц В.А. и Стеблин-Каменский И.М. /Отв. ред./: Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (шугнаноруханская группа). Душанбе, 1978. 308с.

217. Лившиц В.А. Авестийское *urvaḫš.uxti-*. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.160-167. Рез. на англ. яз. (с.273).

218. Лившиц В.А. Два острака из Дильберджина. - В кн.: Древняя Бактрия. II. Материалы советско-афганской экспедиции 1974-1977 гг. М., 1979, с.95-98.

219. Лившиц В.А. Нововавилонское *ḫat(a)ru*. - ВДИ, 1979, № 4, с.95-100. Рез. на англ. яз. (с.100).

220. Лившиц В.А. Нововавилонское *ḫat(a)ru*. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.III-II7.

221. Лившиц В.А. Правители Панча (согдийцы и турки). - НАА, 1979, № 4, с.56-68. Рез. на англ. яз. (с.252-253).

222. Лившиц В.А.Трилингва из Ксанфа и надписи Артаксия. - В кн.: VIII Всесоюз. конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.54-55.

223. Лившиц В.А. и Крутликowa И.Т. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина. - В кн.: Древняя Бактрия II. Материалы советско-афганской экспедиции 1974-1977 гг., М., 1979, с.122-136.

См. также № 77, 99, 152.

224. Лужецкая Н.Л. Государственное устройство Читрала в конце XIX в. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.II7-123.

225. Лундин А.Г. Принципы престолонаследия в древней Южной Аравии. - В кн.: Мероэ. История, история культуры, язык древнего Судана. М., 1977, с.278-281. Рез. на франц. яз. (с.301).

226. Лундин А.Г. О времени возникновения системы сабейского эпонимата. - ВДИ, 1978, № 3, с.108-115. Рез. на англ. яз.

227. Лундин А.Г. Петроглифы Центральной Аравии. /Рец. на работы Э.Анати/. - ПС, вып.26(89), 1978, с.169-174.

228. Лундин А.Г. Престолонаследие в Катабане. - СЗ, 1978, № 4, с.123-130.

229. Лундин А.Г. Тимна^с и Барум. (Полис и хора в древнем Йемене). - В кн.: Авторско-читат. конфер. журнала "Вестник древней истории" по проблеме "Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры". Тез. докл. М., 1978, с.4-5.

Излож. докл. - ВДИ, 1979, № 3, с.217-218.

230. Лундин А.Г. Городская организация в древнем Йемене. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры. (Доклады XIV Междунар. конфер. античников соц. стран "Эйрене"). Ереван, 1979, с.149-155.

231. Лундин А.Г. Древнейшие письменные памятники из Эфиопии. - В кн.: Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. (Москва, 19-21 июня 1979 г. Тез. докл.) М., 1979, с.59-61.

232. Лундин А.Г. Ирригация в древнем Йемене. По поводу книги: J.Pirenne. La Maîtrise de l'eau en Arabie du Sud Antique. Six types de monuments techniques. "Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres", t.2. Paris, 1977. - ВДИ, 1979, № 3, с.179-184.
233. /Лундин А.Г. и Мещерская Е.Н./ Предисловие. - В кн.: Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с.5-18.
234. Лундин А.Г. Сабейская гробничная надпись из Архаба. - В кн.: Переднеазийский сборник III. М., 1979, с.168-170. Рез. на англ. яз. (с.274).
235. Лундин А.Г. Хронологический список сабейских синонимов I-III вв. н.э. (новые материалы), - НАА, 1979, № 5, 97-106.
236. Лундин А.Г. Элемент 'м' в южноарабских именах: имя бога или термин родства? - ШИ ПИКНВ, XIV, ч.I. М., 1979, с.123-128.
237. Лундин А.Г. Южная Аравия и древний Восток. - В кн. УШ Всесоюз. конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.55-57.
238. Лундин А.Г. Земельные отношения в Саба'. - "Дарāsāt йаманиййа", Сана, 1979, № 3, с.77-92. (На араб. яз.)
Перевод выдержки из книги А.Г.Лундина "Государство мукаррибов Саба'". М., 1971, гл.5 (с.233-245).
См. также № 293, 396.
239. Мартынов А.С. К характеристике военной доктрины Гао-цзина (I736-I795 гг.) - В кн.: IX науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.2. М., 1978, с.26-30.
240. Мартынов А.С. О некоторых специфических трудностях при определении роли традиций по отношению к современному Китаю. - В кн.: Место религий в идеино-политической борьбе развивающихся стран (тезисы Рабочего совещания). М., 1978, с.162-163.
241. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1978. 282с. (АН СССР. Ин-т востоковед. Ленингр. отд-ние). Список лит.: с.271-278 (220 назв.)
Указ. имен: с.279-281.
242. Мартынов А.С. Су Дун-по (1036-1101) и буддизм. - ТПИДВ, УШ/2. М., 1978, с.218-224. Библиогр.: с.224.
243. Martynov A.S. On the status of the Fifth Dalai Lama. An attempt at the interpretation of his diploma and title. -

В кн.: Proceedings of the Csoma de Kőrös memorial symposium. Held at Mátrafüred, Hungary 24-30 Sept. 1976. Budapest, 1978, p.289-294.

244. Мартынов А.С. Значение приезда послов в императорском Китае. - НАА, 1979, № I, с.27-39. Рез. на англ. яз. (с.251).

245. Мартынов А.С. К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X-XII вв. (Территориальный аспект). - В кн.: П.И.Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти). Материалы конфер. Ч.1. М., 1979, с.108-116. Библиогр.: с.115-116.

246. Мартынов А.С. Международные отношения как тема китайской изящной словесности. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.129-133.

247. Мартынов А.С. О традиционной интерпретации внешних войн в официальных документах Китая VII-XVIII вв. - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.2. М., 1979, с.3-7. Библиогр.: с.7.

248. Мартынов А.С. Традиционный китайский подход к внешнему миру. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.20. М., 1979, с.230-243. Лит-ра: с.242-243.

249. Мартынов А.С. /Рец. на кн./: Манкина И.Н. Китай и Вьетнам (III-XIII вв.) М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1978. 352с. - НАА, 1979, № 5, с.212-217.

250. Медведева Л.Я. /Сост./: Хронологический перечень трудов С.Е.Малова и литературы о нем. - СТ 1975, М., 1978, с.262-276.

251. Медведская И.Н. Иран последней четверти II тыс. до н.э. по археологическим материалам. К ранней истории иранских племен. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Л., 1978. 18с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

252. Медведская И.Н. История одной керамической формы. - В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сб. статей. Л., 1978, с.54-66.

253. Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. - В кн. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 14 (1974). Душанбе, 1979, с.110-122.

254. Меньшиков Л.Н. /Пер. с кит./: Вэ Ин-у. - В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с.288-289. (БВМ. Сер.1, т.16).

255. Меньшиков Л.Н. /Чл. редкол., сост. примеч. ред.и

иероглиф. указ. /: Алексеев В.М. Китайская литература. Избр. труды. М., 1978. Указатели: с. 557-592. (Совм. с М.В. Баньковской и В.В. Петровым).

256. Menshikov L.N. T'ang chih-yen.-Lü Kuan-wen Chuang-tzu i. - Liu Chih-yüan chu-kung-tiao. - Hsi-hsiang chi chu-kung-tiao. - В кн.: A Sung bibliography. (Bibliographie des Soung), Hong Kong, 1978, p. 189, 365-366, 480, 481.

См. также № 270.

257. Мецерская Е.Н. Легенда об Авгаре и апотропеические тексты на греческом языке. - ПС, вып. 26 (89), 1978, с. 102-106. Рез. на англ. яз. См. также № 233, 293.

258. Михайлова И.Б. Организация аййаров в Багдаде X-XI вв. - III и ПИКНВ, XIII, /ч. 2/. М., 1978, с. 86-93.

259. Михайлова Ю.Д. Внешнеполитические взгляды участников "Движения за свободу и народные права". - "Вестник ЛГУ", вып. I, 1978, № 2, с. 46-53. Рез. на англ. яз.

260. Михайлова Ю.Д. Движение за свободу и народные права в Японии: история и идеология левого крыла (1870-1880-е гг.) Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1978. 16с. (АН СССР. Ин-т востоков.)

261. Михайлова Ю.Д. К характеристике конституционного движения в Японии (1870-80-е гг.) - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2, ч. I. М., 1978, с. 133-134.

262. Мокеев А.М. /Рец. на кн. /: Dor R. Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan. Paris, 1975. 341p. (Cahiers Turcica, I). - СЭ, 1978, № 2, с. 178-181.

263. Мокеев А.М. Основные формы связи кочевников с городами Восточного Туркестана в VII-первой половине VIII в. - В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 181-186. Библиогр.: с. 185-186.

264. Мусаэлян Ж.С. Курдская поэма "Замбильфрощ" и ее фольклорные версии. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1978, 20с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

265. Мусаэлян Ж.С. Продавец корзин. /Замбильфрощ/. Бейрут, 1979. 57с. (На араб. яз.)

266. Невелева С.Л. /Рец. на кн. /: Видьяпати. Песни любви. Из индийской средневековой лирики. Пер. С. Северцева. /Сост., подстр. пер. стихов с майтхили, вступ. ст. и примеч. Ю. Цветкова/. М., "Худож. лит.", 1977. 254с. - "Звезда", 1978, № 6, с. 220-221.

267. Невелева С.Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979.

136с. (АН СССР. Ин-т востоковед. Исслед. по фольклору и мифол. Вост.) Библиогр.: с.132-133. Рез. на англ. яз.: с.134-135.

268. Невелева С.Л. Некоторые особенности древнеиндийской эпической поэтики. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.190-194.

269. Невелева С.Л. Некоторые особенности древнеиндийской поэтики (эпитет в "Махабхарате"). - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. уч. к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.) П. М., 1979, с.63-71.

270. Невский Н.А. Фольклор островов Мияко. /Отв. ред. Л.Н.Меньшиков. Сост. Л.А.Громковская/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1978. 192с.

271. Никитина М.И. Поэтическое слово в корейской культуре. - В кн.: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с.387-402. (БВЛ. Сер. I, т.6)

Примечания к разделу "Корея". - Там же, с.862-876. (Совм. с. Л.Концевичем).

272. Никитина М.И. /Предисл., подстрочн. пер. со старокор., примеч./: Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX вв. Пер. А.Нов-тиса. М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1978. 327с. (Подстрочн. пер. - совм. с Л.Концевичем).

Предисл.: с.3-26.

Примеч. (совм. с Л.Концевичем): с.285-315.

273. Никитина М.И. Представление об "облике" "старшего" и "младшего" в хянга "Песня Чхоёна" (IX в.) и обрядах "хождения по мостам". - ТПИИДВ, УШ/2. М., 1978, с.239-250. Библиогр.: с.248-250.

274. Никитина М.И. Хянга "Старик преподносит цветы" (VIII в.) в связи с представлениями об "облике" "старшего" и "младшего". - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.194-201.

275. Николаева Л.И. Источники географического словаря Якута ад-Хамави по географии и истории Южной Аравии. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.107-113.

См. также № 396.

276. Ниязов Х.Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып.8. Персоязычная художественная литература (XI - начало XIII в.). М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1979. 144с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Указатели: с.134-143.

277. Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. /Отв.ред. И.М.Стеблин-Каменский/. М., "Наука", Гл. ред.

вост. лит., 1979. 238с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Лит-ра: с.199-234.

278. Pavlovskaya L.K. Hsien-pien wú-tai shih ping-hua. - В кн.: A Sung bibliography (Bibliographie des Soung). Hong Kong, 1978, p.484-485.

279. Павловская Л.К. О двух названиях народного повествования о путешествии танского монаха Трипитаки в Индию за сутрами. - III и ПИКНВ, XIV, ч.I. М., 1979, с.47-52.

280. Пайкова А.В. Повесть о Евфимии и готе. (К вопросу об определении языка оригинала). - ПС, вып.26(89), 1978, с.86-101. Рез. на англ. яз.

281. Paykova A.V. The Syrian ostrakon from Panjikant. - "Le Muséon", t.92, 1979, fasc.1-2, p.159-169.

См. также № 293.

282. Парибок А.В. О смысле примера с колесницей в "Вопросах Милинды". - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. уч. к IV Всем. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.) П. М., 1979, с.85-92.

283. Perepelkin G. The secret of the gold coffin. М., "Наука", 1978. 167р., 1л. (USSR Acad. of sciences. Inst. of Oriental stud.)

284. Перепелкин Ю.Я. Кайе и Семнех-ке-ре. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., "Наука", Гл.ред.вост. лит. 1979. 310с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

См. также № 149.

285. Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. Сводный каталог фондов библиотек Ленинграда в 3-х кн. Кн.I. Южная и Юго-Восточная Азия. Л., 1979, 326с. (БАН СССР. - ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. - Науч.б-ка им. М.Горького при ЛГУ им. А.А.Жданова).

В работе над каталогом принимали участие: И.Э.Циперович (чл. редкол.), Э.С.Русинова (описание изданий на европ. яз. стран Южной и Юго-Вост. Азии), К.Л.Чижикова (раздел "Индия" - описание на нац. языках).

286. Периханян А.Г. Ордалия и клятва в судопроизводстве доисламского Ирана. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.182-192. Рез. на англ. яз. (с.275).

287. Петросян И.Е. /Рец. на кн./: Turcica. Revue d'études turques. T. IX/2-X. Paris-Strasbourg, 1978. - СТ, 1979, № 3, с.78-81.

288. Петросян Ю.А. В научных центрах, библиотеках и архивах Сараево. - В кн.: Проблемы истории Турции. М., 1978, с.115-118. Библиогр.: с.118.

289. Петросян Ю.А. Идеи "европеизации" в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени. - ТС 1976. М., 1978, с.120-129. Библиогр. в примеч.: с.129.

290. Петросян Ю.А. Идеологи реформаторских движений в странах Ближнего Востока об образовании и экономическом прогрессе (вторая половина XIX - начало XX вв.) - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.134-139.

291. Петросян Ю.А. Изучение истории и история Турции. (60-70-е годы). - В кн.: Балканские исследования. Вып.5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979, с.142-152.

292. Петросян Ю.А. /Пер. с турецк./: /Путь через земли Большой и Малой Кабарды/. - В кн.: Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. Вып.2. М., 1979, с.80-103. (Совм. с А.А.Зыриным, Р.Д.Ивановой и А.Н.Баскаковым).

293. Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. Отв.ред. И.М.Дьяконов. М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1979. 248с.; 7 л. ил. (Культура народов Востока. Матер. и исслед.). Рез. на англ.яз.

В подгот.моногр. к печати принимали активное участие сотрудники группы историко-культурн.исследов. Сектора Ближн. Востока: Е.Н.Мещерская, А.В.Пайкова и А.Г.Лундин, которые редактировали текст монографии; В.Г.Рылова завершила перевод "Устава Нисибийской академии" (с.93-97), а также выверила пер. памятника, подгот. Н.В.Пигулевской. Ценную помощь оказали К.Б.Старкова и И.Ш.Шифман. Технич.работа по подгот.рукописи выполнена Е.Н.Мещерской, А.В.Пайковой и Р.Г.Рыловой.

294. Пиотровский М.Б. Аравийские пророки VII в. н.э. - III и ПИКНВ, XIII, ч.2/. М., 1978, с.70-76.

295. Пиотровский М.Б. Востоковедные центры Ирака. - НАА, 1979, № 6, с.147-151.

296. Пиотровский М.Б. Эфиопия и Хиджаз в VII в. (эфиопская хиджа). - В кн.: Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. (Москва, 19-21 июня 1979 г. Тез.докл.). М., 1979, с.65.

297. /Пиотровский М.Б./ /Хроникальная заметка о III годичной сессии ленинградских арабистов/. - НАА, 1979, № 2, с.165-166.

298. Пиотровский М.Б. Встреча ленинградских арабистов. - "Альба Муску" /еженед./ М., 1979, № 39, с.14 (На араб. яз.)

299. /Пиотровский М.Б. Интервью о Ленингр. отд-нии Ин-та востоковедения АН СССР/. - "Шамс Курдистан", /журн./, Багдад, 1979, № 35, с.24-25 (На араб. яз.)

300. /Пиотровский М.Б. Интервью о советском востоковедении/. - "Ал-Ирак", /газ./, Багдад, 1979, II янв. (На араб. яз.)

301. /Пиотровский М.Б. Интервью об актуальных проблемах средневековой истории арабов/. - "Алиф Ба", /журн./, Багдад, 1979, № 542, с.48-49. (На араб. яз.)

302. Пиотровский М.Б. и Стеблин-Каменский И.М. Среди древних памятников нового Йемена. /Реп. на кн.: Грязневич П.А. В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М., "Наука", 1978. 344с. с ил./ - "Анба Муску", /еженед./, М., 1979, № 9, с.15. (На араб. яз.)

См. также № 396.

303. Полосин В.В. К вопросу о двух редакциях "Фихриста" Ибн ан-Надима. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.113-118.

304. Полосин Вл.В. Библиография древнеаравийской поэзии. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.149-167.

305. Ромодин В.А. Еще об авторе "Сирадж ат-таварих" и об издании этого сочинения. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.53-57.

306. Рудой В.И. Некоторые послышки индийской философии грамматики. - В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. (Сб. статей и сообщ. сов. уч. к IV Всемир. конфер. по санскриту. Веймар, ГДР, 23-30 мая 1979 г.) П. М., 1979, с.108-115.

Русинова Э.С. см. № 285.

307. Рыбаков В.М. О правовых привилегиях чиновничества в Китае при династии Тан. - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т.2, ч.2. М., 1978, с.194-196.

308. Рыбаков В.М. О принципе зачета рангом наказаний за уголовные преступления (по материалам Танского кодекса Тан луй шу и). - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.140-145.

309. Рыбаков В.М. Принципы общеслужебной ответственности в Танском кодексе. - В кн.: X науч. конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.105-111.

Рылова Р.Г. см. № 293.

310. Савицкий Л.С. Любовная поэзия Цаньян Дзамцо (1683-1706) (к критике религиозно-мистического толкования). - В кн.: Девятая научная конференция "Общество и государство в Китае".

Тезисы и докл. Ч.2. М., 1978, с.59-65.

311. Savitsky L.S. Secular lyrical poetry in Tibet.

Works of Tsangjang-jamtso (1683-1706). - В кн.: Proceedings of the Csoma de Kőrös memorial symposium. Held at Mátrafüred, Hungary 24-30 Sept. 1976. Budapest, 1978, p.403-409.

312. Савицкий Л.С. Комментарий и рукопись Тибетского фонда ЛО Института востоковедения АН СССР с текстами лирических стихотворений Цаньян Джамцо (1683-1706). - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.57-61.

См. также № 213.

313. Сазыкин А.Г. О колофоне одного из переводов ойратского Зая-Пандиты. - В кн.: Исследования по монгольской филологии. М., 1978, с.107-112.

314. Сазыкин А.Г. "Повесть о Чойджид-дагине" как памятник монгольской литературы XVII века. Автореф.дисс. ... канд. филол.наук. Л., 1978. 21с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

315. Сазыкин А.Г. Генезис и бытование прозапоэтической версии "Повести о Чойджид-дагине". - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.201-206.

316. Свиридов Г.Г. "Повествование, собранное в Удзи". - НАА, 1978, № 1, с.92-104.

317. Свиридов Г.Г. Проза сэцува и вопросы литературной формы. - ТПИЦВ, УШ/2. М., 1978, с.141-149. Библиогр.: с.148-149.

318. Свиридов Г.Г. Синекдохичность японской прозы сэцува. - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т.3, ч.2. М., 1978, с.57-60.

319. Свиридов Г.Г. Ирония в сэцува: частный прием или стилиобразующая концепция? - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.206-211.

320. Свиридов Г.Г. Конфуций и японская проза сэцува, - В кн.: X науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.137-143. Библиогр.: с.143.

321. Свиридов Г.Г. Некоторые вопросы поэтики японской средневековой прозы сэцува. Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. М., 1979. 17с. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

322. Свиридов Г.Г. Некоторые популярные буддийские культы в Японии. (Генезис идеологии). - В кн.: Япония, 1978. Ежегодник. М., 1979, с.222-236.

323. Свиридов Г.Г. Встречи в Японии. - "Смена" /газ./, 1979, 10, II и 12 июля.

324. Селиванова Т.П. Паршад в средневековом Кашгаре по данным "Раджатарангини" Калханы. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.145-150.

325. Смирнова Л.П. Исфаханский говор. (Материалы к изучению). М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1978. 97с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с.93-96.

326. Смирнова Л.П. Литературное общество "Маотабе Са'ад" в Исфахане. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии. Труды VI Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии (28-30 мая 1970 г. Тбилиси). Тбилиси, 1978, с.581-590.

327. Смирнова Л.П. /Рец. на кн./: The Tārikh-e Sistān. Transl. by M.Gold. Roma, Ist.Ital. per il Medio ed Estremo Oriente, 1976. 369p. - НАА, 1978, № 4, с.245-247.

328. Смирнова Л.П. "Талаба" по тексту 'Аджда'иб ад-Дунбā. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.255-259.

329. Смирнова О.И. Из истории обращения медных (бронзовых) монет в Согде переходного периода. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.61-68.

330. Спирин В.С. Примеры сравнительного простого значения "дао". - В кн.: IX науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.1. М., 1978, с.85-91.

331. Спирин В.С. Геометрический образ "правильного поведения (ли 不 悖)" в "Сюнь-цзы". - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.150-157.

332. Спирин В.С. К характеристике древнекитайской натурфилософии. - В кн.: X науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1979, с.40-45. Библиогр.: с.45.

333. Старкова К.Б. Шифрованные астрологические документы из окрестностей Хирбет-Кумрана (4 Q Sgupt). - ПС, вып. 26(89), 1978, с.124-132. Рез. на франц. яз.

334. Старкова К.Б. /Рец. на кн./: "Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, вострослове Абу-Нуване и хитроумном Джухе". Пер. с араб. Р.Алиева и Д.Юсупова. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1976. 304с. - НАА, 1978, № 1, с.241-242.

335. Старкова К.Б. Употребление предлога 'im в "Благодарственных гимнах" и "Уставе" Кумранской общины. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.208-211. Рез. на англ.яз. (с.276).

См. также № 293.

336. Грюнберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. К 60-летию Михаила Николаевича Боголюбова. - ИАН СССР, ОЛЯ, т.37, 1978, № 5, с.472-473.

337. Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины. - В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с.72-74.

338. Стеблин-Каменский И.М. /Хроникальные заметки о семинаре ленинградских иранистов/. - НАА, 1978, № 4, с.187; № 5, с.183; № 6, с.158-159.

339. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: *Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni group.* Wiesbaden, 1974. 119p. - В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, с.169-171.

340. Стеблин-Каменский И.М. "Колени" и "локти" памирского субстрата. - В кн.: Переднеазиатский сборник Ш. М., 1979, с.212-214. Рез. на англ.яз. (с.276).

341. Грюнберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. О грамматической форме в памирских языках. - В кн.: Всесоюз.науч.конфер. "Проблемы иранской филологии", посвящ. 60-летию Вел.Окт.соц. революции. (Баку, 1977 г.) Баку, 1979, с.6-7.

342. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: Оранский И.М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введ., тексты, словарь. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 448с.; 2 л. фотогр. - ВЯ, 1979, № 2, с.139-142.

См. также № 96, 216, 277, 302.

343. Стулова Э.С. Сочинения жанра баоцзюань в коллекции ЛО ИЗ АН СССР. - ТПИДЦВ, УШ/2. М., 1978, с.184-185.

344. Стулова Э.С. /Изд. текста, пер. с кит., исслед. и коммент./: Баоцзюань о Пу-мине. /Отв.ред. О.Л.Фишман/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1979. 402с.+236с. факс. (ШПВ,56). Рез. на англ.яз.: с.395-402.

345. Стулова Э.С. Конфуцианские представления о долге чиновника и воле неба во взаимоотношениях императора и подданных. - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.157-162.

346. Струве В.В. Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Шумера эпохи III династии Ура. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.189-261. (На араб. яз.)

Пер. статьи: *Some new data on the organization of labour and on social structure in Sumer during the reign of the IIIrd Dynasty of Ur*, ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, p.127-172).

347. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити. Багдад, 1976, с.23-98. (На араб. яз.)

Пер. статьи: The problem of the genesis, development and disintegration of the slave societies in the ancient Orient. ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, p.17-69).

348. Султанов Т.И. Некоторые вопросы турецкой средневековой переводной исторической литературы. - ТС 1976. М., 1978, с.141-152. Библиогр. в примеч.: с.151-152.

349. Султанов Т.И. Письма золото-ордынских ханов. - ТС 1975. М., 1978, с.234-251.

350. Султанов Т.И. /Статьи в КазСЭ/: Убайдулла-наме. - КазСЭ, т.11. Алма-Ата, 1978, с.283.

Фатх-наме. - Там же, с.452.

Хабиб ас-сийар. - Там же, с.556.

Хасан бек Румлу. - Там же, с.616.

Хафиз-и Таныш. - Там же, с.620.

Хайдар б.Хусаин - Там же, с.558.

Хайдар б.Али Хусейн Рази. - Там же, с.558.

Хондемир. - КазСЭ, т.12. Алма-Ата, 1979, с.43.

Худайдад. - Там же, с.63.

Челеби Сейфи. - Там же, с.101.

Чагатай. - Чагатайский улус. - Чагатайдов династия.

- Там же, с.161-162.

Шейбани-наме. - Там же, с.164.

Шараф ад-дин Али Езди. - Там же, с.183.

Шараф-наме-и шахи. - Там же, с.183.

Шаджарат ат-атрак. - Там же, с.205.

Шаджара-и тюрк. - Там же, с.206.

Шайх Хайдар б.Абулхайр-хан. - Там же, с.232.

Шир Мухаммад. - Там же, с.254.

Шигай. - Там же, с.302.

Эвлия Челеби. - Там же, с.373. (На казах.яз.)

351. Темкин Э.Н. и Эрман В.Г. /Лит.излож./: Три великих сказания древней Индии. Сказание о Раме. Сказание о Кришне. Сказание о великой битве потомков Бхараты. Отв.ред. Г.А.Зюграф. М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1978, 576с.

352. Троцевич А.Ф. Мир цвета в ранних памятниках корейской литературы (на материале "Сам гук юса" - "События, оставшиеся

от времён трёх государств", 1285 г.) - ТИИДВ, УШ/2. М., 1978, с.275-277.

353. Тугушева Л.Ю. Два колофона из собрания дреенеугурских рукописей ЛО ИВ АН СССР. - ТС 1975. М., 1978, с.252-261.

354. Тугушева Л.Ю. Орхоно-тюркский и древнеугурский языки, их сходство и различие. - ТС 1974. М., 1978, с.114-124. Библиогр. в подстр. примеч.

355. Тугушева Л.Ю. /Рец. на кн./: Kara G., Zieme P. Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas "Tiefer Weg" von Sa-skya Pandita und der Mañjuśrīnāmasaṃgīti. Berlin, 1977. 148+LS. (Berliner Turfantexte VIII. - "Schr. zur Geschichte u. Kultur des Alt.Orients"). - СТ, 1978, № 6, с.85-86.

356. Туманович Н.Н. Забытая персидская обрамленная повесть. - III И ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.211-216.

357. Туманович Н.Н. История изучения архива В.В.Бартольда. - В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с.263-270. Библиогр. в примеч.: с.269-270.

358. Фихман И.Ф. Хозяйственные связи города и округа в римском Египте. - В кн.: Авторско-читат.конфер. журнала "Вестник древней истории" по проблеме "Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры". Тез. докл. М., 1978, с.23-25.

359. Фихман И.Ф. Г.Ф.Церетели и П.В.Ернштедт. (Из истории русско-византийских научных связей). - В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с.99-104.

360. Фихман И.Ф. /Рец. на кн./: Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses. Marburg /Lahn, 2.-6. August 1971. München, 1974. XX, 501S., 8 Taf. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. 66.Ht.) - ВДИ, 1978, № 1, с.188-198.

361. Виноградов И.В. и Фихман И.Ф. /Рец. на кн./: Festschrift zum 150 jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. Berlin, Akad. - Verl., 1974. 522S., 88 Taf. (Staatliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung. Bd.8). - ВДИ, 1978, № 3, с.192-204.

362. Фихман И.Ф. Патронатное движение в оксиринкских папирусах - В кн.: Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Эйрене"). Ереван, 1979, с.380-385. Библиогр.: с.385.

363. Фихман И.Ф. Приписные колонны по данным папирусов. - В кн.: УШ Всесоюз. конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.97-99.

364. Fichmann I.F. Die spätantike Stadt Oxyrhynchos. Ein sozialökonomischer Abreis. - "Das Altertum", Bd.25, 1979, H.3, S.177-182.

365. Фихман О.Л. О разновидностях и функциях цитат в двух сборниках бицзи. - ТПИДВ, УШ/2. М., 1978, с.277-288. Библиогр.; с.287-288.

366. Фихман О.Л. Представления о времени в сборниках бицзи. - В кн.: IX конфер. "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.2. М., 1978, с.44-48.

367. Фихман О.Л. и Санович В.С. /Подготовка текстов и указателей/: Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М., "Наука", 1978. 462с. Указатели: с.449-460.

368. Фихман О.Л. /Сост. и предисл./: Роса на траве. Стихи поэтов Китая в переводах Александра Гитовича. - В кн.: Далекие и близкие. Стихи зарубежных поэтов. М., 1978, с.219-300.

Предисл.: "Если говорить о переводах..." - с.221-228.

369. Fischman O.L. "Dschung Kuei und der satirische Roman der chinesischen Aufklärung. - В кн.: Dschung Kuei - Bezwinger der Teufel. Altchinesisches Volksbuch. 2-te Aufl. Leipzig-Weimar, 1978, S.232-238.

370. Фихман О.Л. "Владычица озера Сиху" Пу Сун-лина и структура классической волшебной сказки. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.216-222.

371. Фихман О.Л. Путь к великой стене. /Рец. на кн.: Кривцов В. Отец Иакинф. Роман. Л., Лениздат, 1978. 654с. с ил./ - "Дружба народов", 1979, № 5, с.273-276.

См. также № 344.

372. Хайдары Дж. Романтизм в произведениях Шакира Фаттах. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.222-227.

373. Халидов А.Б. Арабские рукописи в СССР и их изучение. - В кн.: Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с.62-78.

374. Халидов А.Б. Об архиве В.И.Белыева. - III и ПИКНВ, XIII, /ч.2/. М., 1978, с.140-142.

375. Арендс А.К., Халидов А.Б. и Чехович О.Д. /Факс., изд. текста, пер. с араб. и перс., введ. и коммент./: Бухарский вакф

ХШ в. М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1979. 134с., 22с. факс.
(ШПВ, 52). Указатели: с.91-104. Рез. на англ. яз.: с.129-134.

376. Ханин З.Я. "Второсортные" японцы. - В кн.: Япония
1978. Ежегодник. М., 1979, с.109-124.

377. Хачатрян А.А. Талынская арабская надпись. - В кн.:
Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников.
Т.3, ч.2. М., 1978, с.138-139.

378. Tsiperevich I.E. Meng-ch'i pi-t'an. - Ch'ing-so Kao-i
ch'ien chi. - Iü-ch'uang hsin-hua. - Tsa-tsuan erh tsai-hsü. -
Tsa-tsuan hsü. - Ching-pen t'ung-su hsiao-shuo. - В кн.: A Sung
bibliography. (Bibliographie des Soung). Hong Kong, 1978, p.226-
228; 342-343; 346-347; 347-349; 483-484.

379. Циперович И.Э. /Сост./: Указатель периодических изда-
ний на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда.
М., 1979. 345с. (АН СССР. ИНИОН). (Совм. с Л.А.Кувшинниковой,
В.В.Бакалюк, Т.Н.Холмовской и Л.И.Мальшико).

380. Циперович И.Э. /Рец. на кн./: A bibliography of Chi-
nese newspapers and periodicals in European libraries. Cambridge
-London-New York-Melbourne, Cambridge Univ.Pr., 1975, repr.
1977. VIII, 68, 1025 p. - НАА, 1979, № 4, с.229-232.

См. также № 285.

381. Четверухин А.С. О главных членах староегипетского
именного предложения. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.259-
- 265.

382. Чижилова К.Л. Дополнения к библиографии по бенгаль-
скому языкознанию. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.265-269.

См. также № 285.

383. Чунакова О.М. К датировке "Книги деяний Ардашира ,
сына Папака". - III и ПИКНВ, XIV, ч.1. М., 1979, с.68-71.

384. Шарафутдинова Р.Ш. Русско-арабские культурные связи
на Ближнем Востоке. (Страничка из истории русско-арабских школ).
- ПС, вып.26(89), 1978, с.54-59. Рез. на англ.яз.

385. Шифман И.Ш. К вопросу о датировке § 19 "Перипла Эрит-
рейского моря". - ПС, вып.26(89), 1978, с.136-139. Рез. на
англ.яз.

386. Schiffmann I. Griechische und orientalische Quellen
der hellenistischen Polisorganisation im vorderasiatischen Be-
reich. - "Klio", Berlin, Bd.60, 1978, H.1, S.203-216.

387. Шифман И.Ш. Арамеизация Северной Аравии в I тыс. до
н.э. - В кн.: УШ Всесоюз.конфер. по древнему Востоку, посвящ.

памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.113.

388. Шифман И.Ш. К вопросу о значении энклитического местоимения - ну в угаритском языке. - В кн.: Передвезазиатский сборник Ш. М., 1979, с.229-230. Рез. на англ.яз. (с.277).

389. /Шифман И.Ш./ "Небесные животные" в надписи из Банасы? /Излож.докл. на науч.чтениях, посвящ. 70-летию С.Л.Утченко/. - ВДИ, 1979, № 2, с.222.

390. Шифман И.Ш. Пальмирская государственность (империя Одената-Зенобии). - В кн.: Проблемы античной истории и культуры. (Доклады XIV Междунар.конфер. античников соц.стран "Эйрене"). Ереван, 1979, с.327-331. Библиогр.: с.331.

391. Шифман И.Ш. Угаритское общество эпохи формирования угаритских поэтических повествований. - В кн.: VIII Всесоюз.конфер. по древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. Тез.докл. М., 1979, с.111-113.

См. также № 293.

392. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1977 г. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.274-292.

393. Щеглова О.П. Иранская литографированная книга как источник по истории и истории культуры Ирана XIX в. Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. М., 1978. 20с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

394. Щеглова О.П. Несколько слов об иранских наборщиках. - "Пейям-е новин", вып.12, 1978, № 1, с.66-76. (На перс. яз.)

395. Щеглова О.П. Иранская литографированная книга. (Из истории книжного дела в Иране в XIX - первом десятилетии XX в.). М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1979, 253с. с ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с.215-224. Указатели: с.225-252.

396. Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып.1. /Отв. ред.Б.Б.Пиотровский/. М., "Наука", 1978. 73с.+ 38л.ил.

Книга содержит публикации эпиграфических и археологических памятников древней Южной Аравии, обнаруженных П.А.Грязневичем в центральном Йемене в 1966-1967 гг. Описание поездки, общая характеристика археол.памятников, а также извлечение сведений из сочинений араб.авторов сост. П.А.Грязневич. Подготовка текстов и переводов надписей выполнена под ред. А.Г.Дундина. Им же сост. перечень собственных имен (по надписям) (с.63-64). Д.Е.Бертельс сост. список цитированных работ (с.57-59), а также осуществил значительную часть работы по подготовке рукописи к печати. Л.Н.Николаева сост. указатели имен и географических названий (с.65-69). М.Б.Пиотровский - указатель надписей (с.70-71).

397. Юзбашян К.Н. Архитектурная тема в армянской средневековой историографии. Ереван, 1978. 20с. (П Международ. симпозиум по армянскому искусству).

398. Юзбашян К.Н. Грузинские послы в Ани в 1045 г. - В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с.156-160.

399. Юсифов Ю.Б. К вопросу о рабстве в Эламе. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.231-242. Рез. на англ.яз. (с.277).

400. Юсупова З.А. /Рец. на кн./: Blau, J. Le kurde de 'Amā-diya et de Djabal Sindjār (analyse linguistique, textes folkloriques, glossaires). Paris, 1975. 252p. - НАА, 1978, № I, с.245-246.

401. Юсупова З.А. Синтаксические функции курдских энклитических местоимений. - III и ПИКНВ, XIV, ч.2. М., 1979, с.269-273.

402. Якобсон В.А. Социальная структура новоассирийского царства. - В кн.: Древняя Месопотамия. Сб. статей сов. ученых. Пер. с англ. С.Т. ал-Такрити, Багдад, 1976, с.423-451. (На араб. яз.)

Пер. статьи: The social structure of the Neo-Assyrian empire. ("Ancient Mesopotamia". М., 1969, p.277-295).

403. Якобсон В.А. "Кража" и "грабеж" в законах Хаммурапи. - ПС, вып.26(89), 1978, с.165-166. Рез. на англ. яз.

404. Якобсон В.А. Представление о государстве в древней Месопотамии (к постановке вопроса). - В кн.: Древний Восток. 3. Ереван, 1978, с.55-70.

405. Якобсон В.А. "Диалог господина с рабом". - В кн.: УШ Всесовз.конфер. по древнему Востоку, посвящ.памяти акад. В.В. Струве. Тез.докл. М., 1979, с.II5-II6.

406. Якобсон В.А. Титул šakintu в новоассирийских текстах. - В кн.: Переднеазиатский сборник III. М., 1979, с.243-245. Рез. на англ.яз. (с.277).

407. Якобсон В.А. /Отв.ред., предисл. и примеч./: Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. /Пер. с нем./ М., "Наука", Гл.ред.вост.лит., 1979. 259с. с ил. и карт. ("По следам исчезнувших культур Востока").

Предисл.: с.3-26. Примеч.: с.256-258.

408. Янйнайте М.К. К этногенезу хеттов (на основании истории кремационного обряда). - В кн.: УШ Всесоюз.конфер. по древнему Востоку, посвящ.памяти акад. В.В.Струве. Тез. докл. М., 1979, с.129-130.

Список сокращений

БВЛ	- "Библиотека всемирной литературы".
/Серия/.
БСЭ	- "Большая советская энциклопедия".
ВВ	- "Византийский временник".
ВДИ	- "Вестник древней истории".
ВЯ	- "Вопросы языкознания".
ИАН СССР. ОЛЯ	- "Известия Академии наук СССР.
Отделение литературы и языка".
КазСЭ	- "Казахская советская энциклопедия".
КЛЭ	- "Краткая литературная энциклопедия".
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ПШВ	- "Письменные памятники Востока".
/Серия/.
ПШПИКНВ, XII, /ч.2/.	- "Письменные памятники и проблемы
истории культуры народов Востока.
XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН
СССР (доклады и сообщения по арабисти-
ке). /ч.2/". М., 1978.
ПШПИКНВ, XIV, ч.1, 2.	- "Письменные памятники и проблемы ис-
тории культуры народов Востока. XIV го-
дичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения). Декабрь 1978 г.
ч.1, 2". М., 1979.
ПС	- "Палестинский сборник".
СА	- "Советская археология".
СИЯЛ	- Серия истории, языка и литературы.
СТ	- "Советская тюркология".
СЭ	- "Советская этнография".
ТШПДВ, УШ/1, 2.	- "Теоретические проблемы изучения лите-
ратур Дальнего Востока. Тезисы и докла-
ды УШ научной конференции. Ленинград,
1978. ч.1, 2". М., 1978.
ТС	- "Туркологический сборник".
В10r	- "Bibliotheca Orientalis".

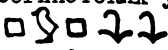
СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Болдырева М.А. Стихотворение Гунавана Мохамата "Асмарадана".....	3
Бурман А.Д. Формулы описания женской красоты в бирман- ской драматургии середины XIX века (на материале пьес У Чин У и У Поун Ня).....	7
Ворожейкина З.Н. Касыды о голоде.....	13
Гафурова Н.Б. Стихотворные формы "пад" и "рамайни" в творчестве Кабира.....	17
Джалилов О.Дж. Собрание курдского фольклора (фоль- клорная экспедиция ЛО ИВ АН СССР 1978 г.).....	22
Западова Е.А. "Поднятая целина" на бирманском языке.....	25
Иванова Г.Д. Нацумэ Сосэки о профессоре Кэбере.....	30
Кравцова М.Е. "Песня о бесконечном" Шэнь Юэ (44I-5I3).....	33
Мусаэлян Ж.С. Поэма Факи Тейрана "Стихи, обращенные к реке".....	39
Посова Т.К. О структуре Девимахатмья.....	44
Свиридов Г.Г. О некоторых особенностях "Хоссинсю" ("Со- брание о духовном прозрении", Япония, XIII в.).....	47

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гуревич И.С. Некоторые особенности глагола в китайском языке III-V вв. (на материале сутры Бай юй цзин).....	57
Зиграф И.Т. Наречия в среднекитайском языке.....	58
Зиграф И.Т. О лингвистической достоверности минских изданий ваньских пьес.....	61
Зиграф Г.А. Новоиндоарийская система числительных.....	65
Кенинг К.Б. Прилагательное в тангутском языке.....	70

Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства.....	76
Носова Н.И. Глаголы с переменным окружением в бирман- ском языке.....	85
Рудой В.И. К философии языка в Абхидхармике.....	88
Четверухин А.С. Функция староегипетских указательных местоимений в сочетании pw-p(w)-nn на материале Текстов пирамид, § I67a.....	93
Чижикова К.Л. Дополнения к библиографии по бенгальскому языкознанию.....	98
Юсупова З.А. Морфологические функции энклитических местоимений в курдском языке.....	101

БИБЛИОГРАФИЯ

Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1978-79 гг.	107
---	-----

Подписано к печати 08.01.81. А-08407
Усл. печ.л. 9,0. Уч.-изд.л. 8,82. Усл.кр.-отт. 9,25
Тираж 150 экз. Зак. 26. Цена 1 р. 30 к.
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Цена 1 р. 30 к.